

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

И. М. Басовец

**СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ
И МЕДИАТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ**

МГЛУ
Минск
2025

УДК [811.161.1+811.112.2]’367.3
ББК 81.411.2–222+81.432.4–222
Б275

Рекомендована Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 3(77) от 30.06.2025 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А. Э. Левицкий* (МГУ им. М. В. Ломоносова); кандидат филологических наук, доцент *Ю. В. Овсейчик* (МГЛУ)

Басовец, И. М.

Б275 Субъектная референция и медиатекстовые категории /
И. М. Басовец. – Минск : МГЛУ, 2025. – 200 с.

ISBN 978-985-28-0310-6

В монографии определяется специфика субъектной референции в англо- и белорусскоязычных газетных текстах. Рассматриваются характеристики субъектов ссылочных конструкций, которые реализуют такие текстовые категории, как: авторизация, деавторизация, эвиденциальность, интертекстуальность и достоверность. Обосновывается статус деавторизации как медиатекстовой категории, устанавливаются ее разновидности, признаки, средства манифестации, текстовая архитектура в форме субъектных моделей, а также рассчитываются коэффициенты деавторизованности газетных текстов.

Адресовано преподавателям, научным руководителям, аспирантам широкого гуманитарного профиля, интересующимся проблемами логической семантики, медиалингвистики, лингвопрагматики, стилистики и лингвистики текста.

УДК [811.161.1+811.112.2]’367.3
ББК 81.411.2–222+81.432.4–222

ISBN 978-985-28-0310-6

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Основные категории медиатекстов	
в лингвистических исследованиях	11
1.1. Проблема выделения и систематизации текстовых категорий	
в современной лингвистике	11
1.2. Корреляция сущностных признаков и категорий медиатекстов.....	16
1.3. Категории медиатекстов, сопряженные с авторством сообщаемого,	
и их системные связи.....	22
1.3.1. Авторизация и деавторизация	
как способы документирования источника информации	22
1.3.2. Статус и формы выражения категории эвиденциальности	
в газетных текстах.	
Соотношение эвиденциальности и деавторизации	29
1.3.3. Роль категории интертекстуальности	
в обеспечении информационного континуума	34
1.3.4. Категория достоверности и параметры ее измерения	
в медиатекстах	38
Выводы по главе 1	42
ГЛАВА 2. Субъектная референция	
в ссылочных конструкциях медиатекстов.....	44
2.1. Эволюция лингвистической теории референтной отнесенности	44
2.2. Языковые средства маркирования субъектной референции	46
2.3. Особенности субъектной референции	
в ссылочных конструкциях англо-	
и белорусскоязычных газетных текстов.....	48
2.3.1. Референциальные разновидности субъекта	
в ссылочных конструкциях газетных текстов	
на английском и белорусском языках.....	48
2.3.1.1. Дискурсивные голоса в референтном статусе	49
2.3.1.2. Дискурсивные голоса в нереферентном статусе	57
2.3.2. Референциальный выбор субъектной номинации.	
Характеристики референциальных конфликтов	
в газетных текстах на английском и белорусском языках.....	75
2.3.3. Субъектно-референциальные стратегии	
в современных в англо- и белорусскоязычных газетных текстах.....	83
2.3.3.1. Сохранение тождественности референциального статуса	84
2.3.3.2. Вуалирование субъектной референции	87
2.3.3.3. Переход от нереферентного статуса к референтному.....	91
2.3.3.4. Конструирование субъектной референции	93
Выводы по главе 2.....	100
ГЛАВА 3. Значимость субъектной референции	
для категорий современных газетных текстов	
на английском и белорусском языках.....	104

3.1. Роль референциальных характеристик субъектов в экспликации эвиденциальности в газетных текстах	104
3.1.1. Выражение перволичными дискурсивными голосами ссылочных конструкций значений прямой и инференциальной эвиденциальности.....	104
3.1.2. Реализация третьеличными дискурсивными голосами значений косвенной эвиденциальности	107
3.2. Участие субъектной референции в манифестации категории интертекстуальности в газетных текстах.....	110
3.2.1. Специфика инкорпорирования третьеличных дискурсивных голосов при цитатной интертекстуальности	110
3.2.2. Особенности функционирования перволичного дискурсивного голоса в референциальной автоинтертекстуальности	115
3.3. Значение субъектной референции в конструировании достоверности газетных текстов	117
Выводы по главе 3	128
ГЛАВА 4. Коммуникативно-прагматические характеристики деавторизации как текстовой категории.....	131
4.1. Коэффициенты деавторизованности англо- и белорусскоязычных газетных текстов	132
4.2. Субъектные модели текстовой деавторизации	137
4.2.1. Кустовая модель	138
4.2.2. Центрическая модель.....	146
4.2.3. Дисперсная модель.....	149
4.2.4. Иерархическая модель	152
4.2.5. Гибридная модель	155
4.2.6. Рекуррентная модель	158
Выводы по главе 4.....	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
ЛИТЕРАТУРА	174

ВВЕДЕНИЕ

Референция, интерпретируемая как соотнесенность актуализированных в речи языковых единиц с объектами и явлениями окружающего мира, основания для осуществления которой заложены в самом устройстве языка, является одним из самых многоплановых предметов научных исследований, вызывающих в настоящее время активный интерес исследователей, работающих в различных областях языкознания [Abbott 2010; Bach 2008; Huang 2007; Lee 1996; Powell 2010; Radden 2009; Recanati 1993; Smith 2010; Zelinsky-Wibbelt 2000; Арутюнова 2007; Вдовиченко 2022; Кибрик 2003; Падучева 2008 и др.] и смежных с ним дисциплин.

В широчайшем пространстве референциальных исследований центральное место занимает изучение субъектной референции [Будённая 2018; Власенко 2010; Кудрявцева 2015; McKenzie 2010 и др.]. Субъектная референция передает отношения актуализованного имени / именного выражения к объектам действительности [Арутюнова 1982, с. 6]; идентифицирует субъекты, действия или состояния которых отражены в тексте (его фрагменте), представленным неполным или законченным фразовым (сверхфразовым) единством, и может эксплицироваться любыми частями речи, употребление которых допустимо в составе номинативного ядра [Власенко 2010, с. 118].

Несмотря на активное обсуждение, ряд областей в сфере изучения субъектной референции остается до конца не исследованным. До настоящего времени в современной гуманитарной науке не раскрыты вопросы, касающиеся участия разнореференциальных субъектных номинаций в реализации основных категорий медиатекстов, равно как и является дискуссионной проблема выделения основных текстовых категорий в целом [Воронец 2021; Вохрышева, Кочерган 2016; Папина 2002; Федотова 2017; Beaugrande, Dressler 2008; Crystal 2008; Lehmann 2018 и др.] и медиатекстовых категорий в частности [Дзялошинский, Пильгун 2011; Казак 2014; Солганик 2010; Bazerman 2004; Israil 2023; Zengin 2016 и др.].

Исследование субъектной референции видится релевантным в медиадискурсе, представляющем собой такую разновидность вербальной активности, которая отмечена высокой степенью осознанности в совершении лингвистического выбора при кодировке субъектов сведений как базовых конstituентов медиатекста. При этом *субъект сведений* выступает как *дискурсивный голос*¹ и понимается как «субъект (коллективный, индивидуальный, институциональный), чье знание ситуации непосредственно отражается в тексте, чья информация² формирует основу содержания

¹ Необходимость употребления термина «субъект сведений» объясняется связью с субъектной референцией, синтаксическими характеристиками исследуемых субъектов в газетных текстах, а использование термина «дискурсивный голос» основывается на практике лингвистических исследований в области авторизации с характерной полифоничностью голосов (см., например, работы Г.А. Золотовой, Т. В. Шмелевой и др.).

² В лингвистических работах отмечается, что слово «информация» имеет более широкую семантику, чем слово «сведения»: сведения – это информация, которая введена

суждения, актуального для читателя» [Когнит-прагм моделир достовер Кудряшов 2023, с. 49]. Эти термины «субъект сведений» / «дискурсивный голос» коррелируют с «авторством как определенным смысловым компонентом модусной рамки высказывания, содержащим указание на лицо (социум) как автора / источник информации, лежащий в основе сообщения» [Казаковская 1996, с. 6]. В журналистской практике в процессе обработки полученных данных автор выкристаллизывает из обширнейшего информационного потока коммуникативные действия различных субъектов сведений и выстраивает отношения между ними в медиатексте.

Обращение к изучению средств кодирования субъектов с разными референциальными характеристиками и выявлению взаимосвязи дискурсивных голосов в пространстве целого текста является насущной исследовательской задачей, поскольку позволит, с одной стороны, определить характер участия субъектной референции в реализации медиатекстовых категорий, а, с другой стороны, на основании связи субъектных компонентов ссылочных конструкций³ установить основные референциальные стратегии субъектного кодирования и субъектные модели представления неавторизованной информации. На наш взгляд, употребление субъектов с различной степенью конкретизации в ссылочных конструкциях медиатекстов не только выступает средством достижения определенных коммуникативных целей, но и непосредственно соотносится со способами управления информацией, позволяя модифицировать ее качественные характеристики, варьировать показатели ее точности и надежности, предоставлять или не предоставлять возможность верификации, обеспечивать или имитировать ее достоверность, что может стать триггером различных социально-экономических, общественно-политических и культурно-правовых процессов.

Изучение способов вербализации субъектов сведений в медиатекстах соответствует магистральным ориентирам Концепции национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г., согласно которой распространение недостоверной или умышленно искаженной информации в информационной сфере является одним из источников угроз национальной безопасности, а к основным национальным приоритетам относится защита общества от деструктивного информационного воздействия [pravo.by, 2024]. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. отмечается, что в обществе воспитывается нетерпимость к дезинформации, информационным манипуляциям и иным неявным информационно-психологическим воздействиям [pravo.by, 2019]. С целью противос-

в модель мира человека и согласована с уже имеющейся там другой информацией [см., например, Баранов 2007]. В нашем исследовании такая дифференциация не носит принципиального характера: эти лексемы используются в соответствии с устоявшейся практикой терминологического употребления в распространенных словосочетаниях, к примеру, «источник информации» и «субъект сведений».

³ Под ссылочными конструкциями понимаются конструкции авторизации и деавторизации, указывающие на источник сообщаемой информации / субъект сведений / дискурсивный голос.

тояния таким угрозам государством создаются необходимые условия для формирования медиаинформационной грамотности в обществе и повышения качества белорусского контента, роста его популярности, продвижения продукции национальных средств массовой информации в глобальной сети Интернет [pravo.by, 2024]. Повышение качества и выработка требований к ответственности за публикуемые материалы в медиасреде рассматривается как «ответственность перед обществом, которая проявляется в том, как журналисты передают и используют собранную информацию, поскольку осознают, что они способны поменять природу события путем его освещения»⁴ [Biagi Media impact 2000, p. 353]. Мы предполагаем, что субъектные компоненты ссылочных конструкций тесно связаны с проблемой информационной безопасности современного общества, а понимание их роли в манифестации медиатекстовых категорий может способствовать формированию медиаинформационной грамотности в обществе.

Актуальность выполняемого исследования определяется также значимостью деавторизации, которая активно используется современными средствами массовой информации и позволяет по-новому осмыслить медиатекстовые категории. Необходимость изучения деавторизации в медиатекстах очевидна на фоне возросшего осознания ответственности за сказанное публично в обществе и в журналистской среде в особенности. Именно в медиаполе активно формируются алгоритмы «легального» речевого поведения, включающие приемы ухода от правовых рисков в рамках стратегии уклонения от ответственности за сообщаемое, которая основана на стремлении журналистов обезопасить себя и редакцию от наступления неблагоприятных правовых последствий. Деавторизация, которая предполагает введение в медиатекст ссылочных конструкций с неопределенным или весьма обобщенным авторством, как раз и соответствует осуществлению данной стратегии.

Целью работы является выявление роли субъектной референции в реализации медиатекстовых категорий, связанных с авторством передаваемой информации.

Для достижения этой цели требуется решение следующих **задач**:

- 1) определить перечень медиатекстовых категорий, которые соотносятся с авторством сообщаемых сведений;
- 2) установить референциальные типы субъектов, используемых в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов, и определить их количественную представленность;
- 3) выявить характеристики референциальных конфликтов в исследуемых текстах;
- 4) установить используемые в изучаемых текстах субъектно-референциальные стратегии и реализующие их референциальные типы субъектов, а также выявить их связь с прагматическими функциями;

⁴ При цитировании англоязычных источников здесь и далее перевод наш – И. Б.

- 5) определить характер участия референциальных типов субъектов в манифестации выявленных медиатекстовых категорий;
- 6) установить признаки деавторизации как медиатекстовой категории;
- 7) выявить субъектные модели текстовой деавторизации;
- 8) определить специфику субъектной референции и реализуемых категорий в англо- и белорусскоязычных газетных текстах.

Постановка задач обуславливает логику построения исследования, структуру работы и порядок изложения. Первая глава посвящена рассмотрению проблемы определения и систематизации текстовых категорий в современной лингвистике, а также выделению тех медиатекстовых категорий, которые сопряжены с присутствием в тексте разных дискурсивных голосов, в манифестации которых участвует субъектная референция. Во второй главе приводится классификация разновидностей субъектов ссылочных конструкций газетных текстов на английском и белорусском языках, устанавливаются языковые средства маркирования субъектной референции и типы референциальных конфликтов, определяются субъектно-референциальные стратегии. В третьей главе выявляется роль субъектной референции в реализации рассматриваемых в первой главе медиатекстовых категорий, а также устанавливаются субъектно-референциальные и текстово-категориальные корреляции. В четвертой главе обосновывается статус деавторизации как медиатекстовой категории, определяются коэффициенты деавторизованности англо- и белорусскоязычных газетных текстов, выявляются субъектные модели текстовой деавторизации.

Объект: ссылочные конструкции с различными типами субъектной референции, участвующие в реализации медиатекстовых категорий, связанных с авторством сообщаемого в англо- и белорусскоязычных газетных текстах.

Предмет: структурные, референциальные и семантико-прагматические характеристики субъектов ссылочных конструкций, которые манифестируют в газетных текстах на английском и белорусском языках медиатекстовые категории, связанные с авторством сообщаемого.

Материалом исследования для представления количественных данных служат 2097 английских и 2318 белорусских ссылочных конструкций из 200 газетных текстов трех функционально-жанровых типов: информационно-аналитические статьи (60 на английском и 60 на белорусском языках), интервью (20 в англо- и 20 в белорусскоязычных изданиях) и художественно-публицистические тексты (по 20 текстов для каждого языка)⁵. Выбор

⁵ Такое именование жанровых разновидностей в нашем исследовании обусловлено следующими соображениями. Существующие подходы к выделению жанров в англо- и белорусскоязычной научной традиции разнятся как из-за медиакультурной специфики (сравним, к примеру, белорусскоязычные информационно-аналитические и публицистические тексты vs тексты рубрик News & Opinion, Feature в англоязычных СМИ [Добросклонская 2010]), так и из-за контаминации и упразднения жанровых перегородок [Казак 2014]. Тем не менее, несмотря на смешение жанров, мы солидарны с отечественным исследователем О. В. Луцинской, которая отмечает, что в американских, британских и белорусских средствах массовой коммуникации наряду с новыми форматами интернет-журналистики

упомянутых жанров обусловлен тем, что они занимают важные позиции в общей системе жанров медиадискурса, а различия в их содержательно-прагматической организации позволяют предположить, что экспликация субъектов ссылочных конструкций в медиатекстах⁶ монологического и диалогического характера будет демонстрировать специфику. Что касается численной неравномерности в отношении отобранных газетных текстов для представления данных количественного анализа, то она объясняется 1) количеством знаков: так, к примеру, 60 статей на английском языке состоят из 332538 знаков без пробелов и сопоставимы с 20 интервью из 378894 знаков без пробелов; 2) сопоставимым объемом выборки в двух языках (20 художественно-публицистических текстов на английском языке имеют 124606 знаков без пробелов и 20 художественно-публицистических текстов на белорусском языке имеют 138628 знаков без пробелов); 3) структурой рубрикации газет, согласно которой информационно-аналитическим статьям уделяется основное внимание. Временной промежуток (исторические рамки материала охватывают период с 2000-х гг. до наших дней) сравниваемых англо- и белорусскоязычных текстов сопоставимы, тематическая доминанта коррелирует по жанрам (в статьях, к примеру, поднимаются вопросы политики и экономики, в интервью обсуждаются профессиональные сферы деятельности интервьюируемых, в художественно-публицистических текстах затрагиваются вопросы здоровья, личных историй и др.). Медиатексты отобраны из англо- и белорусскоязычных электронных версий изданий: *The Guardian*, *The Times*, *The Telegraph*, *The Economist*; *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *USA Today*, *Time*; *Звезда*, *Беларусь сегодня* (СБ), *Настаўніцкая газета*, *Полесский курьер*, *Маяк Прыднястроўя*⁷. Выбор изданий Великобритании, США и Республики Беларусь производился с учетом следующих критериев: зарегистрированные издания со значительным объемом тиража и разнообразной тематикой. Тот факт, что газета «Звезда» является единственным зарегистрированным белорусскоязычным изданием, материалы которого сопоставимы по тиражу (с учетом населения страны) и тематике (содержат

(блог, мультимедийное ток-шоу, мультискрипт и др.) присутствуют и такие традиционные жанры, как информационные и аналитические [Луцинская 2021, с. 32]. Данный подход к трактовке жанров в современных реалиях опирается на концепцию Б. В. Стрельцова, который относит к информационным жанрам заметку, отчет, интервью, репортаж, зарисовку; к аналитическим – корреспонденцию, статью, рецензию, обозрение, комментарий, обзор печати, обзор писем; к художественно-публицистическим – очерк, эссе, фельетон, памфлет [Стральцоў 2002].

⁶ При описании практического материала термины «газетные тексты» и «медиатексты», которые находятся в отношениях включения, используются в работе для стилистического варьирования. Более широкий термин «медиатексты» необходим для связи с одним из центральных терминов работы: «медиатекстовые категории». При цитировании разных авторов в отношении медиатекстов сохраняется оригинальная терминология («тексты СМИ, медиапродукты, произведения СМИ» и др.).

⁷ Беларусь сегодня (СБ), Настаўніцкая газета, Полесский курьер, Маяк Прыднястроўя являются русскоязычными изданиями, в которых лишь часть текстов представлены на белорусском языке.

рубрики Палітыка, Эканоміка, Грамадства, У свеце, Культура) в рамках издательского дома «Звязда», включающего газету «Літаратура і мастацтва», журналы «Алеся», «Беларусь.Belarus», «Родная прырода», объясняет преобладание в выборке примеров из этого издания.

В работе применяются следующие **методы** исследования: а) общенаучные (логический анализ при установлении корреляций между медиатекстовыми категориями и типами субъектной референции; сравнительный – для выявления специфики функционирования разнореференциальных субъектных номинаций в сопоставляемых газетных текстах на двух языках); б) лингвистические (референциальный анализ при определении типа субъектной референции, контекстуальный – при описании функционирования субъектных номинаций в медиатекстах; компонентный – в ходе фиксации словарных значений единиц субъектного и предикатного кодирования; лингвостилистический – в ходе определения жанровых особенностей предмета изучения); в) количественный анализ (для выявления количественной представленности различных аспектов изучаемых единиц), г) статистический (индексный – при установлении коэффициента деавторизованности газетных текстов); д) моделирования (при построении субъектных моделей текстовой деавторизации).

Поставленные исследовательские задачи, которые представляются общественно важными и лингвистически перспективными, могут быть полезными при разработке вопросов, связанных с субъектной референцией в сфере медиалингвистики, прагмалингвистики и лингвистики текста, а также отчетливо прорисовывают междисциплинарные связи с другими гуманитарными науками: философией, логикой, журналистикой, поэтому могут вызвать интерес и у специалистов в этих областях.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ МЕДИАТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Проблема выделения и систематизации текстовых категорий в современной лингвистике

Для современного этапа развития лингвистики текста характерно выделение большого количества текстовых категорий и сложность их систематизации. На наш взгляд, это обусловлено следующими основными причинами: 1) многоаспектностью самого феномена «текст»; 2) проблемами категоризации в целом и осмыслением текстовой категоризации в частности; 3) различными критериями, положенными в основу классификаций текстовых категорий, и разными научными направлениями в изучении категориальной сущности текста. Рассмотрим эти причины подробнее.

Многоаспектность отражается уже в самой трактовке *текста*⁸ как объекта лингвистического анализа. К примеру, более десятилетия назад было подсчитано, что текст имеет около двухсот пятидесяти научных определений [Копытов 2011], которые на разных этапах развития лингвистической науки отражают различные грани этого сложного явления, а вопросы, касающиеся текста (от определения до состава его категорий и единиц), до конца не раскрыты и трактуются по-разному. Из многообразия определений текста выберем то, которое является значимым обобщением накопленного научного опыта за более чем полувековой промежуток времени. Такое обобщение мы находим в статье О. Н. Копытова, предложившего определение, которое является следствием проработки основных направлений текстового анализа с проведением хронологического экскурса и включает наиболее авторитетные трактовки И. Р. Гальперина, Н. С. Валгиной, Ю. М. Лотмана, М. Я. Дымарского, Т. М. Николаевой и др. Итак, текст – это сложное сообщение, произведение вербальных и невербальных элементов, устных или письменных, которое характеризуется многоуровневой связностью, триединством своих содержательных, композиционных и выразительных сторон, социальной целенаправленностью, прагматической установкой и отношением автора(ов) к сообщаемому [Копытов 2011, с. 153–157]. Иными словами, многоаспектность, которая учитывает структурно-содержательные и коммуникативные стороны текста, является одной из причин вариативной трактовки его категориальной сущности.

При рассмотрении причин второй группы, связанными с проблемами *категоризации*, обратимся к лексикографическим источникам, в которых трактовка термина «категория» как познавательной формы мышления человека, позволяющей обобщать опыт и осуществлять его классификацию, приводится с учетом философского, общенаучного, собственно лингвистического и текстового подходов. Исследователи выделяют разные типы категорий:

⁸ Выделения курсивом и полужирным шрифтом в тексте монографии осуществлено нами – И. М. Басовец.

1) общефилософские (сущность, форма, содержание и др.); 2) общенаучные (материя, движение и т. д.); 3) лингвистические (грамматические: для существительного, к примеру, число, падеж, а для глагола – время, залог и др., функциональные: подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д.); 4) текстовые (проспекция, ретроспекция и др.) [Лингв словарь Жеребило 2010, с. 142; Crystal 2008, р. 68–69]. Поскольку для целей нашего исследования значение имеют категории последнего типа, остановимся подробнее на существующих определениях *текстовых категорий* и подходах к их систематизации. Отметим, что в зарубежных исследованиях зачастую речь идет не о категориях текста, а о стандартах (принципах, критериях) текстуальности (*standards or principles of textuality, Textualitätskriterien*) [Beaugrande, Dressler 2008, Crystal 2008, Lehmann 2018, Sulikowski 2015, Vater 2001], которые на современном этапе учитываются и в русскоязычной текстологии (см., например, [Чернявская, Хохлова 2024, с. 30–32; Глазков 2024, с. 359]).

Несмотря на солидное научное наследие, вопрос о категориях текста до сих пор остается дискуссионным. С одной стороны, это объясняется проблемами категоризации в целом, т.е. «сложностью определения критериев принадлежности к категории, ее границ и структуры» [Zettersten 2020, р. 1], поскольку «категоризация – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных *сущностных*⁹ признаков» [Кубрякова 2004, с. 307]. Действительно, в научных работах прослеживается понимание «категории» через набор *признаков*: «любая попытка охарактеризовать структуру категории требует сначала указания набора *признаков*» [Zettersten 2020, р. 1], рассматривать категории следует «не как монолитное единство, а как набор *свойств*» [Ramat 1999, р. 15]. С другой стороны, дискуссионность вопроса о категориях текста обусловлена осмыслением текстовой категоризации через набор признаков. В частности, на основании структурных и содержательных признаков¹⁰ текста лингвисты выделяют такие структурные категории, как сцепление, интеграция, прогрессия/стагнация, а также содержательные категории: пространство, время, образ автора, информативность, причинность, подтекст [Тураева 1986, с. 81]. При этом исследователи допускают возможность их объединения в структурно-содержательные, поскольку «такое деление достаточно условно и определяется наличием того или иного доминирующего компонента, который и выполняет классифицирующую функцию» [Бабенко, Казарин 2005, с. 41]. Допуская терминологическую вариативность, тексто-

⁹ Признавая, что не все свойства текста следует считать сущностными, или категориальными, следует отметить, что критерии разграничения категориальных и некатегориальных признаков текста пока не выработаны, но данный вопрос не является стержневым для нашей работы, а потому ограничимся упоминанием данного вывода в работе Е. В. Михайловой [Михайлова 1999].

¹⁰ Подробнее признаки текста будут рассмотрены в отношении медиатекстов в следующем разделе.

логи [Бабенко, Казарин 2005, с. 41; Ильенко 2003, с. 364; Матвеева 1990, с. 16; Таюпова 2011, с. 1239; Ramat 1999, р. 15 и др.] 1) отмечают необходимость различать категории и признаки текста, поскольку категории, в отличие от его признаков, имеют абстрагированный, более обобщающий характер; 2) признают основаниями выделения текстовых категорий логико-понятийное единство, общую текстовую функцию и однотипную лингвистическую манифестацию с учетом характера языковых средств и их организации в тексте; 3) сходятся во мнении, что разные категории текста могут иметь общие признаки и языковые средства манифестации, а для систематизации категорий текста могут быть использованы различные критерии.

Понимание разностатусности категорий и признаков текста, наличия единых оснований для выделения категорий, но разных критериев для их систематизации привело к тому, что создание *классификации* и выстраивание *иерархии значимости категорий текста* стали, по сути, центральными проблемами лингвистики текста. В классическом труде по теории текста Р. Богранд и В. Дресслер считают *основными (универсальными)* стандартами текстуальности *когезию* как связность на уровне формы и *когерентность* как связность на уровне содержания речевого произведения; кроме того, к стандартам текстуальности авторы также относят интенциональность, приемлемость, ситуативность и интертекстуальность [Beaugrande, Dressler 2008], иногда этот перечень дополняется информативностью [Crystal 2008, р. 481]. В русскоязычной лингвистической традиции подход к выделению основных категорий текста созвучен с трактовками зарубежных коллег: наряду с когезией, когерентностью и информативностью, идентифицируют членимость, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию, модальность, интеграцию и завершенность [Гальперин 2007]. При этом основными (универсальными) категориями текста признаются *целостность* (план содержания) и *связность* (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, поскольку эти текстообразующие категории являются универсалиями и представлены в связном тексте независимо от языка, на котором создан текст, а также независимо от его жанра и вида [Бабенко, Казарин 2005, с. 41; Таюпова, Жаббарова 2013, с. 100].

Систематизация категорий текста осуществлялась лингвистами по разным критериям.

К примеру, критерий облигаторности / факультативности позволяет дифференцировать *основные* категории, т.е. общие для всех типов текста (например, цельность, членимость и модальность [Ильенко 2003, с. 366]; связность, завершенность [Солганик 2005, с. 15]; авторизацию как «глобальную категорию, категорию-программу» [Матвеева 1990, с. 18]; референциальность, адресантность и адресованность [Воробьева 1993, с. 43]); и *дополнительные* категории, т.е. свойственные одному или нескольким текстам (например, ретроспекция, партитурность [Гальперин 2007, с. 22–24]; пред- и постинформация, инициальность, прогрессия и стагнация, персональность, аспектуальность [Копытов 2011, с. 150] и др.).

С учетом масштаба абстракции в языкознании различают *макрокатегории* (связность), *категории* (целостность) и *субкатегории* (членимость и законченность) [Таюпова 2013].

На основании функционально-текстовых взаимосвязей выделяют категории *линейные* (тематическая цепочка, логическое членение текста, проспекция, ретроспекция); *полевые* (тематическая определенность, тональность и оценочность, темпоральность, локальность, акцентность, субъектная организация); *объемные* (функционально-смысловое членение текста, речевое структурирование текста, композиция) [Матвеева 1990, с. 16–20].

Обращение к статическому / динамическому состоянию текста позволяет разграничить категории *статические*, при которых текст рассматривается как результат, продукт речемыслительной деятельности, порожденный объект (Адресант и Адресат; Хронотоп; Событие; Актант; Диктум и Модус), и *динамические*, при которых текст изучается в процессе его порождения, восприятия и понимания (тематическая основа, рематический уток, авторское начало [Копытов 2011, с. 155; Котюрова 2023]).

Приведенный перечень текстовых категорий не является исчерпывающим, поскольку даже в отношении списочного состава основных категорий во взглядах лингвистов фиксируются различия, что же касается выделения дополнительных текстовых категорий, то здесь могут обнаруживаться принципиальные расхождения. Как справедливо подчеркивает О. П. Воробьева, между категориями текста обнаруживаются тесные и многочисленные взаимосвязи, а границы между отдельными категориями оказываются настолько размыты, что любая их классификация, построенная на сравнении признаков, лежащих в одной плоскости, будет неполной и нечеткой: текст как функциональная система не поддается жесткой регламентации, а его категориальные свойства образуют весьма подвижный каркас, особенности которого зависят от типа и специфики конкретного текста [Воробьева 1993, с. 28].

И наконец, отсутствие в языкознании единой классификации, строгого иерархического распределения и точного количества текстовых категорий объясняется *разными направлениями* изучения текста. В свете *когнитивного* направления актуализируется связь между референтом и текстом (к примеру, исследуются категории субъектности, оценочности, кажимости и др.) [подробнее Воронец 2021]. Если при изучении текста на передний план выходит *прагматическое* направление, при котором текст воспринимается как сложный речевой акт, осуществляющийся с определёнными намерениями, целями, комплексом приёмов воздействия на адресата, то исследователи фиксируют коммуникативно-прагматические категории (например, «интенциональности, акцептабельности, ситуативности, которые направлены на раскрытие смысла текста и его прагматических характеристик» [Вохрышева, Кочерган 2016, с. 48]). При совмещении этих направлений и рассмотрении текста как «центрального звена коммуникации когнитивно-прагматической природы» [Сидоров 2013, с. 103–104] в соотнесённости с участниками ком-

муникации основными составляющими считаются «адресант, адресат, референт (отображаемая действительность) и сам текст» [Воронец 2021, с. 16], а текстообразующими категориями являются: 1) участники (субъекты и объекты) коммуникации; 2) события, процессы, факты; 3) время (реальное и ирреальное); 4) пространство и место объектов; 5) оценка, понимаемая как непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на воображаемые или воспринимаемые органами чувств действия, предметы и признаки объектов внешнего и внутреннего мира [Папина 2002, с. 93–95].

Понимание дискурсивной природы текста находит отражение в рассмотрении общих и специфичных для конкретного *дискурса* категорий. Общими признаются «содержательные категории, представленные онтологической текстово-дискурсивной категорией информативности» [Вохрышева, Кочерган 2016, с. 48]. Специфичными являются те категории, которые обнаруживаются в определенной разновидности дискурса. Например, применительно к теле- и радиодискурсу характерной коммуникативно-прагматической категорией является рекреативность [Гладко 2024]; для рекламного дискурса выделяется специфичная категория сажестивности как способ выражения интенции предложения продавца языковыми средствами [Вохрышева, Кочерган 2016] и др.

Иной ракурс изучения текстовых категорий предлагается с учетом *жанрово-стилистической* специфики, когда принимается во внимание определенная сфера общения, содержание и композиция, выработанные областью использования языка стандарты, которые предопределяют специфику категорий в определенном стиле. В таком случае исследуются не уникальные для определенного стиля категории, а скорее особенности их реализации в текстах конкретной стилевой принадлежности. Так, применительно к *медиа-текстам* изучают особенности проявления солидарности, агрессивности и толерантности [Биюмена 2023], полемичности [Сажина 2024] и др.. Для *научного* текста исследуется специфика категорий точности, обобщенности [Стилистика научной речи 2021], полилогичности [Алексеева 2015] и проч.. В *художественных* текстах рассматривают характерные особенности репрезентации пространства и времени, ретроспекции и проспекции [Федотова 2017], эмотивности [Бабенко, Казарин 2005] и т. д. Как справедливо отмечает Е. В. Михайлова, разностилевые тексты обладают собственными категориями, которые в текстах другой стилевой принадлежности могут являться неопределяющими, незначимыми, нейтральными, в связи с чем не представляется возможным указать классификацию текстовых категорий, действительную для текстов любого типа [Михайлова 1999].

Согласимся с Е. В. Михайловой и подчеркнем, что в зависимости от того, какое направление в стремлении интерпретировать текстовую сущность становится приоритетным (когнитивное, прагматическое, дискурсивное или жанрово-стилистическое), определяется и набор исследуемых категорий. При этом векторы текстового анализа могут пересекаться (к примеру, когнитивный и прагматический подходы) и использовать междисциплинарные связи.

Так, по утверждению Н. С. Болотновой, экспансионизм современной полипарадигмальной лингвистики позволяет использовать эвристические возможности смежных областей знания и их методологическую базу, открывая новые возможности для изучения лингвокультурологических, когнитивно-дискурсивных, психо- и социолингвистических аспектов текстовой деятельности [Болотнова 2023, с. 16–17].

Итак, проблема выделения текстовых категорий обусловлена неоднозначностью текстовой категоризации в целом (поскольку категория текста может включать несколько сущностных признаков, а один и тот же признак может служить основанием для выделения разных категорий), невозможностью строгого маркирования границ текстовых категорий и отсутствием в языкознании единого подхода к классификации категорий текста, а также разными направлениями текстового анализа. Тем не менее, несмотря на все сложности систематизации текстовых категорий, анализ теоретических источников позволяет заключить, что текстовая категория представляет собой взаимосвязанные сущностные признаки речевого целого и обладает логико-понятийным единством, общей текстовой функцией и однотипной лингвистической манифестацией. В следующем разделе, опираясь на сущностные признаки медиатекстов, установим перечень тех медиатекстовых категорий, которые связаны с вербализацией разных дискурсивных голосов в составе ссылочных конструкций медиатекстов.

1.2. Корреляции сущностных признаков и категорий медиатекстов

Пристальное внимание специалистов гуманитарных дисциплин к медиатексту уделялось при исследовании медиатекстовых категорий [Биюмена 2023; Гладко 2024; Ивченков 2017; Казак 2014; Сажина 2024; Солганик 2010 и др.]; функционально-стилевых особенностей языка средств массовой информации [Виноградов 1999; Добросклонская 2010; Желтухина 2001; Кайда 2007; Костомаров 2005; Трофимова 2006; Чернышова 2007; Щелкунова 2004, Ягубова 2007; Black 2006; Cowper 2003; Fowler 1991; Goatly 2008; Gripsrud 2002; Macdonald 2003; Shams 2014; Vestergaard 2004 и др.], жанровой палитры медиатекстов [Ассуирова 2002; Луканина 2003; Стральцоу 2002; Тертычный 2000; Matheson 2010; White 2000 и др.], коммуникативных стратегий [Копнина 2008; Кормилицына 2007; Осетрова 2010; Почепцов 2001; Сковородников 2008; Frosh 2009; Hjarvard 2002; Leach 2009; Peters 2009 и др.].

Прежде чем перейти к рабочему определению медиатекста и его отличительным признакам, отметим специфику создания медиатекста. В создании медиатекста исследователи акцентируют следующие взаимосвязанные факторы: а) экстралингвистические (экономическая и политическая ситуация в стране и мире, идеология государства, идеологическая направленность самого источника информации и др.), б) лингвистические (коннотативный аспект семантики лексических единиц, содержащих различные оценки со-

бытий), в) когнитивно-прагматические (прагматическая составляющая медиатекста, коммуникативная стратегия автора, направленная на формирование у читателя определенного отношения к сообщаемому) и г) технические (характеризующие техническое оформление, способ подачи медиатекстов, возможность получения обратной связи и др.) [Выровцева 2015; Дзялошинский, Пильгун 2011; Луцинская 2019; Филичкина 2019; Israil 2023 и др.].

Многофакторный характер создания медиатекста отражается и в его определении. Медиатекст представляет собой речевое произведение сложной гетерогенной природы, созданный в результате креативной деятельности автора, а также акт коммуникации, осуществляемый с определенными намерениями адресанта и комплексом приемов воздействия на адресата с двумя антропоцентрами: автора медиатекста – журналиста, который становится «генератором» прагматической информации, и потребителя медиатекста, который предопределяет выбор языковых средств и стиль изложения [Коневал Логич анализ языка 2016, с. 585–587]. Медиатекст как динамическая сложная единица обладает рядом отличительных признаков от текстов другой стилевой принадлежности, поскольку проистекает из основополагающих принципов, целей и функций журналистики как общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации [Казак 2014; Медиатекст уч пос 2011, с. 13], который наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами приобретает новые свойства и форматы [Луцинская 2019, с. 38].

В качестве *признаков* медиатекста лингвисты указывают: массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления), открытость (массмедийную интертекстуальность) [Казак 2014]; вторичность [Волков 2008]; фактологическую основу, доказательность, надежность источников информации, точность подачи материала, приоритеты интересов общества, учет потребностей аудитории, соблюдение профессионально-этических и стилевых норм [Маквейл 2007, с. 3]; многомерность и многоплановость, социально-регулятивную природу [Деминова 2016]; полиинтенциональность [Медиатекст как полиинтенциональная система 2011]; поликодовость (сочетание звука, изображения, текста и видео для передачи информации) [Чернявская 2009]; интерактивность (возможность взаимодействия пользователя с медиатекстом) [Дзялошинский, Пильгун 2011]; персонализацию (возможность настройки и персонализации медиатекстов для конкретного пользователя или группы пользователей); доступность (возможность доступа и использования медиатекстов через различные устройства и каналы связи); гипертекстуальность (возможность перехода посредством гиперссылок); динамичность (быстрая смена и обновление медиатекстов в режиме реального времени) [Выровцева 2015; Israil 2023].

Из выделяемого лингвистами набора свойств медиатекста отберем те признаки, которые формируют его категории, объединенные авторством сообщаемого. На наш взгляд, такие признаки включают массовость, надежность источника сведений, вторичность, фактологическую основу, доказательность и динамичность. Рассмотрим их подробнее.

Массовость. Начнем с одного из наиболее часто упоминаемых признаков медиатекстов – массовости, которая характеризует, с одной стороны, автора медиатекста, наделяя его свойством коллективности («совокупный коммуникатор» [Сусская 2019, с. 429]); с другой стороны, получателя-потребителя, который характеризуется разнородностью. Согласно исследователям медиатекстов, специфической характеристикой современного медиатекста является «коллективное авторство» [Ивченков 2017, с. 130], поскольку, с одной стороны, журналист как создатель текста самостоятелен и самодостаточен, но, с другой стороны, его деятельность протекает во взаимодействии с множеством людей: источниками информации, коллегами, властью и др., поэтому его творчество представляет собой сочетание индивидуальных и коллективных усилий [Распопова 2015, с. 157], а итоговый текст зачастую является обобщенным продуктом информационных агентств, передающих сведения, не принадлежащие изданию [Жолнерович 2017, с. 69]. Кроме того, медиатекст современных СМИ может рассматриваться и как гибридный продукт речетворчества журналиста и читателя-комментатора, т.е. взаимодействие медиапрофессионалов разных специализаций и обычных пользователей, которые могут комментировать и интерпретировать сообщаемое [Абрамова 2022, с. 184]. Массовость как сущностный признак медиатекстов связана с рядом категорий, ядро которых составляет *авторство* [Казак 2014; Казаковская 1996; Солганик 2010 и др.]. Авторство сообщаемого имеет разные формальные способы выражения в медиатексте: от маркированного до немаркированного присутствия повествующего субъекта, который может быть *автором-производителем медиатекста* (с вовлечением средств репрезентации авторского «я» [Щелкунова 2004, с. 136]) или *чужим дискурсивным голосом*.

Надежность источников информации. Тесно связанным с массовостью сущностным признаком медиатекстов является надежность источников информации, которые играют немаловажную роль в получении знаний о происходящих событиях. Оперирование разными источниками информации является неотъемлемой чертой передачи сведений в медиаполе. Указание на источник информации, как правило, строится по готовому шаблону, при помощи «удобных и вместительных синтаксических конструкций, отобранных заранее из совокупности запасов языка» [Винокур 2006, с. 177]. Традиционные средства номинации источника используются в составе авторских слов, вводящих прямую речь; главного предложения с косвенной речью; вводных слов и вставных конструкций. Широкая употребительность ссылок на различные источники позволяет журналистам «создать эффект достоверности, точности и объективности сообщаемых сведений, а также дает возможность читателю в случае необходимости проверить сообщаемое» [Кормилицына 2007, с. 248–249]. Эти эффекты реализуются, если автором медиатекста в качестве источника указывается конкретный субъект. Однако если в медиатекстах ссылки осуществляются на анонимный, неопределенный

источник информации, то могут возникнуть обратные эффекты. Как отмечает С. И. Виноградов, источники информации могут маскироваться референциальной неопределенностью [Виноградов 1999, с. 252], из-за чего они способны выступать средствами манипулирования. К манипулятивным приемам при номинации источников Г. А. Копнина относит а) генерализацию сторонников точки зрения говорящего (которая базируется на употреблении местоимения «мы» с размытым содержанием); б) плюрализацию создаваемой референтной группы или группы врагов (в результате использования бессубъектных и номинализованных конструкций, а также манеры говорить на «они», когда на самом деле речь идет об одном человеке); в) мультипликацию, или создание плюралиса (путем умножения имен действия: *представители партии сообщили...*; или плюрализации действий, ситуаций: *ты постоянно говоришь, вечно ты..., как всегда...*); г) нереферентность при назывании источника информации (*По сообщению осведомленных источников..., Знающие люди говорят, что..., В отличие от некоторых юристов..., Кое-кто считает..., Один человек сказал...*) [Копнина 2008]. Проблема авторства сообщаемого, которая находит отражение в экспликации разных источников информации в тексте, сопряжена с проблемой ответственности за сообщаемое. Как известно, утверждая что-либо, говорящий берет на себя ответственность за истинность того, что он сообщает, если же передается мнение третьей стороны, говорящий переносит ответственность за сказанное на того субъекта, которому непосредственно принадлежит высказывание, однако при этом сообщение сведений от имени некоторого субъекта не означает, что ответственность полностью переносится на такого субъекта, поскольку, согласно исследователям, итоговую ответственность за резюмированное сообщение несет автор [Jary 2010, p. 6; Thompson 2005, p. 36; Yamamoto 2006, p. 4]. В журналистике соотношение авторства и ответственности регулируется в правовом поле и отражается в «наличии субъекта права, который как создатель произведения СМИ несет юридическую ответственность за опубликованное и обладает на него правом собственности (авторским правом)» [Основы журналистики 2024, с. 112–116].

Оба сущностных признака – массовость и надежность источника информации – коррелируют с несколькими медиатекстовыми категориями. С учетом эксплицитного или имплицитного присутствия дискурсивного голоса в текстовой плоскости и (не)возможности идентификации адресатом автора исходной информации, с одной стороны, а также степени ответственности за сообщаемое и возможности верификации транслируемых сведений, с другой стороны, в лингвистике изучаются категории *авторизации* [Гричин 2017; Копытов 2014; Руженцева 2023 и др.], *деавторизации*¹¹ [Басовец 2013; Кормилицына 2007; Осетрова 2010 и др.], *эвиденциальности* [Aikhenvald 2004; Diewald 2010; Murray 2021; Willet 1988; Белоедова 2017; Быстрова

¹¹ Категориальный статус деавторизации обосновывается нами в главе 4.

2009; Добровольский, Зализняк 2022 и др.], *интертекстуальности* [Bazerman 2004; Zengin 2016; Деминова 2016 и др.] и *достоверности* [Негрышев 2021; Панченко 2010; Папченко 2022 и др.], которые актуальны и для медиатекстов. Отметим при этом отсутствие жестких корреляций между медиатекстовыми признаками и лимитированным набором категорий, поскольку один и тот же признак может лежать в основе выделения разных категорий медиатекста, поэтому акцентировать будем наиболее очевидные корреляции.

Вторичность. Еще одним сущностным признаком медиатекстов является вторичность, и именно она предопределяет инкорпорирование журналистом в создаваемый текст оригинальных высказываний из других текстов (интертекстов), т.е. вторичной, переработанной, прошедшей через «посредника» информации [Волков 1982, с. 77; Луканина 2003, с. 124]. Подобная переработанная информация, заимствованная из первоисточников, может подаваться в новом сообщении после типовых способов преобразования текста, включающих сегментированную цитацию, интерпретацию или комментарий события, введение эмотивно-оценочной лексики [Беляевская 2015, с. 8–10]. При этом сообщаемая информация, как правило, перерабатывается и подается в определенном ракурсе в рамках той системы ценностей и ориентиров, которой придерживается адресант / издание / редакция с учетом национальной идентичности, поэтому тексты СМИ сообщают одни и те же содержания в разных комбинациях и модальностях [Волков 2008, с. 130; Добросклонская 2010, с. 59; Менджерицкая 2020, р. 28]. Вследствие такой переработки когнитивное освоение медиатекста адресатом во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые распространяются по каналам массовой коммуникации [Добросклонская 2009, с. 85; Никонова 2022]. Учет свойства вторичности медиатекстов связан прежде всего с категорией *интертекстуальности*.

Фактологическая основа и доказательность. Не менее важными признаками медиатекстов являются фактологическая основа и доказательность, поскольку одной из главных целей медиатекста является передача сведений, основу которой составляют сообщения о фактах, а значит в идеале медиаинформация должна быть объективной и достоверной. Однако освещение событий в медиаполе зачастую специфично, что детерминировано основными функциями медиатекстов, одной из которых наряду с информативной является воздействующая [Баранов 2007; Тертычный 2000; Чернышова 2007; White 2000 и др.], что манифестируется в дискурсивной репрезентации действительности по типу «отражение» vs «конструирование» [Федосеева 2016, с. 73–88]. В отличие от достоверного и объективного факта, медиафактом может стать сообщение, этими качествами не обладающее, т.е. «сообщение о каком-либо событии, специально отобранном медиатором из потока происходящих событий и представленном как резонансное, общественно значимое, или сообщение о псевдособытии, относящемся к миру вымышленному» [Федосеева 2016, с. 73]. Очевидно, что соотношение медиатекстов с

действительностью имеет противоречивый характер. С одной стороны, журналист моделирует картину событий и создает медиареальность; с другой стороны, грамотная интерпретация происходящего журналистами не отменяет надежности оперативного знания о происходящих событиях действительности. В любом случае такие свойства медиатекста, как фактологическая основа и доказательность, несомненно коррелируют с категорией *достоверности*.

Динамичность. На способ подачи сведений в медиатекстах оказывают непосредственное влияние и характерные внешние факторы, основным из которых является необходимость оперативной передачи сведений, что предопределяет такой категориальный признак, как динамичность. Медийные тексты могут создаваться в кратчайшие сроки, не дающие возможности тщательно обработать материал, что может привести к передаче недостоверной информации. Исследователи отмечают, что взаимодействие по обмену контентом может осуществляться в режиме «non-stop», а журналисты должны балансировать между стремлением оперативно сообщить актуальные новости и необходимостью проверки достоверности такой информации [Карасик 2021, с. 114; Олешко 2018, с. 99]. Распространение неточной информации возможно не только в случаях нехватки времени, но и в результате поиска сенсационной информации, снижения порога профессиональной ответственности некоторых журналистов за сообщаемое [Виноградов 1999, с. 252]. Такие обстоятельства могут привести к публикации материалов без проверки сообщаемых данных, что впоследствии может повлечь меры ответственности за нарушение личных или корпоративных прав, чести и достоинства, деловой репутации, включая компенсацию морального вреда, публикации опровержения, возмещение убытков и др. [Ульбашев 2023, с. 169–173]. Очевидно, что категориальный признак динамичности также тесно сопряжен с категорией *достоверности*.

Проанализированные признаки медиатекстов (массовость, надежность источника сведений, вторичность, фактологическая основа, доказательность, динамичность) демонстрируют связь с теми медиатекстовыми категориями, которые объединены непосредственно или опосредованно экспликацией дискурсивных голосов в современном медиатексте (репрезентирующих *авторское «я»* или *чужой дискурсивный голос*). Такими категориями выступают: *авторизация* (которая предполагает указание в качестве источника информации конкретного лица или группы лиц), *деавторизация* (предусматривающая ссылки на анонимные, неопределенные или размыто-обобщенные источники); *эвиденциальность* (при которой учитывается способ документирования источника сведений); *интертекстуальность* (позволяющая встраивать интертексты разных повествующих субъектов); *достоверность* (которая соотносится с возможностью верификации сведений первоисточника). Рассмотрим их подробнее.

1.3. Категории медиатекстов, сопряженные с авторством сообщаемого, и их системные связи

1.3.1. Авторизация и деавторизация как способы документирования источника информации

Большую часть информации, необходимой для своей жизнедеятельности, человек получает из информационной среды [Почепцов 2001, с. 160], а одним из основных способов передачи информации в любой сфере общения является ее сообщение от имени некоторого субъекта – «автора» исходной информации. Такой субъект может совпадать (*Иванов говорит: «Статья полезна»*) или не совпадать (*У тебя он всегда виноват*) с субъектом предикативного признака¹², выступая в качестве субъекта авторизующего, входящего в состав авторизующей модели и функционирующего как квалифицирующий субъект или субъект наблюдения / обнаружения, что подробно рассмотрено в концепции Г. А. Золотовой [Золотова 1973]. Этот авторизующий субъект может быть вербально выражен в высказывании, а может подразумеваться: к примеру, авторизующие модели типа *как говорят, называется* не соотнесены с определенным субъектом [там же]. Способы документирования источника информации посредством авторизующих моделей, согласно Г. А. Золотовой, представляют три основных разновидности авторизации.

Одной из них является авторизация, вводящая *квалифицирующий субъект*, которая оформляет двусоставные модели, содержащие оценку, квалификацию предметов и явлений или раскрывающие содержание понятий. В данном типе авторизации к авторизуемой модели (например, *книга неинтересна*) присоединяется авторизующая модель, выраженная в форме: а) предложно-падежных конструкций (*По его мнению, книга неинтересна*) б) главного предложения, при котором авторизуемая модель занимает позицию придаточного (*Он думает, что гулять в дождь – удовольствие*); в) предикативных единиц в составе простого предложения (*Семь у игроков называется кочергой, одиннадцать – палочками*) [Золотова 1973, с. 265–271]. Основными показателями данной разновидности авторизации (кроме предложно-падежных конструкций) являются предикаты со значением мысли, речи и оценки.

¹² О несовпадении семантического и грамматического субъекта фиксируется единство взглядов в языкознании, что отмечается не только в работах Г. А. Золотовой, но и в трудах О. Есперсена [Есперсен 2006], Л. П. Ефановой [Ефанова 1991], С.И. Кокориной [Кокорина 1979], М. А. Кормилицыной [Кормилицына 2003], Ю. С. Степанова [Степанов 2002], Ю. В. Работкина [Работкин 2009], Е. Фалка [Falk 2006] и др.: для выражения семантического субъекта помимо канонических средств (при помощи имени в именительном падеже, с которым согласуется сказуемое) могут использоваться также имена в косвенном падеже, что свойственно как аналитическим языкам (например, английскому), так и синтетическим (к примеру, белорусскому) языкам.

Другая разновидность авторизации вводит в сообщение субъект восприятия соответственно значениям глаголов¹³, выражающих в авторизующей модели *восприятие*: *Соленые туманы часто **наблюдаются** в пустынных областях Северной Африки.*

Промежуточную разновидность между авторизацией восприятия и квалифицирующей авторизацией составляет авторизация *обнаружения*: ***Младые грации Москвы ее находят что-то странной*** [там же, с. 272–274].

Итак, в русскоязычном языкознании авторизация понимается как полисубъектное осложнение предложения указанием на «автора» речи, мысли, оценки, восприятия. При этом средства авторизации, т.е. указания на субъект, различны и включают также (кроме обозначенных выше предложно-падежных, двусоставных глагольно-именных моделей либо их «обезличенных» вариантов) «присоединительные конструкции (например, *Он расточает похвалы, и это неспроста*), оценочные наречия (*необъяснимо, непонятно*), инфинитивные двусоставные предложения (*Было бы неверно назвать этого человека непрактичным*)» [Золотова 2003, с. 430].

Идеи Г. А. Золотовой получили развитие в лингвистических работах, посвященных изучению категориальной сущности авторизации, средств реализации и особенностям их функционирования на разных языковых уровнях и в разных языках и стилях. Так, в работах Т. В. Шмелевой, авторизация трактуется как модусная категория, с помощью которой излагаемая информация в предложении основывается на дихотомии свое / чужое, или авторское / цитируемое, что отражается в полифоничности с разной степенью сложности представления авторского начала [Шмелёва 2010]. Авторизованные конструкции как показатели эксплицитного авторства в структуре модусной рамки предложения и сама проблема авторства исследуются в работе В. В. Казаковской [Казаковская 1996]. В диссертации А. Г. Етко изучение авторизации проводится на уровне предложения в отношении типов авторизованных конструкций, отражающих разные способы осознания человеком объективной действительности и образующих семантический блок между конструкциями, обозначающими способ получения информации, и конструкциями, выражающими интерпретацию предмета или ситуации речи (перцептивные, пересказывательные, оценочные и персуазивные) [Етко 2011]. Способам выражения авторизации в английском языке посвящено исследование Г. Н. Ивановой [Иванова 1981]; а способам ее экспликации в русском языке диссертация Г. Г. Лиловой [Лилова 1989]. В пределах высказывания авторизацию изучают и в сопоставлении с другими категориями, к примеру, в работе З. Р. Боуфал рассматривается взаимодействие авторизации и персуазивности как модусных категорий, которое «проявляется в сфере выражения “чужого” знания при передаче информации, полученной из сообщения других лиц, в сфере выражения непосредственного чувственного восприятия, рационального знания» [Боуфал 2017, с. 13].

¹³ Основные семантические типы предикатов, способные вводить различные типы субъекта, обозначены в работе Л. В. Щербы, например, предикаты со значением действия, состояния, качества и др. [Щерба 2004].

Активные исследования авторизации позволили ученым выйти за пределы уровня предложения в текстовую плоскость и выявить её *текстостроительный потенциал*, что в свою очередь наметило траекторию изучения деавторизации на текстовом уровне. Так, в работе М. В. Всеволодовой авторизационные показатели выступают одним из компонентов связности текста, участвующие в обеспечении его смыслового единства [Всеволодова 2017] как специальные метатекстовые средства [Noh 2000]. Данную точку зрения разделяет О. Н. Копытов, подчеркивая, что категория связности включает категорию авторизации [Копытов 2012, с. 20].

Рассмотрение авторизации на текстовом уровне привело к поискам специфики ее проявления в разных функциональных стилях: художественной литературе, научной речи, текстах средств массовой информации. Исследование эксплицитных средств выражения авторизации в художественном тексте представлено в работе А. Б. Тумановой, которая на синтаксическом уровне относит к ним предложения, осложненные вводно-модальными словами и сочетаниями, различного рода вставными конструкциями, сложноподчиненные предложения изъяснительного типа [Туманова 1994]. Диссертационное исследование В. В. Филатовой на материале художественных произведений раскрывает текстообразующий потенциал авторизованных высказываний, что демонстрирует связь с когезией и членимостью текста. По наблюдению исследователя, «одни и те же языковые средства авторизации выступают и как показатель авторизации на уровне предложения, вводящий в него субъектный план, и как средство авторизации на уровне текста, организующее повествовательный дискурс» [Филатова 2000, с. 170].

Изучением средств авторизации в научной речи с учетом особенностей их функционирования занимались Ю. Г. Ясницкий [Ясницкий 1984], С. В. Гричин [Гричин 2003], В. Е. Чернявская [Чернявская 2005]. В работе Н. С. Супоницкой, посвященной изучению современной научной коммуникации, отмечаются специфичные стратегии авторизации, которые детерминированы особенностями осуществления научной деятельности и принятыми коммуникативными стандартами, включая типы вербализуемых коммуникативно-речевых действий, объективный стиль изложения и личные предпочтения автора [Супоницкая 2016, с. 214–215]. К средствам авторизации в научном тексте относят и автоцитацию или ссылки на другие, изданные ранее произведения автора текста [Чернявская 2005, с. 102]. В статье С. В. Гричина «Текстостроительная функция авторизации» [Гричин 2010] ученый развивает мысль о том, что за счет организации коммуникативно-функциональных взаимодействий авторизационных моделей в научном дискурсе авторизационные конструкции включаются в процесс текстообразования. Исследователь оперирует понятием «радиус действия» авторизации, под которым понимает объем распространения значения авторизующей конструкции, и выделяет три таких радиуса: 1) минимальный (уровень высказывания), 2) средний (несколько высказываний, или часть текста, где коммуникативно-функциональное взаимодействие авторизующих смыслов

заклучается в движении от общих к специфическим чертам описываемых объектов) и 3) максимальный (текст, в котором идейно-композиционным стержнем является проблема и разносторонний взгляд на ее изучение и решение, а авторизационные конструкции («авторизационные ключи / авторизаторы») становятся своеобразными скрепами сквозной линии развития идеи научного произведения и рассуждений автора с целью убеждения адресата) [Гричин 2017, с. 150–151]. Границы авторизационных блоков определяются формальными (маркированностью авторизующей конструкцией, номинацией источника передаваемой информации) и содержательными (смена микротемы, коммуникативно-прагматической установки) показателями, а линейная протяженность блоков определяется коммуникативно-прагматической установкой и тематической однородностью текстового отрезка [Гричин 2017, с. 130–131]. Исследование авторизации в подобном ключе наметило ее связь с интенциональностью и нацеленностью на убеждение адресата в результате использования авторизованных высказываний в качестве весомых аргументов.

Взаимодействие авторизации и персуазивности фиксируется учеными и в медиатекстах (ср. с исследованием З. Р. Боуфал на уровне высказывания), что, к примеру, прослеживается в исследовании Е. А. Лебедевой на материале английского языка, в котором рассмотрены авторизационные показатели как средства а) персуазивности и квалификации источника информации с целью убедить читателя в истинности информации, б) выражения авторского «я» (что Е. А. Лебедева именует «субъективированной авторизацией»), в) эмоционально-оценочного воздействия на адресата вследствие выражения личностной оценки автора к сообщаемому факту, г) логического обобщения и завершения излагаемой мысли, выступающие в роли логических модификаторов, используемые автором текста для поддержания разговора и сигнализирующие о желании говорить дальше и предпринять новый коммуникативный шаг [Лебедева 2013, с. 18–21]. Изучая немецкоязычные журналистские тексты, Н. С. Сыроватская выделяет риторическую авторизацию, которая рассматривается как средство коммуникативного усиления авторской позиции, позволяющее адресанту выразить свою точку зрения относительно предмета речи, оказать воздействие на адресата с целью убеждения [Сыроватская 2009, с. 52]. В немецкоязычном публицистическом тексте благодаря механизмам грамматического выделения «чужой речи» с помощью системы глагольных форм конъюнктива, высокой степени формализации приемов маркирования информации, содержащей чужое высказывание, специфическими способами перевода прямой речи в косвенную наряду с авторизацией изучается категория косвенности, когда говорящий передает пропозициональное содержание, ссылаясь на другие источники [Бабенко Логич анализ языка 2016, с. 194–195].

Помимо того, что внимание исследователей уделяется реализации авторизационных показателей в разных функциональных стилях, в лингвистике также изучаются внутрестилевые особенности авторизации. Так, изучая

современные медиатексты на русском языке, О. Н. Копытов акцентирует внимание на жанрово-прагматических особенностях проявления авторизационных показателей, которые, к примеру, в жанрах комментария и новостей, демонстрируют взаимодействие с персуазивностью, апеллируют к разнице между его артикуляцией и первичным текстом, а также способны создавать контраст мнений с усиленной коммуникативной позицией говорящего, поскольку обладают особой текстостроительной ролью, выступая в качестве «сильных полярных авторизационных ключей-переключателей («А говорит: это хорошо; Б говорит: это плохо» (незаметно оказывается, что прав только автор))» [Копытов 2012, с. 198–204]. Р. Д. Урунова на материале медиатекстов разных жанров исследует субъективированную авторизацию и приходит к заключению, что для ряда информационных жанров (заметка, отчет) характерно отсутствие в тексте авторских речевых структур, в то время как в других информационных текстах (расширенная заметка, интервью) используются структуры, в которых представление о создателе текста слабо выражено или слегка намечено, а для жанра комментария характерны способы активной авторизации, поскольку комментарий представляет собой персональное оценочное рассуждение, поэтому и содержит рассредоточенные по тексту метатекстовые включения, отражающие авторскую позицию [Урунова 2015, с. 264–265].

Эволюция лингвистической мысли, сопряженная с результатами кросс-культурных и стилистических исследований авторизации как способа указания на автора первоначального сообщения, направила внимание специалистов на междисциплинарные аспекты изучаемого явления, например, его связь с теорией референции. В частности, пристальное внимание к субъектным компонентам авторизующих моделей с учетом их соотносительности с действительностью и возможностью или невозможностью быть идентифицированным адресатом позволило разграничить авторизацию и деавторизацию.

Начало исследованиям деавторизации было положено благодаря В. В. Виноградову, М. А. Кормилицыной, Г. А. Копниной, Е. В. Падучевой [Виноградов 1999; Кормилицына 2007; Копнина 2008; Падучева 2007], которые обратили внимание, что если в речи субъект, передающий информацию, имеет неопределенный или размыто-обобщенный характер и *не подлежит идентификации адресатом*, то они значительно отличаются по коммуникативному потенциалу от тех, в которых субъект является определенным. При этом такой субъект может быть:

а) выражен в высказывании: *“We feel the momentum is with us,” a source close to Truss said* ‘«Мы чувствуем, что преимущество на нашей стороне», сказал некий источник, близкий к г-же Трасс’ (The Times, 20.07.2022); *Шмат хто каже аб тым, што мы напярэдадні голаду* (Звезда, 31.07.2022); либо

б) устранен из структуры предложения¹⁴: *Vanuatu is seen as the most concerning route for potentially hostile state spies and criminals* ‘Вануату считается наиболее опасным маршрутом для потенциально враждебных государственных шпионов и преступников’ (The Times, 11.04.2023); *Стала вядома, што канадскія сельгасвытворцы правялі акцыі салідарнасці* (Звязда, 31.07.2022); *Кажуць, Барэль вельмі занерваваўся* (Звязда, 23.12.2022).

Именно невозможность идентификации адресатом субъекта в авторизующих моделях привела к появлению понятия «деавторизация», а разграничение авторизации и деавторизации стало рассматриваться в свете теории референции¹⁵, поскольку ее положения позволяют дифференцировать тип субъекта в исследуемых конструкциях: авторизации свойственен референтный субъект, соотносимый адресатом с конкретным автором или авторами сведений в реальном мире, а для деавторизации характерен нереферентный субъект, не идентифицируемый адресатом. В дополнение к разным референциальным характеристикам субъекта в схожих по формально-грамматическому строению конструкциях у сопоставляемых категорий различаются языковые средства реализации: для авторизации характерен их более широкий спектр, который включает присоединительные конструкции и оценочные наречия, а также инфинитивные двусоставные предложения. Подобные языковые средства для деавторизации не важны, поскольку не содержат указания на нереферентный субъект сведений. Что касается семантических разновидностей, то для двух категорий они идентичны и предполагают наличие одной из четырех семантических разновидностей субъекта: речи, мысли, оценки, восприятия¹⁶.

Сам термин «деавторизация», который закрепился в лингвистике сравнительно недавно, и его содержательное наполнение демонстрируют некоторую вариативность в своем становлении. Так, одно из первых упоминаний термина обнаруживается в статье М. А. Кормилицыной, посвященной изучению инновационных процессов в современной русскоязычной прессе. Исследователь отмечает, что некоторые «авторизующие конструкции (основное назначение которых в языке — называть источник и способ получения информации, обеспечивая тем самым ее объективность, документализм, фактуальность) используются в современной прессе как один из способов *деавторизации*¹⁷, как реализация стремления журналистов завуалировать

¹⁴ Т.е. ему не соответствует синтаксического актанта [Падучева 2007, с. 53; Пешковский 2001, с. 371].

¹⁵ Вопросы теории референции, релевантные для данного исследования, будут рассмотрены во второй главе, в частности касающиеся субъектной референции.

¹⁶ Подробно о характеристиках субъекта конструкций деавторизации (формальных, семантических и референциальных), о маркерах идентификации семантической разновидности субъекта, а также о количественной представленности каждого из них см. в кандидатской диссертации автора: Басовец, И. М. Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном тексте (на мат-ле белорусск. и англ. яз.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. М. Басовец. — Минск, 2013. — 135 л.

¹⁷ О закреплении термина «деавторизация», который первоначально использовался в политической коммуникации [В. Honig], а не «дезавторизация» см. подробнее там же [Басовец 2013].

или скрыть сведения об авторе полученного сообщения» [Кормилицына 2007, с. 249]. В своей статье автор выделяет следующие разновидности авторизующих конструкций, которые создают эффект «ложной» авторизации: субъектно-предикатные и предложно-падежные, где позицию субъекта занимают слова обобщенной или неопределенной семантики (*по информации западных журналистов; многие из ельцинского правительства говорили; никто не сомневался; один политик заявил*) и бессубъектные конструкции с подразумеваемым неопределенным субъектом (*подозревают; считается*) [Кормилицына 2007, с. 249].

В продолжение очерченных идей в части исследования способов сокрытия источников в современных газетных и журнальных текстах, Е. В. Осетрова фиксирует использование ряда конструкций для передачи неавторизованной информации в виде слухов: «уход от конкретного авторства в сторону неопределенности, а то и полной анонимности источника стал узусом СМИ» [Осетрова 2010, с. 6]. В работе автор различает генеральный и локальный модусы неавторизованной информации и утверждает, что «с генеральным модусом массовый адресат сталкивается, когда обсуждению какого-либо конкретного слуха посвящена вся публикация» или это «задано редакторской политикой, структурой издания, отражаясь в названиях газетных и журнальных рубрик» (например, «По слухам и авторитетно» в «Комсомольской правде», «Рейтинг слухов» и «Лаборатория слухов» в «Московском комсомольце», «Молва» в «Аргументах и фактах», «Говорят, что...» в «Коммерсантъ—Деньги» и др.); локальным же является такое присутствие неавторизованного модуса, когда он занимает в статье место эпизода [Осетрова 2010, с. 25–27].

Дальнейшие наблюдения за сокрытием источников в массовой коммуникации смещают внимание лингвистов в сферу юридической ответственности, правовых рисков, судебных разбирательств, где «информация рассматривается как правовая категория» [Волков 2024, с. 87], а деавторизацию трактуют как тактику отсылки к непроверяемым источникам, целью которой является намерение говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание посредством специальных *деавторизаторов* [Пантелеев, Карымсакова, Уткин 2014, с. 50–51]. Такой ракурс исследований затрагивает вопросы, связанные с деавторизацией в интенционально и структурно более узком ключе по сравнению с оригинальными идеями, учитывая ограниченный набор прагматических функций и, как правило, одну из разновидностей конструкций: либо субъектно-предикатные, либо бессубъектные. Так, при изучении коммуникативно-правовых рисков в публичной коммуникации М. А. Осадчий квалифицирует деавторизацию как коммуникативную тактику, которая на уровне интенции характеризуется намерением говорящего снять с себя ответственность за высказывание, а на уровне реализации предполагает введение в высказывание специальных *деавторизаторов*, которыми могут служить типичные демагогизмы — указания на общеизвестность, ссылки на непроверяемые источники, неопределенное или нулевое авторство, нефиксированный источник информации

[Осадчий 2012, с. 53]. Данная тактика (как и еще четыре выделяемые автором тактики ухода от правовых рисков) реализуется посредством «легевфемизмов» (правовых эвфемизмов) [там же, с. 57].

Развивая проблематику тактик ухода от правовых рисков в эпистолярных электронно-медийных текстах, несколько иной подход в отношении структурного типа конструкций использует А. В. Курьянович, разграничивая конструкции а) в функции «затемнения» *референта* (т.е. замены номинации источника оценочными средствами) и б) в функции *деавторизации* (т.е. отстранения автора от содержания своего высказывания путем употребления неопределенно- и обобщенно-личных конструкций (к этой же группе О. Н. Копытов относит и безличные конструкции, которые «в текстовом аспекте указывают на деавторизацию» [Копытов 2012, с. 242])). При этом автор также оперирует термином «легевфемизмы» для именования языковых средств, «обслуживающих зону ухода от правовых рисков» в коммуникации; а снижение правовых рисков посредством осознанного использования таких языковых ресурсов автор называет «легевфемизацией» [Курьянович 2016, с. 11–12].

Одной из недавних работ, упоминающих «языковой механизм *деавторизации текста*», под которым понимается внесение в текст установки на неопределенное авторство, является диссертационное исследование Ю. Н. Драчевой. В работе исследователь рассматривает функционирование конструкций с неопределенным авторством в пространстве научно-популярного медиатекста и отмечает, что, к примеру, при освещении научных проблем в массмедиа наблюдается тенденция нивелировать имена исследователей, ученых и представлять их в весьма обобщенном виде, поскольку медиаобраз тяготеет к ономастической концептуализации, отвечающей квазиэнциклопедичности подачи информации [Драчева 2019, с. 225–226]. Упоминание разного коммуникативного потенциала авторизации и деавторизации на текстовом уровне содержится и в работе С. В. Гричина: «авторизованные и неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее развитие мысли, маркируют собой изменяющийся контекст повествования» [Гричин 2017, с. 149]. Понимание отличий в способности авторизации и деавторизации генерировать разные смыслы и реализовать различные прагматические задачи является особенно значимым в медиакоммуникации, где документирование источников информации играет одну из ключевых ролей, и требует детального изучения.

1.3.2. Статус и формы выражения категории эвиденциальности в медиатекстах. Соотношение эвиденциальности и деавторизации

Существенную роль в медиатекстах выполняет категория эвиденциальности, которая означает отношение к знанию, с одной стороны, включая *ссылки* на источники презентуемого знания, и, с другой стороны, охватывая

выражение степени надежности сообщаемой пропозиции [Janik 2009, p. 20–21]. Несмотря на некоторые расхождения в терминологии, исследователи [Астахова 2015; Добровольский, Зализняк 2022; Козинцева 2007; Козловский 2024; Aikhenvald 2004; Angelopoulos 2022; Gisborne 2010; Janik 2009; Murray 2021 и др.] отмечают, что существует две системы эвиденциальности.

Первая система именуется непосредственной, или прямой (англ. *attested evidence*), которая включает указание на источник, доступный сенсорному восприятию говорящего (в таком случае говорящий имел личный доступ к ситуации и выступает в конвергентной роли перцептора, наблюдателя, повествователя, который передает непосредственно воспринятую ситуацию). В зависимости от типа информационного канала, по которому говорящему поступает информация, в лингвистике [Aikhenvald 2004] выделяют две разновидности в структуре прямой эвиденциальности: визуальную и аудиальную.

Вторая система является опосредованной, или посреднической, и подразделяется на две разновидности: косвенную, или цитатив (англ. *reported evidence*)¹⁸, которая содержит указание на источник передаваемой информации (в этом случае говорящий выступает в роли ретранслятора, который сообщает полученную от другого источника информацию) и инференциальную, или инферентив (англ. *inferring evidence*), которая позволяет говорящему восстановить имевшую место ситуацию, свидетелем которой он не был, на основании собственного вывода (при которой адресант функционирует как репрезентатор инференции, озвучивая собственное умозаключение).

В случае с цитативом тип источника может различаться по отношению к говорящему (известный адресанту и эксплицитно выраженный в высказывании, известный адресанту и не выраженный по причине его незначимости, не известный говорящему по причине неустановленности, например, слухи, общеизвестные знания или знания, разделяемые коллективно в определенном обществе: фольклор, легенды, пословицы и т. п.)¹⁹ [Martinez, Senti 2020, p. 141–142]) и по степени определенности / неопределенности (существительные или местоимения, указывающие на конкретный источник информации, к примеру, личность, документ, организацию; и существительные или местоимения, имеющие неопределённое, обобщённое значение [Астахова 2015]). В инференциальной эвиденциальности различается то, каким образом говорящий пришел к выводу: на основании визуальной информации или на основании знаний.

Кроме того, лингвисты [Добровольский, Зализняк 2022; Martinez, Senti 2020] отмечают случаи смешанного использования разновидностей эвиденциальности. Так, промежуточное положение в классификации типов эвиденциальности фиксируется, если высказывание содержит «элементы репорта-

¹⁸ Косвенная эвиденциальность исследуется также в рамках дискурсологии, сближаясь с репортативным дискурсом (см., например, работы Т. Сакиты [Sakita 2002], М. Крессвелла [Cresswell 2000] и др.).

¹⁹ В случае с общеизвестными сведениями точное указание первоисточника зачастую просто невозможно, поскольку «существуют общеизвестные факты без конкретного источника» [Cowper 2003, p. 127], которые используются для введения в текст «так называемого коллективного или совместного знания» [Sandt 1988, p. 164].

тивности и инференциальности», – тогда имеет место «репортивно-инференциальная эвиденциальность» [Добровольский, Зализняк 2022]. В ходе изучения определенного вида дискурса могут выделяться частные разновидности эвиденциальности, к примеру, для политического массмедийного дискурса, согласно Д. В. Козловскому, релевантной является суггестивная эвиденциальность, которая конституируется в двух разновидностях: психологическая и авторитарная [Козловский 2022].

Экспликаторами эвиденциальности являются языковые средства, указывающие на источник информации или степень надежности сообщаемой пропозиции, которые в разных языках могут быть морфологическими, лексическими и синтаксическими (в ряде языков – например в индейских – такая информация встроена в форму глагола) [Aikhenvald, Dixon 2003, p. 1–2]. Что же касается английского и белорусского языков, то такая информация выражается при помощи главных предложений в составе сложного и вводных предложений с маркерами-дополнениями. К примеру, *косвенная эвиденциальность* реализуется в англо- и белорусскоязычных высказываниях посредством эвиденциальных маркеров, которые указывают на отличный от говорящего источник информации и могут вводить прямую, косвенную речь и сегментированную цитацию. Такого рода показатели чужой речи могут эксплицитно кодировать отличный от говорящего субъект – источник информации (в конструкциях типа *he said that* ‘он сказал, что’, *на словах эксперта*) или лишь подразумевать его существование (как в случае с *it is reported* ‘сообщается’, *наговариваюць*). Следует отметить, что не все конструкции, включающие чужую речь, следует автоматически признавать эвиденциально положительными. Согласно Н. В. Бабёр, определяющее значение для выявления эвиденциальной семантики высказывания имеет наличие сообщаемого факта (вопросы, к примеру, в составе прямой и косвенной речи не сообщают никакого факта и потому не выражают эвиденциальных значений) [Бабёр 2012]. Вопрос о наличии / отсутствии категории эвиденциальности при воспроизведении чужой речи решается в современном языкознании следующим образом: цитация соотносится с эвиденциальностью; наличие в тексте элементов чужой речи (отдельных слов или словосочетаний), не направленных на сообщение какого-либо факта, к эвиденциальности не имеет отношения.

В последнее время в медиатекстах эвиденциальность приобрела особую актуальность на фоне распространения «фейковых» новостей и передачи слухов²⁰, что является следствием целого ряда тенденций информирования: «фрагментации информационного ландшафта, индивидуализации и эмоциональности, токсичности многих публичных дискуссий» и др. [Gibson, Jacobson 2018, p. 191]. В связи с этим в качестве самостоятельной разновидности выделяется «эвиденциальность слухов» [Козловский 2024, с. 71–75]. Согласно исследователям [Бородина 2015; Козловский 2024], интенциональ-

²⁰ Для нашего исследования разграничение фейков, слухов, дезинформации, клеветы, домыслов и т. п. не релевантно.

ная структура медиаслухов основывается на коммуникативных установках их продуцентов: воздействующей, информирующей, оценивающей или развлекающей, а в зависимости от коммуникативных установок, базовых характеристик слухов, специфики репрезентации источника сведений, а также квалификации сообщаемого журналист информирует / убеждает / развлекает читателя слухов / вызывает у него желаемую эмоциональную реакцию. Тем не менее следует отметить, что при передаче слухов, фейков существует риск намеренного распространения фальсифицированной информации. Во избежание негативных последствий от распространения слухов исследователи данного проблемного поля [Botha, Pieterse 2020] рекомендуют англоязычные вебсайты «проверки фактов» (англ. *fact-checking*), к которым читатели могут получить доступ для квалификации новости и исключения фейков, например www.factcheck.org и др. Однако, по утверждению исследователей, для эффективного нахождения фейковых новостей необходимы дополнительные обучающиеся программные инструменты, которые способны выявлять фейки не только на основе содержания новостной статьи с использованием различных методов обработки естественного языка и алгоритмов машинного обучения, но и на основании оценки источника сведений.

Примечательно, что в работах, связанных с ложными и аутентичными новостями, именно использованию надежных источников уделяется особое внимание, поскольку они в значительной степени детерминируют точность и надежность сообщаемой информации. Так, к примеру, для облегчения распознавания фейковых новостей исследователи составили восемь резюмирующих критериев, три из которых посвящены источнику информации (*consider the source* ‘оцени источник’, *check the author* ‘проверь автора’, *check supporting sources* ‘проверь подтверждающие источники’) [Botha, Pieterse 2020]. Более того, подчеркивается необходимость «отслеживать и поддерживать историю источника, которая может использоваться при перекрестной проверке с присвоением сторонней надежной серверной системой отметки для квалификации источника как заслуживающего или не заслуживающего доверия в соответствии с определенными пороговыми показателями» [Figueira 2017, p. 824].

Наряду с выделением разновидностей эвиденциальности и маркеров выражения эвиденциальных значений в ряде лингвистических исследований [Григоренко 2011, с. 10; Козловский 2021, с. 125; Лунина 2020, с. 96] отмечается семантическая *близость эвиденциальности и авторизации*, например, в пространстве дискурса масс-медиа, где синергетическое сцепление указанных категорий заключается в приобретении высказыванием, обладающим значением эвиденциальности, семантики авторизации. Связь эвиденциальности с авторизацией проявляется во взаимодействии своего и чужого в высказывании, а также общности получения информации на основе зрительного или слухового восприятия, интеллектуальной или оценивающей деятельности. Как отмечает Д. В. Козловский, модусная категория «эвиденциальность» связана с квалификацией и интерпретацией передаваемых сведений автором /

субъектом коммуникации в контексте их авторства, верифицируемости, информативности и др. [Козловский 2024, с. 73]. Между тем, на наш взгляд, эвиденциальность и авторизация демонстрируют больше общих черт, чем эвиденциальность и деавторизация.

Так, значимым для понимания различий между эвиденциальностью и деавторизацией следует считать сложившуюся практику лингвистических исследований: разработка понятия эвиденциальности связана с вербализацией способа доступа говорящего к сообщаемой информации, а при разработке концепции деавторизации критерий доступа к информации (имел ли говорящий доступ к ситуации лично или через посредника) не важен: для данной категории салиентной является только та информация, которая подается от имени лица / лиц, которые не могут быть идентифицированы адресатом, поскольку в высказывании и/или тексте они представлены в размыто-обобщенном, неопределенном виде или подразумеваются.

Различаются и ключевые конститuentы в составе категорий. Так, ключевым в понимании деавторизации является трактовка *субъекта* в конструкциях деавторизации, в то время как в исследованиях по эвиденциальности значительное внимание уделяется *глагольным* категориям. К примеру, в создании деавторизации участвует выраженный или подразумеваемый нереферентный субъект четырех семантических разновидностей. Существующая литература по эвиденциальности не демонстрирует обусловленности субъектным компонентом определенных конструкций и/или его характеристиками.

Отличия обнаруживаются и в средствах реализации данных категорий: у деавторизации фиксируется их более узкий перечень, ограниченный нереферентным употреблением средств субъектного кодирования; для реализации же эвиденциальных значений референциальный статус субъекта сведений не важен, а важно наличие сообщаемого факта, что для деавторизации как раз нерелевантно.

Расхождения между сравниваемыми категориями обнаруживаются и в роли говорящего. На основании выделения типов эвиденциальности правомерно определить роли говорящего, который может выступать 1) перцептором, передающим непосредственно воспринятую ситуацию (в случае с прямой эвиденциальностью); 2) ретранслятором, который передает полученную от другого источника информацию (при косвенной разновидности); 3) репрезентатором инференции, который озвучивает сделанное на основании внешних данных или знаний собственное умозаключение (если имеет место инференциальная эвиденциальность); 4) конвергентной роли воспринимающего, интерпретирующего и сообщающего (для репортативно-инференциального типа). Сопоставляемые категории демонстрируют наибольшее сближение во второй из упомянутых выше ролей говорящего, поскольку в случае с деавторизацией говорящий также выполняет роль ретранслятора при передаче сообщений, но только тех, которые подаются от имени обобщенных или неопределенных субъектов.

1.3.3. Роль категории интертекстуальности в обеспечении информационного континуума

В современном языкознании значительное внимание уделяется исследованию разных аспектов интертекстуальности, под которой понимается непосредственное присутствие одного текста в другом; включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций [Арнольд 1999, с. 346; Genette 1997, р. 2]. При более широком понимании отношений сопричастия нескольких текстов лингвисты говорят об интердискурсивности, которая относится к наличию или следу одного дискурса внутри другого и возникает, когда один участник присваивает и реконструирует дискурсы, связанные с другими участниками [Lewis 2004, р. 117].

Всеохватывающий и всепроникающий характер интертекстуальности зиждется на идее заимствования текстов и понятий друг у друга: каждый автор как до написания своего текста, так и в процессе написания является читателем написанных до него текстов, поэтому «либо заимствует из предшествующих или параллельных текстов и связанных дискурсов посредством аллюзий, ссылок, цитат, либо каким-то образом находится под влиянием других текстов, поэтому авторское произведение всегда будет иметь отголоски и следы других текстов, на которые оно прямо или косвенно ссылается» [Zengin 2016, р. 300]. Это соответствует постмодернистскому представлению о тексте как «мозаике цитат», предполагает «диалог на уровне когнитивных систем, кодов, типа мышления и отражает когнитивные процессы, предшествующие конкретной текстовой реализации» [Петрова 2017].

Манифестация интертекстуальности в определенных текстовых условиях в работах разных авторов получила наименование «интертекст» [см., например, Деминова 2016; Сметанина 2002; Thompson 2005 и др.] (иногда в русскоязычной лингвистике используется термин «интертекстема» [см., к примеру, Казак 2014; Махова 2014; Сидоренко 1999; Золотухина 2009], которую характеризуют как «межуровневый реляционный сегмент держательной структуры текста, вовлеченный в межтекстовые связи» [Сидоренко 1999, с. 11]), а при рассмотрении отношений исходного и конечного текстов используется терминология «текст-донор» и «текст-реципиент» [Москвин 2011]. Интертекст²¹ оставляет в тексте неустранимый «межтекстовый след» [Porter 1986, р. 34], некую «формальную константу, играющую для читателей роль императива и управляющую расшифровкой данного сообщения» [Zengin 2016, р. 302]. С точки зрения любого автора интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собствен-

²¹ В нашей работе в целях единства терминологии будем пользоваться термином «интертекст».

ного «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов [Фатеева 2000, с. 20]. Она отражает когнитивную базу порождающего текст субъекта, его интертекстуального тезауруса, т.е. всех тех элементов, которые говорящий субъект считает «чужими» при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных текстов [Кузьмина 2011].

В лингвистике различают три вида интертекстуальных отношений: 1) эксплицитные (относятся к другим текстам и конкретным источникам, которые автор открыто упоминал, реализуя «маркированную» [Чернявская, Хохлова 2024, с. 66] и «референциальную интертекстуальность» (англ. *referential intertextuality*) [Devitt 1991, p. 342]), 2) имплицитные (относятся ко всем мимолетным аллюзиям на другие тексты и на эффекты, которые были придуманы автором, чтобы их уловил бдительный и информированный читатель) и 3) инферентные (относятся ко всем текстам, которые фактические читатели используют для облегчения своего понимания текста, поскольку читатели приходят к интертекстуальным значениям, сравнивая и противопоставляя тексты и, таким образом, придавая им смысл, т.е. в отличие от двух предыдущих типов, инферентная интертекстуальность характеризуется открытостью в том смысле, что решение о том, что является интертекстуальным, определяется на основе понимания читателей, а не открытых ссылок на другие тексты) [Panagiotidou 2014, p. 14–15].

Современные медиатексты насквозь пропитаны интертекстуальными отсылками, при этом медиатекстовая интертекстуальность демонстрирует определенную специфику. В текстах средств массовой информации основные идеи должны быть изложены на поверхности, содержание должно быть удобным для пользователя или читателя, поэтому одной из самых распространенных форм интертекстуальной манифестации в медиатекстах, согласно исследователям, являются цитаты из пресс-релизов, выступлений политиков или других источников, которые направляют читателя к цитируемому тексту, а со стороны читателей требуются минимальные вычислительные усилия для установления межтекстовой связи [Ott, Walter 2000; Iqani 2009; Hiramoto 2010; Panagiotidou 2014; Velykoroda 2021; Kryachkov 2023]. Поскольку медиатекстовая цитата может быть «с атрибуцией (с указанием источника сведений) и без атрибуции (без ссылки на источник, в таком случае она рассчитана на знание и актуализацию текста-донора в памяти адресата)» [Богатырев 2016, с. 88], то восприятие интертекстуальных включений либо не требует от читателя предварительной подготовленности, либо предполагает наличие у него определенной интертекстуальной компетенции в отношении общекультурного фонда и знания последних событий, произошедших в стране и мире.

Если интертекстуальность медиатекста обеспечивается обязательным присутствием в нем цитации, то в таком случае речь идет о «цитатной интертекстуальности» (англ. *quotation intertextuality*), где цитаты составляют новый текст, полностью деконтекстуализированы и существуют теперь в новом диалоге друг с другом, границы которого определены составителем [Miola 2007]. Цитаты могут быть по-разному отмечены для распознавания читателем, например, типографскими знаками, включением фрагментов иностранного языка или фактическим именованием оригинального автора или текста, а по критерию дословности воспроизведения текста-донора варьироваться от дословно воспроизводимых (например, цитата), относительно свободно воспроизводимых (например, парафраз, пересказ, сегментированная цитация) и существенно трансформированных (например, квазичитата, в которой присутствует лишь доля сказанного, но общий смысл искажен) [Богатырев 2016, с. 89]. За исключением дословно воспроизводимых трансформированные интертексты демонстрируют адаптацию текста-донора к тексту-реципиенту, что проявляется в усилиях автора по ассимиляции интертекста в своем новом контексте с использованием «лексических замен, модернизации, изменения значения, ослабления фиксированности, добавления, опущения, замены и перестановки» [Panagiotidou 2014, p. 211], изменении объема, а также частичной модификации грамматики, лексики и синтаксиса текста-донора, что реализует функции оптимизации и структурирования текста-реципиента.

В медиадискурсивном пространстве цитатная интертекстуальность обладает специфичной функциональностью: а) четкой передачи фрагмента сообщения для иллюстрации тезиса текста, дополнения и расширения текста статьи, будучи документальным подтверждением события; б) документирования авторитетом²²; в) аргументации или контраргументации (если по вопросу озвучиваются минимум две точки зрения, одна из которых прагматически маркируется в качестве аргумента или контраргумента²³); г) перекладывания ответственности за публичное слово на автора цитируемых слов; д) метасобытийности, которая реализуется тогда, когда сам текст «источника» становится коммуникативным событием, например, высказывания политических деятелей, приобретающие общественный, внутригосударственный или международный резонанс; е) манипулирования вследствие использования трансформированных контекстов [Манипул реч возд Маруневич 2023, с. 49–51; Медиатекст уч пос 2011, с. 31–32; Bredel 2003, p. 148–149; Duenas 2009, p. 50–52].

²² Подробнее о прямом и косвенном документировании авторитетом в коллективной монографии «Авторитетность и коммуникация» [Кашкин 2008].

²³ Вопросы, связанные с аргументацией, включая использование аргументов, контраргументов, схем и сценариев аргументирования, аргументированных атаках, опровержениях и возражениях и проч., рассмотрены, например, в работе Д. Уолтона «Методы аргументации» [Walton 2013].

Для медиатекстовой интертекстуальности также характерно наличие прецедентных вкраплений, аллюзий, реминисценций и проч., хотя «лишь немногие авторы медиатекстов ожидают, что их читатели будут заняты тщательным анализом постмодернистских особенностей их текстов» [Velykoroda 2021, p. 59] и смогут декодировать заложенные в них смыслы, которые используются для создания эмоционального или экспрессивного эффекта. Интертекстуальные вкрапления в современных медиатекстах могут репрезентировать элементы фольклора как конвенционально определенные формы коммуникации, передающие этические представления народа, основное назначение которых заключается в выполнении роли символических регуляторов поведенческих тактик в пределах коллектива и отражении репертуара локальных традиций, а иногда и осуществлять подмену текущей ситуации, при которой журналист как бы «режиссирует» освещаемое событие при помощи подобных вкраплений [Денисюк 2013, с. 136; Основы теории ком Венедиктова 2024, с. 164–165; Рус яз Сурикова, Клушина 2024, с. 204].

Любопытная специфика проявляется в медиатекстах, в которых обнаруживается *референциальная автоинтертекстуальность* (термин А. К. Филипповой). Основными средствами автоинтертекстуальной манифестации являются автоцитаты, а эксплицитными маркерами их текстового присутствия являются конструкции авторизации с определенным семантическим наполнением типа «как я уже говорил», «как мы уже писали». При этом автоцитаты различаются по полноте/частичности заимствованного материала, (не)модифицированности [Филиппова 2013, с. 8].

Кроме того, особыми чертами интертекстуальности в медиатекстах выступают семиотическая конвергенция, многоаспектный характер и жанровая детерминированность. Семиотическая конвергенция предполагает наряду с текстом включение видео, фото событий или героев, мемов, иллюстраций и т. п., которые можно трактовать как аллюзию на некоторые исторические события, древнюю мифологию и мировую культуру и т. д. Многоаспектный характер специфичных проявлений интертекстуальных вкраплений в медиополе объясняется уникальным положением медиатекстов как продуктов смешения различных дискурсивных голосов. И наконец, разным медиажанрам могут быть более свойственны определенные виды интертекстуальности, к примеру, эссе, сочетающее в себе повествование от первого лица с описанием и аргументацией, традиционно насыщено автоинтертекстуальными вкраплениями, заметка и статья, как правило, наполнены цитатной интертекстуальностью, жанры эмоциональной журналистики могут включать прецедентные тексты, аллюзии, реминисценции как в текстовом пространстве, так и в заголовке. Для расшифровки медиасообщения, скрытого во всех видах интертекстуальности, читатель должен обладать объемом знаний, позволяющим правильно интерпретировать сообщение, т.е. интертекстуальной компетенцией.

1.3.4. Категория достоверности и параметры ее измерения в медиатекстах

Вопросы, связанные с достоверностью сообщаемой информации, все больше беспокоят современную массовую аудиторию и привлекают внимание специалистов разных дисциплин, поскольку связаны с широчайшим диапазоном проблем: от точности / приблизительности языковой номинации, до истинности / ложности сообщаемого и т. д. Проблемы достоверности информации в современном обществе влекут за собой снижение читательского доверия к получаемой информации, формируют «тенденцию подвергать сомнению факты, журналистскую честность и надежность источников информации» [Gibson, Jacobson 2018, p. 191].

Целостное и системное исследование достоверности как коммуникативной категории представлено в работе Н. Н. Панченко, в которой достоверность интерпретируется как информативно-кваликативная категория оппозитивного типа, носящая градуируемый характер: с одной стороны, специфика градуируемости достоверности в различных типах дискурса обусловлена вариативностью реализующих ее субкатегорий информативности, точности и объективности [Панченко 2010, с. 16]; с другой стороны, шкалируемость достоверности определяется триединым слиянием прагматических факторов: искренности адресанта, истинности сообщаемого и доверия адресата [там же, с. 273–276].

Схожее видение достоверности в зависимости от разных факторов обнаруживается в работе М. Ю. Папченко [Папченко 2022, с. 64–65], которая разграничивает *фактическую* и *коммуникативную достоверность*. Фактическая достоверность соотносится с достоверностью сообщаемых сведений, является в том числе правовым термином и применяется для описания ситуаций, когда фактическая информация в сообщении соответствует действительности и поддается верификации (в английском языке ей соответствует термин *reliability* ‘надежность’ [Gibson, Jacobson 2018, p. 184]). Дискурсивными маркерами фактической достоверности являются цитирование, имена собственные, числовые данные, ссылки на экспертные мнения, фото- и видеоматериалы [Сыреси́на 2023, с. 3663]. Коммуникативная достоверность является показателем того, что автору удалось представить мнение (оценку) в виде факта объективной действительности, который читатель квалифицирует как «заслуживающий доверия без проверки» (в английском языке ей соответствуют термины *trust* ‘доверие’ и *credibility* ‘правдоподобность’ [Gibson, Jacobson 2018, p. 184]).

Разграничение достоверности на фактическую и коммуникативную исходит из способов передачи информации в тексте в виде а) факта, под

которым понимается верифицируемая информация о действительности, отображающая события, процессы, ситуации, поступки и действия и б) мнения, т.е. неверифицируемого субъективного образа ситуации²⁴.

М. Кёринг и Дж. Маттес утверждают, что, когда реципиенты доверяют средствам массовой информации, их квалификация коммуникативной достоверности основывается на четырех аспектах: доверие к выбору тем (адресаты полагаются на то, что СМИ сосредоточатся на тех темах и событиях, которые имеют к ним отношение); доверие к отобранным фактам (предполагает транслирование релевантной информации по теме); доверие к точности сообщения (включает возможность проверки передаваемых сведений); доверие к журналистской оценке (получатели разделяют авторские оценки, комментарии, советы и призывы к действию) [Kohring, Matthes 2007, p. 239–240].

Немаловажную роль в выстраивании доверия играют используемые в медиатекстах источники информации, поскольку в большинстве случаев журналист сам не является непосредственным очевидцем событий и вынужден транслировать сведения, полученные от разных источников различной степени надежности. Использование надежных источников является своего рода гарантией передачи достоверных сведений, а надежность источника обеспечивается его опытом в новостном сообществе, рейтингами отзывов и обзоров, экспертностью в определенной сфере, точностью языковой номинации и непредвзятостью [Дзюбенко 2023; Панченко 2010; Kohring 2007; Mukherjee, Weikum 2015], позволяя журналисту не опасаться ответственности за ретранслируемые сведения в ходе реализации «эпистемического ручательства» за пересказываемую чужую речь [Крылова Логич анализ языка 2016, с. 210]. Умение распознать характеристики источников информации лежит в основе медийной и информационной грамотности и понимается как индивидуальная ответственность каждого современного потребителя сведений. В этом может помочь функция экспертности источника особенно в условиях таких ограничений, как нехватка времени, поскольку люди не обладают неограниченными когнитивными способностями и не могут обрабатывать все аспекты всех получаемых сообщений для оценки ее достоверности [Flanagin, Winter, Metzger 2018; Haider, Sundin 2022, p. 30]. Требованию экспертности соответствуют «авторитеты» (англ. “cognitive authority”) ввиду их компетентности, которые ценятся не только за их запас знаний, но и за их мнения, поэтому информация, подаваемая от имени авторитетов, которыми могут выступать индивидуализированные, коллегиальные и ин-

²⁴ Такое видение восходит к «верификационным теориям в русле логического позитивизма (эмпиризма), исповедуемые философами Венского кружка (такими как Карнап, Рассел), которые считали, что утверждение может быть проверено на истинность или ложность посредством опыта» [Sorea 2012, p. 18].

ституализированные отправители, считается правдивой и заслуживающей доверия [Кашкин 2007, с. 15; Savollainen 2021, р. 3]. В результате привлечения надежных и авторитетных источников информации реализуется как фактическая, так и коммуникативная достоверность медиатекста, поскольку продуцируется медиатекст, эквивалентный тексту документальному, содержанию которого можно доверять. Если адресат доверяет источнику, то с большой вероятностью он воспримет сообщаемое этим источником как правду [Информационное право 2024, с. 393; Сивенкова 2017, с. 340-341; Chilton 2011, р. 184; Hjarvard 2002].

Наряду с надежностью источника информации, фактическая достоверность зависит и от выбора языкового оформления сообщения с учетом связанных между собой категорий объективности и субъективности изложения. Что касается объективности²⁵ изложения, то она предполагает «рациональность, общее качество языка в медиатексте, отсутствие эмоций и предвзятости автора» [Mukherjee, Weikum 2015, р. 353]. Если достоверность соотносится с объективным, рациональным, беспристрастным изложением, то использование журналистом маркеров с обратным эффектом при подаче сведений снижает достоверность сообщения. К языковым маркерам, понижающим достоверность, согласно Н. Н. Панченко, относятся: 1) аппроксиматоры, квалификаторы неопределенности, лексические средства с расплывчатой семантикой, привносящие в сообщение семантику неточности; 2) слова, выражающие мнимость, кажимость; 3) эмотивно-окрашенная лексика, апеллирующая к эмоциональной сфере адресата и др. [Панченко 2010, с. 38].

Зарубежными лингвистами проводятся активные исследования структуры, содержания и стиля медиатекстов для их квалификации как достоверных или недостоверных с целью выявления их языковых особенностей. По утверждению ученых [Mahyoob, Algaraady, Alrahaili 2021; Levi, Hosseini, Diab, Broniatowski 2019; Rashkin, Choi, Jang, Volkova 2017; Zhou, Jain, Phoha, Zafarani 2020], недостоверные новости отличаются по написанию от достоверных на уровне лексики, синтаксиса, семантики и дискурса. Так, к примеру, определенные аспекты языковых «предсказывающих сигналов обмана» можно отслеживать и обнаруживать путем изучения определенного набора лингвистических индикаторов содержания.

В результате проведенного комплексного анализа с привлечением математической, компьютерной и лингвистической обработки данных лингвистами установлено, что недостоверным новостям свойственны следующие языковые и стилистические средства: гиперболы, превосходная степень,

²⁵ Проблема соотношения объективного и субъективного очень широкая и ставилась в ключевых направлениях философской мысли, психологических теориях, логике и сталкивается с трудностями разработки вопросов строения субъективной реальности и сложностью структуры объективной действительности [Асеев 2014, с. 16].

эмоциональные наречия, слова с обобщенно-размытой семантикой, косвенные формы выражения, а также более интенсивное по сравнению с достоверными новостями использование косвенной речи, пассивного залога и отрицания, субъективное изложение, расплывчатое описание событий и модальные наречия, маркеры слухов, расплывчатые определители, придающие высказыванию косвенность и затемняющие его смысл.

В достоверных новостях чаще используются имена собственные, единицы в сравнительной степени, слова, используемые для обозначения конкретных цифр и показателей, проверенные источники, цитирование конкретных первоисточников. Следует, однако, подчеркнуть, что разграничение подобных языковых средств весьма условно, что акцентируется и упомянутыми выше исследователями, поскольку как создатели достоверных, так и недостоверных новостей используют весь спектр лингвистических возможностей для достижения своих целей. С учетом того, что недостоверные новости на данном этапе технического развития алгоритмически подавляются в новостных лентах, их создатели и распространители сознательно стремятся выглядеть более надежными и тщательно пытаются убедить свою аудиторию, контролируя свой язык и стиль письма, маскируясь под достоверные новости.

Выводы по главе 1

Целью данной главы являлось установление и краткая характеристика тех медиатекстовых категорий, которые соотносятся с первоначальным авторством передаваемых сведений.

Солидный научный фундамент в отношении текстовой категоризации (которая предполагает логико-понятийное единство, общую текстовую функцию и однотипную лингвистическую манифестацию) свидетельствует о том, что выделение категорий текста может осуществляться с опорой на его сущностные признаки. Именно на основе таких сущностных признаков медиатекстов, как массовость, надежность источников, фактологическая основа, доказательность, вторичность, динамичность, которые связаны с вербализацией источников информации / дискурсивных голосов в тексте, был определен перечень медиатекстовых категорий, в манифестации которых участвуют субъекты сведений: авторизация, деавторизация, эвиденциальность, интертекстуальность и достоверность.

Как авторизация, так и деавторизация предполагают наличие дополнительного структурно-семантического плана, содержащего указание на субъект сведений, который выступает способом документирования источника и носителем ответственности за сообщаемую информацию. При этом сопоставляемые категории различаются по языковым средствам манифестации (у авторизации он шире) и референциальным характеристикам субъекта. Субъект конструкций авторизации является референтным и идентифицируемым адресатом, в то время как субъект конструкций деавторизации (который может быть выражен вербально единицами с обобщенной или неопределенной семантикой либо подразумеваться в бессубъектных конструкциях) является нереферентным и не подлежит идентификации адресатом.

Категория эвиденциальности выражает указание говорящим своей роли в транслируемой ситуации: являлся ли он свидетелем того, о чём сообщает, передаёт ли информацию с чужих слов или сообщаемое является результатом собственных умозаключений. В зависимости от роли говорящего в получении сведений разграничивают три основных разновидности эвиденциальности: прямую, косвенную и инференциальную; дополнительно в лингвистике рассматривают случаи смешанного использования разновидностей эвиденциальности и соответственно констатируют наличие репортативно-инференциальной эвиденциальности, а также в составе косвенной выделяют эвиденциальность слухов. Эвиденциальность и авторизация в медиатекстах имеют точки пересечения как в части передачи и квалификации информации субъектом сведений, так и в средствах манифестации категорий. Основные различия эвиденциальности и деавторизации проявляются в типе референции и семантике субъекта, доступе к информации и/или ее подаче; ключевых конституентах в составе категорий; языковых средствах реализации; роли

говорящего. Связь деавторизации с косвенной эвиденциальностью обнаруживается в указании источника передаваемой информации, отличного от говорящего, и влиянии на достоверность сообщаемого.

Интертекстуальность, единицей реализации которой является интертекст, имеет всепроникающий характер, поскольку порождение любого текста содержит следы других текстов, на которые новый текст опирается прямо или косвенно. Генезис собственного текста осуществляется через сложную систему эксплицитных, имплицитных или инферентных отношений. Особо значимой разновидностью интертекстуальности для медиатекстов является цитатная, поскольку цитаты, вмонтированные в медиатекст и образующие новый текст, существуют в новом диалоге друг с другом, границы которого определяются журналистом. Для декодирования медиасообщений, содержащих иные формы интертекстуальности (прецедентные тексты, аллюзии, реминисценции и т. п.), адресат медиатекста должен обладать широкой интертекстуальной компетенцией, позволяющей правильно интерпретировать сообщение. Разновидностью цитатной интертекстуальности в медиатекстах является автоинтертекстуальность, средствами манифестации которой являются автоцитаты, которые могут встраиваться в новый текст в полном или частичном, модифицированном или немодифицированном виде.

Достоверность как категория информативно-квалификативного типа реализуется при помощи средств информативности, точности и объективности. Достоверность в медиатекстах подразделяется на фактическую (которая обеспечивается надежностью источника информации, объективным изложением и относится к сообщаемым сведениям, соответствующим действительности и поддающимся верификации) и коммуникативную (в соответствии с которой информация подается как заслуживающая доверия без проверки). Языковые средства, обеспечивающие достоверность медиатекста, включают цитирование, имена собственные, числовые данные, фото- и видеоматериалы; средства, ориентированные на снижение достоверности сообщаемого, охватывают квалификаторы неопределенности, аппроксиматоры, единицы с расплывчатой семантикой, эмотивно-окрашенную лексику. Внимание к медиатекстовым категориям, связанным с авторством сообщаемого, продиктовано прагматическими эффектами использования ссылочных конструкций в управлении процессом информирования.

ГЛАВА 2. СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В ССЫЛОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Представляется, что исследование способов вербализации и функционирования субъектов ссылочных конструкций в газетных текстах на английском и белорусском языках целесообразно осуществлять с применением положений лингвистической теории референции, поскольку именно они предоставляют основания для идентификации повествующих дискурсивных голосов и обеспечения возможности верификации сообщаемого, а также позволяют дифференцировать типы источников информации и устанавливать прагматические эффекты употребления субъектов разного референциального статуса.

2.1. Эволюция лингвистической теории референтной отнесенности

В лингвистической теории референции, сформированной в двадцатом веке под влиянием логики, референция понимается как «отнесённость актуализованных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [ЛЭС 1990, с. 411] и к «объектам, событиям, ситуациям мира сказки, мифа, фильма» [Падучева 1984, с. 291]. Постулат о том, что смысл языкового выражения определяет его референцию, в концепции Г. Фреге задал парадигму последующих рассуждений о значении в рамках лингвистики. Существенный вклад в развитие теории референции внес Б. Рассел, который ввел понятие «обозначающей фразы» и указал на различия в отношении, к примеру, таких именных групп, как: *человек, некоторый человек, любой человек, каждый человек, все люди* [Новоселов 2012, с. 177].

В языкознании выделяют три основных подхода в области референции в зависимости от типа отношений и ситуаций, которые находятся в исследовательском фокусе. Семантические теории (восходят к концепции Г. Фреге) придерживаются того, что референция обеспечивается значением; номинативные теории (например, каузальная теория С. Крипке) исходят из того, что референция обеспечивается прежде всего отношением именования; дейктические теории (к примеру, концепция Д. Каплана) видят сущность референции в указании на предмет [Рахматуллина 2019, с. 30]. При этом упомянутые теории ориентируются на разные условия коммуникации: семантические теории учитывают ситуацию, когда речь идет о не знакомом адресату предмете, поэтому внимание уделяется дескриптивным средствам языка; номинативные теории в основном связаны с ситуацией, в которой фигурирует известный адресату предмет, поэтому фокусируются на именах собственных; дейктические теории рассматривают ситуацию присутствия предмета в условиях коммуникации и отсылке на него и, как следствие, сосредоточены на указательных местоимениях [там же].

Достижения науки в каждом из направлений к настоящему моменту позволяют:

а) дифференцировать референтное и нереферентное употребление именных выражений в разных синтаксических ролях;

б) различать типы референции (определенную, обобщенную, неопределенную), которые демонстрируют корреляции с семантикой языкового выражения;

в) противопоставлять референцию полных именных групп и редуцированных средств (например, местоимений).

С возрастающей значимостью прагматического фактора в терминологический аппарат лингвистической теории референции вошли такие понятия, как фонд знаний собеседников, коммуникативное намерение говорящего, прагматические функции и др. Внимание к прагматической составляющей позволило учесть взаимосвязь языка, действительности, ситуации речи, адресанта и адресата и вывело исследование референции за пределы анализа собственно языкового значения именуемых выражений.

Так, к примеру, в ходе изучения связи референции с фондом знаний собеседников были выделены три типа референции: 1) интродуктивная, которая имеет место тогда, когда речь идет о предмете, известном только адресанту; 2) идентифицирующая, которая представлена в том случае, когда обсуждается предмет, известный как адресанту, так и адресату; 3) неопределенная, которая фиксируется при указании объекта, не входящего в фонд знаний собеседников [Шунейко, Авдеев 2024, с. 47–48]. В работах по языкознанию отмечается также, что существуют высказывания, включающие выражения, референция которых не зависит от говорящего: они представляют собой известные утверждения как элементы фоновых знаний [Бурцев 2022, с. 6–7]. Действительно, механизмы реализации референции принадлежат языку, но приведение их в действие, соотнесенность их с действительностью происходит в процессе конкретной коммуникативно-дискурсивной деятельности.

Анализ актуализации языковых выражений в процессе коммуникации и их референциального употребления направил эволюционную траекторию лингвистической теории референции в разные виды дискурсивных практик, в том числе и в медиаполе. Изучение референции медиатекста, согласно А. А. Негрышеву, включает описание объектов референции, выступающих в качестве материала для медиасообщения, и учитывает дихотомию «событие действительности – медиатекст», основанной на онтологической природе события и на гносеологической природе вербализуемой в высказывании мысли [Негрышев 2015, с. 78–80]. В сложившейся лингвистической традиции субъекты – источники информации являются «облигаторными компонентами референтной базы, релевантными для построения медиатекста» [Кибрик 1992, с. 200] и необходимыми для обеспечения его функционально-смысловой завершенности. Системное рассмотрение проблемы участия субъектной референции в манифестации медиатекстовых категорий, объединенных

авторством сообщаемого, необходимо предполагает детальное изучение субъектов сведений с учетом языковых средств маркирования и референциальных разновидностей.

2.2. Языковые средства маркирования субъектной референции

Субъектная референция имеет два *основных* способа референциального маркирования [Будённая 2018, с. 14–16; Юрченко 2017, с. 7]: *полный*, который осуществляется с помощью имен собственных и нарицательных, личных местоимений первого лица, выполняющих номинативную функцию и обладающих свойством единичного или коллективного обозначения; *редуцированный*, реализуемый с помощью анафорических местоимений, соотносимых с антецедентами, и третьеличных нулей²⁶ (англ. *zero subjects* [Zimmerling 2013]). *Дополнительными* средствами субъектной референции, или актуализаторами-детерминативами (т.е. обязательными показателями при существительном, выражающими грамматическое значение определенности [Лингв словарь Жеребило 2010, с. 90]), являются грамматические и семантические «уточнители», которые способны сузить область референции с класса до конкретного объекта и преобразовать имя нарицательное в сингулярный терм в контексте [Власенко 2010, с. 10–11]. К числу таких актуализаторов относятся артикли (в артиклевых языках); категория рода (в тех языках где она наличествует), позволяющая различить два одновременно активированных референта, одному из которых соответствует местоимение «он», а другому «она»; семантические контекстные факторы, которые относятся к окказиональным, основанным на семантической совместимости нужного референта с контекстом предикации [Кибрик 2003, с. 67].

Английский и белорусский языки демонстрируют схожесть в отношении основных языковых средств (имен собственных и нарицательных, местоимений, третьеличных нулей и др.) и сочетают оба (полный и редуцированный) способа субъектно-референциального маркирования, но различаются в отношении вспомогательных средств. К примеру, в современном белорусском языке редуцированный способ маркирования субъектной референции может быть представлен сочетанием личного местоимения и глагольного аффикса,

²⁶ Термин «третьеличный нуль» используется Е. В. Падучевой, под ним понимается «подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица, который относится к разряду субстантивных нулевых знаков» [Падучева 2012, с. 28]. Этот термин сближается с термином «нулевое выражение», используемым А. А. Кибриком, А. С. Кудрявцевой. В целях единства терминологии и разграничения с родовым понятием «референциальное выражение» будем пользоваться термином «третьеличный нуль». Различия в поверхностных структурах предложений с третьеличными нулями в английском и белорусском языках обусловлены их разнотемностью и затрагивают безличные предложения, в которых обязательно заполнение предглагольного компонента формальным подлежащим в английском языке [Berk 1999; Breivik 2004; Kaltenböck 2004], и неопределенно-личные в белорусском языке, которые зачастую передаются личными или безличными структурами английского языка.

при этом местоимение может и отсутствовать, а референт маркироваться только глагольным аффиксом: *Не думаю, што можна кагосьці зрабіць пісьменнікам* (Звезда, 18.03.2022); *Усе яны, нагадаем, члены кіруючай кааліцыі* (Звезда, 10.04.2024). Английский же относится к тем языкам, где субъектное местоимение в подобных контекстах употребляется в обязательном порядке. Кроме того, в английском языке дополнительными средствами редуцированной субъектной референции могут служить артикли, которые самостоятельно не могут выступать в качестве маркеров референциальных характеристик субъекта, поскольку имеют языковое и контекстуальное значение и способны выражать разные референциальные отношения, которые становятся понятными благодаря контексту. К примеру, при помощи определенного артикля возможно осуществлять референцию как к определенному единичному объекту (индивиду), так и к классу (генерализованную) [Donka 2009; Ильичева 2007] или к неопределенному объекту при повторным употреблении именной группы [Low 2006], а посредством неопределенного артикля может реализоваться не только неопределенная, но и индивидуальная референция при первичном упоминании конкретного субъекта – следовательно критерий типа артикля (определенного или неопределенного) оказывается недостаточным для того, чтобы адресат мог сделать вывод о характере референта.

В осуществлении референции участвует не только фонд автономных единиц и их актуализаторы-детерминативы, но и контекст, в частности анафорические и катафорические связи, устанавливающие *коререферентность* имён (их отнесённость к одному и тому же объекту), т.е. «отношение между двумя (или более) равноправными референциальными выражениями, отсылающими к одному и тому же дискурсивному референту, все упоминания которого в тексте образуют одну *референциальную цепочку*²⁷» [Красавина 2006, с. 34–36]. Референциальные цепочки объединены тождеством референта и используют совокупность средств номинации одного и того же референта в конкретном тексте в целях стилистического варьирования, которое «неизбежно при его текстовом именовании в процессе рассказа о нём», включая единицы разных функциональных типов: индивидуализаторы, типизаторы, местоименные средства [Гусева 2017, с. 34–35]. Основными способами выражения коререферентности выступают повтор, перифраза, анафора²⁸, синтаксический ноль [Ким 2019, с. 37], которые в тексте реализуются при помощи рекуррентии (повторения слова) и парафразы (синонимических конструкций). Коререференция позволяет удерживать информацию

²⁷ В зарубежных исследованиях для отслеживания коререферентности субъектов (англ. *reference tracking*) в тексте могут применяться методы компьютерной лингвистики, см., например, работу А. МакКензи [McKenzie 2010], однако они учитывают либо субъекты двух соседних предложений, либо разные словоформы одной субъектной номинации.

²⁸ В работе в целях приверженности терминологическим традициям в области референциальных исследований будем использовать термин «анафора», при этом мы солидаризируемся с О. А. Артемовой в том, что анафора соотносится с дейксисом: анафора и дейксис не имеют четких границ и тесно взаимосвязаны [Артемова 2022, с. 13].

о субъекте на протяжении всего текста, является одним из аспектов когезии и обеспечивает когерентность [Östman, Verschueren 2011, p. 270; Чернявская 2009, с. 20].

Анафорические отношения регулируются в зависимости от степени тождественности референтов: полная кореферентность имеет место, когда анафор отсылает к референту в полном объеме, а частичная кореферентность фиксируется, когда в антецеденте и анафоре речь идет о референтах, метонимически связанных между собой и выраженных холонимом и партонимом [Долгина, Макарова 2023, с. 196]. Катафорическое использование местоимения активизирует референт с тем, чтобы обеспечить его повторное упоминание в последующем контексте [Акай 2019, с. 91]. На основании имеющихся в языке средств субъектной референции и кореференции автор текста выбирает те средства кодирования, которые предопределены его коммуникативным намерением, соответствуют целям коммуникации и регулируются контекстом. Рассмотрим особенности экспликации субъектной референции в ссылочных конструкциях газетных текстов на английском и белорусском языках.

2.3. Особенности субъектной референции в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов

В газетных текстах на английском и белорусском языках субъекты ссылочных конструкций, которые репрезентируют различные дискурсивные голоса, используют как основные, так и дополнительные средства маркирования; принадлежат к разным референциальным разновидностям, которые разграничиваются на основании возможности vs невозможности идентификации адресатом; способны создавать референциальные конфликты различных типов; могут использоваться в рамках определенных субъектно-референциальных стратегий. Рассмотрим эти особенности подробнее.

2.3.1. Референциальные разновидности субъекта в ссылочных конструкциях газетных текстов на английском и белорусском языках

Субъекты ссылочных конструкций исследуемых текстов употребляются референтно и нереферентно и способны выполнять в медиатекстах широкий спектр прагматических функций. Как для референтного, так и для нереферентного употребления в англо- и белорусскоязычных текстах используется свой набор языковых средств вербализации, включающий перволичные и третьеличные дискурсивные голоса. При этом третьеличные дискурсивные голоса можно отнести к определенным группам. Рассмотрим средства экспликации, разновидности субъектных групп и спектр прагматических задач выявленных дискурсивных голосов в газетных текстах на английском и белорусском языках.

2.3.1.1. Дискурсивные голоса в референтном статусе

Референтное употребление в исследуемых газетных текстах реализуется в *определённой / конкретной* референции, которая демонстрирует соотнесение с определенным²⁹ субъектом (или субъектами) и гарантирует его (их) идентификацию читателем. Языковыми средствами реализации определенной субъектной референции в англо- и белорусскоязычных медиатекстах являются следующие виды единиц:

а) имена собственные, которые выполняют номинативную функцию и обладают свойством единичной (сингулярной, индивидуальной) референции независимо от условий коммуникации: *Heiner Linke said: "One of the discoveries being recognised this year concerns the construction of proteins..."* 'Хайнер Линке заявил: «Одно из открытий, признанных в этом году, касается создания белков...' (The Guardian, 9.10.2024); *Пра гэта ў сваім артыкуле для кітайскай газеты Global Times заявіла рэпарцёр Чжаа Юша* (Звязда, 24.07.2022);

б) имена нарицательные, которые используются в функции обозначения с актуализаторами-детерминативами, сужающими область референции до конкретного объекта (в английском языке для этой цели используется определенный артикль³⁰, который часто «маркирует идентифицируемость и определенность референции» [Allan 2001, p. 419]): *The Department for Education spokesman said the calculated grades will allow students to "progress to the next stage of their education or into work"* 'Пресс-секретарь Министерства образования заявил, что рассчитанные оценки позволят учащимся «перейти к следующему этапу обучения или к работе»' (The Telegraph, 17.08.2020); *«Санкцыі б'юць перш за ўсё на дабрабыце іх жа грамадзян», – адзначыў кіраўнік Мінлясгаса* (Звязда, 15.10.2022);

в) дейктические элементы (указательные и притяжательные местоимения), ориентированные на конкретного референта (референтов): *Professor Tim Orchard said significant amounts of planned appointments had been affected. He said: "Our focus has been making sure we continue to provide safe and high-quality care..."* 'Профессор Тим Орчард сказал, что это повлияло на значительное количество запланированных приемов. Он сказал: «Наша цель – продолжать предоставлять безопасную и качественную помощь...»' (The Times, 15.12.2022); *Нязменны прэм'ер-міністр краіны Рутэ, лідар «Народнай*

²⁹ Категориальные средства выражения определенности в оппозиции к неопределенности в предложениях рассматриваются в докторской диссертации З. К. Сабитовой [Сабитова 1999].

³⁰ Следует не учитывать здесь случаи повторного употребления определенного артикля с нереферентным субъектом, когда при первичном упоминании источника информации в англоязычном газетном дискурсе указывается существительное без артикля во множественном числе (например, *sources*) или в единственном числе с неопределенным артиклем (*a source*), а при повторном употреблении уже с артиклем (*the sources* или *the source*), что обусловлено грамматически и тема-рематически, поскольку субъект остается нереферентным.

партыі за свабоду і дэмакратыю» выдатна падышоў на ролю ... палітычным ідэалам Рутэ, наводле **яго** ўласных слоў, з'яўляецца брытанская «жалезная лэдзі» Маргарэт Тэтчэр... (Звязда, 31.07.2022);

г) личные местоимения первого лица единственного и редко множественного («я» + конкретный субъект / конкретные субъекты) числа: ***I realised it was just play-acting*** 'Я понял, что это была просто игра' (The Economist, 20.04.2023); *Але, **я думаю**, калі прынялі такое рашэнне, значыць, нехта грошы падкідае* (Звязда, 03.05.2023).

Наряду с автономным употреблением единиц для кодирования определенного субъекта в англо- и белорусскоязычном медиаполе используется совокупность средств номинации конкретного референта в составе референциальной цепочки разной протяженности, в основе которой лежит тождество референта: ***David Davis, an ally of Mordaunt, said on LBC that Sunak had lent votes to Truss to stop Mordaunt*** 'Дэвид Дэвис, союзник Мордаунта, заявил на канале LBC, что Сунак предоставил голоса Трасс, чтобы остановить Мордаунта' (The Times, 20.07.2022); *Аб памылках новага ўрада выказаўся **былы міністр фінансаў Польшчы, кіраўнік міжнароднага даследчага інстытута TIGER пры Універсітэце Казьмінскага Гжэгаж Калодка**. На думку **прафесара**, перадвыбарная праграма кааліцыі Туска была ў корані няправільнай* (Звязда, 10.04.2024).

Упомянутые языковые единицы обеспечивают инкорпорирование в медиатексты *дискурсивных голосов в референтном статусе*, которые можно отнести к определенным группам.

1) Авторитетные индивидуализированные и коллегиальные субъекты

В ссылочных конструкциях газетных текстов на английском и белорусском языках референтные субъекты зачастую репрезентируют экспертные голоса, которые могут быть индивидуализированными, коллегиальными, институциональными, документальными, медийными и способны активировать коммуникативный прием «ссылка на авторитет».

Ссылки на авторитетных референтных субъектов выполняют ряд важных задач одновременно: информирование о некотором положении дел с профессиональной точки зрения, поскольку «констатация точки зрения компетентного источника (более компетентного в контексте повествования, чем журналист) не требует проверки и убеждает адресата в истинности сообщаемой информации» [Когнит-прагм моделир доверие Кудряшов 2023, с. 43]; воздействие в результате использования в качестве целенаправленного инструмента, который является средством формирования мнений читателей, обеспечивает документирование авторитетом в целях аргументации и регуляции коммуникативного процесса [Болдырева 2006; Негрышев 2005; Hall 2012, p. 32–33; Johnson, Milani 2010, p. 6; Wu, Giles 2013].

Референтные индивидуализированные и коллегиальные авторитетные субъекты включают следующие дискурсивные голоса в составе ссылочных конструкций.

А. Лидеры государств, должностные лица органов управления страны, официальные представители служб, организаций: *Boris Johnson, prime minister, said* 'Борис Джонсон, премьер-министр, сказал'; *Turkey's president, Recep Tayyip Erdogan, has promised* 'Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган пообещал'; *the Home Office spokesperson said* 'сообщил официальный представитель министерства внутренних дел'; *Jen Psaki, the White House press secretary, said* 'пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки заявила'; *заявіў Прэзідэнт Беларусі Аляксандр Лукашэнка*; *канцлер Шольц аб'явіў*; *міністр юстыцыі Эрык Дзюпон-Марэці напярэдзіў*; *прэм'ер-міністр Малайзіі Анвар Ібрагім заявіў*; *адзначыла афіцыйны прадстаўнік МЗС РФ Марыя Захарова*; *заявіла прэс-сакратар упраўлення ААН па правах чалавека Равіна Шамдасані* и т. п.

Любопытно, что благодаря ссылкам на авторитетных субъектов данной группы в газетных текстах может наблюдаться *междискурсивное взаимодействие*, т.е. взаимосвязь языковых единиц, при которой осуществляется «переход в сознании реципиента от одного типа дискурса к другому» [Чернявская 2009, с. 222], а именно взаимодействие *медийного и официально-делового дискурсов*, которое представляет собой инкорпорирование в газетный текст фрагментов выступлений государственных и общественных деятелей на заседаниях, пресс-конференциях, приемах, собраниях, переговорах и т. д.

Б. Эксперты, специалисты в определенной сфере деятельности: *union boss Pat Cullen says* 'глава профсоюза Пэт Каллен говорит'; *says Michael Song, an economist at the Chinese University of Hong Kong* 'говорит Майкл Сонг, экономист Китайского университета Гонконга'; *argues Arthur Kroeber, founder of Dragonomics, a China-focused research firm* 'утверждает Артур Кребер, основатель ориентированной на Китай исследовательской фирмы Dragonomics'; *the HSBC strategist Max Kettner warns* 'предупреждает стратег компании HSBC Макс Кеттнер'; *Jagjit Chadha, director of the institute, Britain's oldest independent economics think tank, said* 'Джагджит Чадха, директор института, старейшего в Великобритании независимого экономического аналитического центра, сказал'; *пракаментаваў даныя Destatis эканаміст галандскага банка ING Карстэн Бржэскі*; *Віцэ-прэзідэнт галоўнага банка Еўропы Луіс дэ Гуіндас заявіў*; *як лічаць эксперты Міжнароднага валютнага фонду*; *падкрэсліў кіраўнік Фонду сямейнага бізнесу і палітыкі Райнер Кірхдорфер*; *спецыяліст па кібербяспецы, сузаснавальнік Інстытута даследавання машыннага інтэлекту Эліэзер Юдкоўскі мяркуе*; *амерыканскі прадпрымальнік і мільярдэр Ілан Маск зазначыў*; *заснавальнік Microsoft Біл Гейтс заўважыў* и т. п.

В. Ученые, исследователи: *Marion Nestle, a professor of nutrition at New York University, criticised* 'Марион Нестле, профессор диетологии Нью-Йоркского университета, раскритиковала'; *Professor David Blackburn of the University of Aberdeen says* 'говорит профессор Дэвид Блэkbорн из Абердинского университета'; *according to government scientists at the American*

government's Agricultural Research Service 'согласно государственным ученым из Службы сельскохозяйственных исследований правительства США'; *researchers at the National Institutes of Health in America warned* 'исследователи из Национального института здоровья в Америке предупредили'; *Dr Simon Cork, senior lecturer in physiology at Anglia Ruskin University, said* 'Доктор Саймон Корк, старший преподаватель физиологии Университета Англии Раскин, сказал'; *дацэнт Універсітэта Канектыкута Шыры Доры-Хакоэн заявіла; доктар палітычных навук, прафесар СПбГУ Наталля Яроміна адзначыла; спецыялісты Інстытута эканамічных даследаванняў Лейбніца ацэньваюць; распаўяла афрыканіст, кандыдат палітычных навук, дацэнт факультэта сусветнай палітыкі МДУ Наталля Піскунова; меркаванне выказала прафесар Сталічнага аўтаномнага ўніверсітэта Ана Тэрэса Гуцьерэс дэль Сід; Павел Цімафееў з Нацыянальнага даследчага інстытута сусветнай эканомікі і міжнародных адносін РАН заўважае; Вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута Еўропы РАН Сяргей Фёдараў лічыць* и т. п.

Информация, которая подается от имени авторитетов, придает изложению объективный характер, создает эффект весомости сообщаемого и в значительной степени обуславливает доверительный характер восприятия получателем, несмотря на то, что содержит не только факты, но и мнения, прогнозы, оценки в отношении определенного вопроса, например:

David Morris, chief commercial officer at Yorkshire Building Society, told The Times on Wednesday: "...I think you will see that flow into pricing over the next two to three weeks, as it's in lenders' interests to offer cheaper rates" 'Дэвид Моррис, коммерческий директор Йоркширского строительного общества, сказал The Times в среду: «... Я думаю, вы увидите, как это отразится на ценообразовании в течение следующих двух-трех недель, поскольку в интересах кредиторов предлагать более низкие ставки»' (The Times, July 20, 2023);

«Адміністрацыя Байдэна дапусціла памылку, выкарыстоўваючы як зброю долар ЗША і глабальную плацежную сістэму», – заявіў у канцы мінулага года інвестыцыйны стратэгі і прэзідэнт Millennium Wave Advisors Джон Молдзін (Звезда, 23.04.2023).

Высказывания экспертного субъекта могут отличаться субъективностью, своеобразной односторонностью и маркироваться в том числе такими языковыми средствами, как нефактивные предикаты и оценочные единицы. В подобных случаях высказывания индивидуальных авторитетов носят субъективно-объективный характер, поскольку происходит наслоение субъективного экспертного мнения на объективные знания и опыт.

В отличие от ссылок на авторитетные индивидуализированные субъекты с использованием прямой речи, в результате употребления косвенной речи для передачи чужого сообщения говорящий может свободнее оформлять значение исходного высказывания, а при сегментированной цитации информирование может включать передачу оценочных суждений авторитетного субъекта, которое дополняется эффектом «дистанцирования, отстранения от воспроизводимого слова» [Шестухина 2009, с. 13] со стороны журналиста,

«отделения собственной точки зрения от аксиологических предпочтений источника информации» [Милостивая 2019, с. 34], поскольку в сохраненных закавыченных фрагментах цитируемого первоисточника содержатся, как правило, именно оценочные лексические единицы:

The leak of the documents was “a very serious risk to national security with the potential to spread disinformation,” **Chris Meagher, assistant to the US secretary of defence for public affairs, said** ‘Как заявил помощник министра обороны США по связям с общественностью Крис Мигер, утечка документов представляла собой «очень серьезный риск для национальной безопасности с возможностью распространения дезинформации»’ (The Times, 11.04.2023);

У кнізе амерыканскай вучонай Памэлы Хааг «Стральба ў Амерыцы: бізнес і стварэнне амерыканскай зброёвай культуры» адзначаецца, што вытворчасць зброі ў Злучаных Штатах уяўляе сабой вытворчы ланцужок, які «пачынаецца з вытворчай лініі і заканчваецца смерцю ахвяр» (Звязда, 02.04.2023).

При усложнении структуры ссылок на субъекты сведений в речь авторитетного референтного источника могут быть инкорпорированы ссылки на нереферентных субъектов, мнения / утверждения которых служат коммуникативной опорой для выражения авторитетного суждения:

Berenberg Economics надкрэслівае, што давер спажыўцоў у Германіі і ў цэлым у еўразоне ўпаў да рэкордна нізкага ўзроўню, што, сцвярджаюць многія эканамісты, з’яўляецца «прэлюдыяй рэцэсіі» (Звязда, 12.11.2022).

Ссылки на авторитетных индивидуализированных и коллегиальных субъектов из группы ученых-исследователей в газетных текстах позволяют осуществить взаимодействие *медийного* и *научного дискурсов*, которое зачастую представляет собой авторизированный пересказ научного эксперимента, исследования, опроса и т. п. в результате компрессии оригинала, что реализует «междискурсивную трансферизацию знаний» [Драчева 2019]. Междискурсивная трансферизация знаний из научного в медиадискурс³¹, как правило, представлена в медиатексте набором утверждений, верифицированных личностью эксперта-ученого, способствует информативности медиатекстов и популяризации научных данных. При первичном представлении верификаторов, как правило, используется максимальная степень конкретизации, позволяющая однозначно идентифицировать субъект, поэтому при повторной номинации в тексте упоминание референта не сопровождается наделением его дополнительными признаками. В случае авторизованного пересказа научного вопроса журналист объективно транслирует сказанное экспертом в соответствии с логико-структурной схемой «эксперт сказал», а сказанное

³¹ Трансфер знаний может иметь и иные формы, что рассматривается, к примеру, в статье А. Э. Левицкого и П. С. Добровой: в результате двойного перекодирования информации в рамках преобразования кинотекста оригинала на язык перевода и трансформации знаний, поданных зрителю в аудиоформе, в визуальную [Левицкий, Доброва 2018].

экспертом выполняет метасобытийную функцию и маркируется конструкциями авторизации с вариативностью номинации субъектного компонента в целях стилистического разнообразия.

Г. Писатели, поэты: *the French writer, wit, and philosopher Voltaire said* ‘французский писатель, остролов и философ Вольтер сказал’; *C.S. Lewis wrote* ‘К. С. Льюис писал’; *Shakespeare once said* ‘Шекспир однажды сказал’; *Dickens said* ‘Диккенс сказал’; *the American writer Theodore Sturgeon once said* ‘американский писатель Теодор Стёрджен однажды сказал’; *Леў Талстой казаў*; *Беларускі шляхціц Тадэвуш Булгарын, больш вядомы, як рускі пісьменнік Фадзей Булгарын, казаў*; *на словах вялікага паэта Алеся Гаруна* и т. п.

Если в медиатекстах осуществляются ссылки на писателей, поэтов, которые вводят их известные высказывания или маркируют фрагменты их произведений, то происходит взаимодействие *медийного* и *художественного* дискурсов. При этом такие встраиваемые фрагменты функционируют не как изолированные блоки, а как стратегические элементы в прагматическом контексте, в котором говорящий может разделять точку зрения писателя [Земляная 2017, с. 12; Казаковская 1996, с. 21], а их цитирование выполняет одновременно аргументативную и эстетическую функции [Богатырев 2016, с. 96], содержательно обогащая медиатекст:

T. S. Eliot once said that “good writers borrow, great writers steal” ‘Т. С. Элиот однажды сказал, что «хорошие писатели заимствуют, великие писатели воруют»’ (The New Yorker, 18.02.2010);

Back before the Constitution enshrined the principle of free speech in the very First Amendment, the French writer, wit, and philosopher Voltaire said, “I may not agree with what you have to say, but I will defend to the death your right to say it.” ‘Еще до того, как Конституция закрепила принцип свободы слова в самой Первой поправке, французский писатель, остролов и философ Вольтер сказал: «Я могу не соглашаться с тем, что вы говорите, но я буду до смерти защищать ваше право говорить это»’ (The New Yorker, 20.02.2015);

C. S. Lewis worried that we get too complacent and proud in our happiness; *suffering wakes us up: “God whispers to us in our pleasures ... but shouts in our pains: it is His megaphone to rouse a deaf world. It removes the veil; it plants the flag of truth within the fortress of the rebel soul”* ‘К. С. Льюис выражал беспокойство тем, что мы слишком самодовольны и гордимся своим счастьем; страдания будят нас: «Бог шепчет нам в наших удовольствиях... но кричит в нашей боли: это Его мегафон, чтобы пробудить глухой мир. Он снимает завесу; он водружает знамя истины в крепости мятежной души»’ (Time, 29.11.2021);

Як казаў Леў Талстой, “каб жыць сумленна, трэба рвацца, блытацца, памыляцца, пачынаць і кідаць... і вечна змагацца і пазбаўляцца. А спакой – душэўная подласць” (Настаўніцкая газета, 14.04.2023);

Беларускі шляхціц Тадэвуш Булгарын, больш вядомы, як рускі пісьменнік Фадзей Булгарын, вельмі імэтна адказаў: “Я ў сваім жыцці бачыў больш крыві, чым Вы чарніла” (Полесский курьер, 14.12.2020);

Закончу *словамі вялікага паэта Алеся Гаруна*, напісанымі яшчэ ў 1910 годзе: “Дык шануй, беларус, сваю мову – / Гэта скарб нам на вечныя годы. / За пашану радзімаму слову / Ушануюць нас брацця-народы!” (СБ, 17.03.2017);

Той жа *Леў Талстой казаў*: для таго, каб расказаць, пра што раман «Ганна Карэніна», трэба расказаць раман «Ганна Карэніна» слова ў слова (Звязда, 26.11.2023);

Недалёка адсюль узвышаецца над лясным масівам тысячагадовы волат, якому *Уладзімір Караткевіч* прысвяціў свой сьляхны твор “Цар-дуб”. *Лі-таратар пісаў*, што лес выхаваў характар беларуса. У адным з яго твораў ёсць такія радкі: “Наш чалавек і лес – родныя, таму беларус любіць яго... Лес корміць, лес грэе і дрвамі, і сценамі хат, і проста так (“ухаў у лес, бы ў кажух улез”), лес бароніць у выпадку небяспекі, нашэсця, вайны” (Беларусь сегодня, 11.08.2018).

2) Институциональные субъекты

В исследуемых газетных текстах они представлены экспертными организациями, официальными органами, ведомствами, службами в составе конструкций типа: *the National Institute of Economic and Social Research said* ‘Национальный институт экономических и социальных исследований сообщил’; *the Centre for Security and Emerging Technology estimates* ‘Центр безопасности и новых технологий оценивает’; *according to SEMI, an industry research group* ‘по данным SEMI, отраслевой исследовательской группы’; *Bloomberg reported* ‘сообщило агентство Bloomberg’; *The White House said* ‘Белый дом заявил’; *наводле даных ААН*; *наведамiла Упраўленне ААН па каардынацыi гуманiтарных пытанняў*; *зыходзячы са звестак Нацыянальнага банка*; *упраўленне статыстыкi ФРГ Destatis падкрэслiла*; *наводле ацэнак Арганiзацыi эканамiчнага развiцця i супрацоўнiцтва*; *Berenberg Economics падкрэслiвае*; *наведамiлi ва ўпраўленнi iнфармацыi i грамадскiх сувязяў Нацыянальнага банка*; *пiша Bloomberg*; *наведамiла агенцтва Kyodo*; *Дзярж-камітэт па справах аховы здароўя адзначае*.

Субъектное кодирование в таких случаях подчеркивает не только «компетенцию источника, но и институциональную поддержку» [Когнит-прагм моделир доствер Кудряшов 2023, с. 47], а при чередующемся употреблении с индивидуализированными или коллегиальными экспертными субъектами в рамках единой позиции выполняет функцию «вербального эха».

3) Документальные источники

В ходе определения проблемы и раскрытия ее с разных сторон журналисты опираются на научные данные, содержащие ссылку на *исследования, отчеты, доклады, опросы*, в результате чего создается эффект нейтрального, объективного голоса, что может стать «решающим аргументом в обсуждении проблемы» [Федотова 2024, с. 323]. Для маркирования документальных источников используются конструкции типа: *a study from 2019, by Jonathan Schott, a neurologist at UCL, showed* ‘исследование 2019 года, проведенное

Джонатаном Шоттом, неврологом из UCL, показало»; *a report by Omair Sharif of Inflation Insights, a consultancy, suggests* 'в докладе Омайра Шарифа из консалтинговой компании Inflation Insights говорится'; *according to a January 2024 report by Global Initiative* 'согласно отчету Global Initiative за январь 2024 года'; *the YouGov poll suggests* 'в опросе компании YouGov отмечается'; *new ONS polling, carried out between November 22 and December 4, found* 'новый опрос ONS (Управления национальной статистики), проведенный в период с 22 ноября по 4 декабря, показал', *an Associated Press poll found* 'опрос агентства Associated Press показал'; *наводде даследавання World Culture Score Index*; *наводде даных даклада МВФ*; *даклад Еўрапейскай сеткі на барацьбе з беднасцю адзначае*; *наводде справаздачы за мінулы год, апублікаванай Feantsa, Федэрацыйй нацыянальных арганізацый*; *згодна з дакладам Еўрапейскай партыі «зялёных»*; *у справаздачы арганізацыі Worldreader за 2019 год адзначаецца*; *згодна з апытаннем, праведзеным на замове Фонду сямейнага бізнесу і палітыкі*; *апытанні грамадскай думкі, праведзеныя незалежна адзін ад аднаго двума вельмі буйнымі і ўплывовымі прыватнымі тэлекампаніямі – Fuji TV і TBS, сведчаць* и т. п.

В результате использования подобного рода ссылок в газетном тексте осуществляется компрессионная передача научно-исследовательских данных в форме вывода, которая одновременно направлена на «максимизацию объема предоставляемой фактуальной информации, её последовательности и точности» и «минимизацию когнитивных усилий реципиента» по ее восприятию [Ирисханова 2014, с. 248]. Как и в случае с индивидуализированными или коллегиальными субъектами, сведения, подкрепленные научными исследованиями, данными опросов, докладов и т. п., осуществляют междискурсивную трансферизацию знаний из научного в медиадискурс, способствуют информативности медиатекстов и популяризируют научные данные той области знаний, о которой повествуется.

4) Медийные субъекты

Медийные источники репрезентируются номинациями *новостных порталов, информационных агентств, СМИ*, отличными от публикующего издания: *The Times told* '«Таймс» рассказала'; *according to CNN* 'согласно CNN'; *Fox News has argued* 'телеканал Fox News утверждает'; *the RIA Novosti news agency reported* 'сообщает новостное агентство РИА Новости'; *наведаміла ТАСС*; *наводде даных агенцтва Reuters*; *наведамляе The Guardian*; *перадае «Жэньмінь жыбаа» анлайн*; *заўважае expert.ru*; *адзначыла «Бі-бі-сі»*; *наведаміла БелТА*; *наведаміла РІА «Новости»* и др.

Ссылки на медийных субъектов позволяют журналисту делегировать ответственность за сообщаемое другому изданию, которое в свою очередь предположительно проверило информацию, соблюсти авторские права и предоставить основания для проверки данных путем указания конкретных источников заимствованных сведений.

5) Неэкспертные субъекты

В референтном статусе неэкспертные субъекты, выступающие в качестве очевидцев или участников событий, встречаются в медиатекстах обеих лингвокультур с различной детальной спецификацией субъекта речи, выполняющая функцию засвидетельствованности:

Fay Hughes, 47, a nurse in the surgical department who was on the picket line outside the hospital today, said: "We of course understand that we are not like other professions when it comes to strike action..." ‘Фэй Хьюз, 47 лет, медсестра хирургического отделения, которая сегодня была на пикете возле больницы, сказала: «Мы, конечно, понимаем, что мы не похожи на другие профессии, когда дело доходит до забастовок...»’ (The Times, 15.12.2022);

Jay Hampton, 31, an artist, said her appointment was delayed by more than 20 minutes ‘31-летняя художница Джей Хэмптон сказала, что ее прием задержали более чем на 20 минут’ (The Times, 15.12.2022);

«Клас, у якім вучыўся Саша, быў вельмі сяброўскім. Саша заўсёды вылучаўся сваёй гаспадарлівасцю і чалавечнасцю...», – *успамінае* з усмешкай *першая настаўніца Аляксандра Мікалаевіча Галіна Уладзіміраўна Нікалаенка* (НГ, 10.12.2024);

– *Наш, беларускі, часнок змяшчае больш вады, ён цяжэйшы за кітайскі, – распаўядае прадавец гародніны Уладзімір на «Заходнім» рынку Мінска* (Звязда, 27.01.2024).

6) Перволичный дискурсивный голос в референтном статусе

Перволичный дискурсивный голос в референтном статусе может вводить субъективное мнение журналиста или иного повествующего субъекта, а также осуществлять междискурсивную трансферизацию знаний от имени авторитета, когда он делится научными данными. При этом в англоязычных медиатекстах в речи экспертов содержится значительное число маркеров с вербализованным перволичным референтным голосом типа *I estimate* ‘я оцениваю’, *I know* ‘я знаю’, *I think* ‘я думаю’, *I say* ‘я говорю’, *I believe* ‘я считаю’, *I saw* ‘я видел(а)’, *as far as I know* ‘насколько я знаю’, *I personally think* ‘лично я думаю’, *in my opinion* ‘по моему мнению’, *for me* ‘для меня’, *I only know* ‘я только знаю’, *I heard* ‘я слышал(а)’, *I’m talking* ‘я говорю’ и др. В белорусскоязычных медиатекстах подобные маркеры имеют схожую структуру типа *я разумею, думаю, я лічу, для мяне* и др.

2.3.1.2. Дискурсивные голоса в нереферентном статусе

Нереферентное употребление в обеих лингвокультурах может быть двух разновидностей: обобщенным и неопределенным.

Обобщенная (или *генерализованная*) субъектная референция имеет место тогда, когда отсутствует связь с конкретным референтом (референтами), имеется соотнесение с классом предметов [Pelletier 2009]; для этого типа естественным является контекст квалификативного типа и «вневременное» использование [Cohen 1999]. В отличие от референтного субъекта, обобщен-

ный субъект не имеет референта в индивидуальном смысле и характеризуется размытостью границ [Богданов 2007, с. 30; Павилёнис 1983, с. 150]. При обобщенной референции субъект выражается:

а) существительным во множественном числе в коллективном значении: *Optimists believe, Kim has sent signals that he is receptive to change in North Korea* 'Оптимисты полагают, что Ким подал сигнал о том, что он готов к переменам в Северной Корее' (Time, 19.06.2007); *It aims to help prevent forced marriages and has been welcomed by campaigners* 'Он нацелен на предотвращение принудительных браков, и ему выразили поддержку активисты протестного движения' (The Economist, 5.03.2022); *Палякі разумеюць, што за тры месяцы немагчыма перабудаваць працу дзяржавы* (Звязда, 10.04.2024);

б) существительным в единственном числе в родовом (в английском, как правило, с определенным артиклем) или коллективном (метонимичный субъект) значении: *The reader knows that some sort of order will eventually prevail* 'Читатель знает, что в конечном итоге восторжествует какой-то порядок' (The Guardian, 4.08.2018); *In the past year Europe has seen its biggest land war in seven decades, supply-chain snarl-ups, an energy crisis and a period of banking turmoil* 'В прошлом году Европа видела крупнейшую за семь десятилетий наземную войну, сбои в цепочках поставок, энергетический кризис и период банковских потрясений' (The Economist, 17.04.2023); *Наёмны ж працаўнік дакладна ведае, колькі ён заробіць у канцы месяца, у наступным* (Полесский курьер, 15.03.2019); *Бо «не тыя», на думку Захаду, узялі ўладу ў свае рукі* (Звязда, 06.08.2023);

в) местоимениями³² или местоименными выражениями со значением всеобщности³³ или собирательности: *Everyone knows China was an agricultural country* 'Каждый знает, что Китай был аграрной страной' (The Economist, 12.09.2019); *Польшчу ўсе ўспрымаюць як амерыканскага васала: краіну альбо высмейваюць, альбо ігнаруюць* (Звязда, 10.04.2024); *Многія чулі, што напрыканцы мінулага года з ракі Віхры пад Мсціславам былі паднятыя даспехі і шлем рыцара* (Звязда, 9.04.2015);

г) дейктические элементы, ориентированные на обобщенного субъекта (субъектов): *Strange because it's the kind of thing Democrats always say ... and they're finally chasing it* 'Странно, потому что демократы всегда говорят нечто подобное... и они наконец-то взялись за это' (The Guardian, 21.08.2024); *Махляр, увайшоўшы ў давер, прапануе абмяняцца фота рознай ступені інтымнасці... Або, размаўляючы на відэасувязі (яго камера, хутчэй за ўсё, «выпадкова» аказваецца зламана), просіць зняць вопратку. Пасля гэтага ён паведамляе, што фота і відэа трапяць у інтэрнэт, калі не адправіць на яго рахунак пэўную суму* (Звязда, 18.06.2023);

³² Референциальные аспекты семантики местоимений в высказывании подробно рассмотрены в работе Е. В. Падучевой [Падучева 2002].

³³ Ю. С. Степанов рассматривает всеобщность на примере местоимения «все» как имеющего «квантор общности» [Степанов 2002, с. 169].

д) личным местоимением первого лица множественного числа в обобщенно-собирательном значении: *In both countries, policing still devalues Black lives, but there is good news: we have seen progress* ‘В обеих странах работа полиции по-прежнему обесценивает жизни чернокожих, но есть и хорошие новости: мы наблюдаем прогресс’ (The Guardian, 07.02.2023); *Мы бачым, што ў сусветнай практыцы, у буйных дзяржавах гэты рынак дасягае 20–30 %* (Звязда, 6.01.2025).

Вторая разновидность представлена неопределенной субъектной референцией. Неопределенность субъекта представляет собой примерное название и осуществляется посредством языковых средств категории неопределенности [Имеретинская 2002; Федоровская 1983; Deemter 2010; Green 2004]. Неопределенный нереферентный субъект основывается на невозможности опознаваемости адресатом и соотносится с языковым выражением, обозначающим неопределенное лицо или круг лиц [Glock 2003, p. 214; McCarthy 2002, p. 101; Кузьмина 2004, с. 7]. В качестве средств номинации нереферентного субъекта данного типа в англо- и белорусскоязычных медиатекстах используются:

а) неопределенные местоимения («несущие в себе изначально самое приблизительное представление о субъекте» [Пеньковский 2004, с. 29]), употребленные автономно или в сочетании с нарицательными существительными: *Some American politicians really say, “I’m not interested in hearing about this...”* ‘Некоторые американские политики действительно говорят: «Мне не интересно об этом слышать...»’ (The Economist, 12.09.2019); *Before Saturday’s incident, the White House contacted the Secret Service about the recent Iranian threat, according to one of the people* ‘По словам одного из источников, перед субботним инцидентом Белый дом связался с Секретной службой по поводу недавней иранской угрозы’ (Time, 16.07.2024); *Некаторыя сцвярджаюць, што чалавецтва хутка развучыцца пісаць ад рукі...* (Звязда, 18.03.2022); *Адзін з пратэстоўцаў заявіў, што акцыя стала «народным вета» і «сялянскім паўстаннем»* (Звязда, 8.02.2023);

б) третьеличные нули, т.е. подразумеваемые субъекты, которые синтаксически не выражены: *He is expected to make new commitments on reducing income tax* ‘Ожидается, что он возьмет на себя новые обязательства по снижению подоходного налога’ (The Times, 20.07.2022); *Лічыцца, што першыя дыпфэйкі з’явіліся яшчэ ў 2017 годзе* (Звязда, 16.02.2024);

в) дейктические элементы, ориентированные на неопределенного субъекта (субъектов): *Recently, however, after a string of tense first dates one of my clients said “We all need to stop taking first dates so seriously!” She may have been on to something profound there* ‘Однако недавно после череды напряженных первых свиданий одна из моих клиенток сказала: «Нам всем нужно перестать относиться к первым свиданиям так серьезно!» Возможно, она подразумевала что-то важное’ (Time, 21.08.2024); *Нейкі спадар вырашае добра-*

ахвотна ахвяраваць “раёнцы” даволі буйную суму. Можа таму ён і вырашыў выпрабаваць ішчасце, звярнуўшыся з незвычайнай просьбай у дзяржаўную правінцыйную газету маленькага беларускага горада (Маяк Прыдняпроўя, 7.09.2017);

г) дополнительно в английском языке маркером неопределенной референции служит неопределенный артикль в значении ‘некий’: “*We feel the momentum is with us,” a source close to Truss said* ‘«Мы чувствуем, что перевес на нашей стороне», – сказал некий источник, близкий к Трасс’ (The Times, 20.07.2022).

Третьеличный нуль, как правило, сигнализирует о неопределенной субъектной референции, а в ряде случаев может обозначать и обобщенность [Ким 2019, с. 22]. Обобщенность реализуется в результате социальной или территориальной детерминации неопределенного субъекта, которая сужает круг потенциальных референтов и снижает степень его неизвестности. В частности, для ограничения неопределенно мыслимого круга лиц могут употребляться субъектные синтаксемы как периферийный способ вербализации источника в высказывании [Казаковская 1996, с. 9], которые выполняют роль локативного детерминанта, т.е. компонента высказывания, выражающего в предложении значение семантического субъекта [Ефанова 1991, с. 56; Линева 2007, с. 9]. Рассмотрим контексты с локативными детерминантами, выступающими в качестве обобщенных семантических субъектов:

In elite circles in Beijing, both President Donald Trump and his rival, Joe Biden, a former vice-president, are spoken of with distrust and condescension ‘В элитных кругах Пекина как о президенте Дональде Трампе, так и о его сопернике, бывшем вице-президенте Джо Байдене, отзываются с недоверием и снисходительностью’ (The Economist, 11.06.2020);

Бо ў нас у грамадстве існуе стэрэатып: мужык павінен есці шмат (Звязда, 6.11.2023); *У маладзёжным асяроддзі Францыі тады палічылі, што вартавыя парадку вінаватыя ў гібелі непаўналетніх, пасля чаго ў краіне ўспыхнулі акцыі пратэсту* (Звязда, 09.07.2023); *У Германіі вырашылі забараніць банкам пакідаць факт адкрытымі з 23.00 да 6.00* (Звязда, 12.11.2022); *У Польшчы гавораць, што зараз танней ацяпляцца старой мэбляй, чым накупнымі дрэвамі* (Звязда, 15.10.2022).

По аналогии с рассмотренными выше референтными субъектами дискурсивные голоса в нереферентном статусе, встраиваемые в газетные тексты на английском и белорусском языках, можно отнести к определенным группам.

1) Авторитетные субъекты

Наряду с референтными экспертными голосами в исследуемых газетных текстах используются и нереферентные дискурсивные голоса, которые также способны активировать коммуникативный прием «ссылка на авторитет» благодаря наличию в субъектном компоненте типичной для этой функции лексической единицы со значением экспертности (*specialists* ‘специалисты’, *experts* ‘эксперты’, *analysts* ‘аналитики’, *researchers* ‘исследователи’, *scientists*

‘ученые’ / *спецыялісты, эксперты, вучоныя, навукоўцы, даследчыкі* и т. п.). В изучаемых текстах единицы со значением экспертности в нереферентном статусе³⁴ встречаются как в неспециализированном употреблении (*experts believe* ‘эксперты считают’; *на думку спецыялістаў*): *What is clear, experts say, is that the political environment plays a role* ‘Что пока ясно, говорят эксперты, так это то, что политическая обстановка играет свою роль’ (Time, 18.07.2024); *Як адзначаюць эксперты, мяркуючы па дынаміцы акцый, яны будуць разгортавацца шырэй* (Звязда, 19.03.2023), так и в специализированном виде. Для специализации используются языковые средства, модифицирующие качественное или количественное наполнение субъектного компонента.

В качестве специализирующего качественного компонента могут выступать лимитирующие прилагательные, очерчивающие границы экспертности (*according to statements (claims) of economic experts* ‘по утверждениям (заявлениям) экспертов в области экономики’; *спецыялісты ў галіне штучнага інтэлекту лічаць*).

Для количественной специализации употребляются:

а) неопределенные местоимения *some* ‘некоторые’, *several* ‘несколько’, *few* ‘мало’, *one* ‘некий’ / *некаторыя, асобныя*, а также в английском языке неопределенного артикля *a* (в значении ‘некий’) (*some scientists said* ‘некоторые ученые заявили’; *several economists reckon* ‘несколько экономистов считают’; *noted one Berlin-based observer of Franco-German relations* ‘отметил один наблюдатель франко-германских отношений в Берлине’; *наводле меркавання некаторых даследчыкаў*; *згодна з заявамі некаторых аналітыкаў*; *асобныя заходнія палітыкі заклікаюць*);

б) слова-определители с диффузной семантикой³⁵ *multiple* ‘многочисленные’, *countless* ‘многочисленные’, *different* ‘разные’, *various* ‘различные’ / *шматлікія, розныя* (*different scholars assumed* ‘разные ученые полагали’; *шматлікія эксперты казалі*; *як сведчаць самыя розныя крыніцы*);

в) собирательные единицы *a number of* ‘ряд’, *most of* ‘большинство’, *a score of* ‘множество’ / *шэраг, большасць* (*most of researchers argue* ‘большинство исследователей утверждают’; *according to a number of medical experts* ‘согласно ряду медицинских экспертов’; *большасць эканамістаў лічаць*; *на думку шэрага экспертаў*);

г) определительные местоимения со значением всеобщности, множественности *all* ‘все’, *many* ‘многие’ / *усе, многія* (*many observers believe* ‘многие наблюдатели полагают’; *заходнія эканамісты ўсе як адзін адзначалі*).

Единицы количественной специализации, которые в зарубежной лингвистической традиции именуются «генерализованными квантификаторами» (англ. *generalized quantifiers*) [Westerstahl 1984] и могут иметь «положитель-

³⁴ Нереферентные субъекты такого типа в зарубежной лингвистике именуются «псевдо-авторитетами» (англ. “pseudo-cognitive authority”) [Froehlich 2018, p. 121].

³⁵ Термин Е. И. Шейгал. Вследствие употребления таких определителей, согласно исследователю, адекватная расшифровка субъектной номинации невозможна [Шейгал 2000, с. 215–216].

ную и отрицательную полярность» (англ. *positive and negative polarity quantifiers*) [Moxey, Sanford 1993; Peterson 2000], употребленные совместно с обобщенно-собирательными существительными со значением экспертности и не имеющие контекстуальных претендентов на идентификацию, не сужают круг потенциальных референтов, но могут регулировать степень распространенности транслируемых сведений. Так, квантификаторы с положительной полярностью (к примеру, *multiple* ‘многочисленные’, *most of* ‘большинство’, *all* ‘все’, *many* ‘многие’ / *шматлікія, усе, многія, большасць* и др.), которые «подают суждения как разделяемые многими или всеми» [Janik 2009, p. 23], сохраняют эффект распространенности в силу семантики всей именной группы в отличие от квантификаторов с отрицательной полярностью (типа *some* ‘некоторые’, *few* ‘мало’ / *некаторыя, асобныя*), при которых такой эффект теряется. Сравним:

Most scientists think it jumped from wild animals to humans at a meat market in Wuhan ‘Большинство учёных полагают, что он перешёл от диких животных к людям на мясном рынке в Ухане’ (The Economist, 4.10.2023);

Многія эксперты прагназуюць, што ідэя адмовы ад амерыканскай валюты будзе прыцягваць прыхільнікаў (Звязда, 23.04.2023);

Some experts think that this can cause changes to your body’s hormones ‘Некоторые эксперты полагают, что это может вызвать изменения в гормонах в организме’ (Time, 20.07.2022);

У асобных польскіх СМІ прыводзяцца думкі аўтарытэтных арганізацый, згодна з якім налета ўзровень інфляцыі ў Польшчы можа быць самым высокім ва ўсёй Еўропе (Звязда, 27.09.2023).

При инкорпорировании ссылок на авторитетных нереферентных субъектов используется, как правило, косвенная речь или сегментированная цитация и может осуществляться взаимодействие медийного и научного дискурсов.

В состав конструкций с нереферентными экспертными субъектами может быть инкорпорирована журналистская оценка в результате обдуманых речевых актов, в ходе которых газеты дают оценку либо мнениям / утверждениям экспертов, либо характеризуют сам субъект сведений. В результате эксплицитной характеристики, при которой журналист выражает «свою точку зрения на источник информации» [Шестухина 2009, с. 13], квалификация источника, как правило, носит негативно-оценочный характер (свойственно только англоязычным газетным текстам):

Puppet officials reported that it had been hit... ‘Марионеточные чиновники сообщили, что она [система] была поражена...’ (The Economist, 5.06.2023);

The puppet court rejected the suit on June 12th, calling her application “inept” ‘Марионеточный суд отклонил иск 12 июня, назвав ее заявление «неправомочным»’ (The Economist, 20.06.2017);

To sleepwalking Democrats, the results were like a bucket of cold water in the face ‘Для спящих на ходу демократов результаты были как ведро холодной воды в лицо’ (The Economist, 7.11.2023).

Характеризация может относиться и к речемыслительному действию источника, но оценочная палитра при этом может быть разной: *a top Republican senator mistakenly declares* ‘высокопоставленный сенатор-республиканец ошибочно заявляет’; *з горыччу заўважае газета*.

В случаях эксплицитной оценки экспертных мнений происходит журналистское вторжение в дискурс с целью больше направить, нежели проинформировать читателя [Hall 2012, p. 32-33; Hyland 2005, p. 8], а сами оценочные вкрапления выступают как иллокутивные модификаторы, которые усиливают суггестивный эффект [Faller 2006, p. 30; Козловский 2021, с. 128] и дают возможность адресанту регулировать процессы восприятия текста адресатом:

Developers assume, mostly correctly, that they can sell what they build ‘Разработчики предполагают, в основном правильно, что они могут продавать то, что строят’ (The Economist, 23.02.2019);

Many economists also believe that corruption was, counterintuitively, a lubricant... ‘Многие экономисты также считают, что коррупция, вопреки здравому смыслу, оказалась смягчителем...’ (The Economist, 23.02.2019);

Українські рэфарматары лічили, што «рынак усё сам адрэгулюе». Вынік падобных ілюзій перасягнуў усе межлівыя чаканні (Звезда, 03.09.2020).

2) Неэкспертные субъекты

Обращение к мнениям неавторитетных нереферентных субъектов – неспециалистов, простых людей позволяет *медийному* дискурсу взаимодействовать с *обиходно-бытовым*. Оформление высказываний от имени неэкспертных субъектов характеризуется общеупотребительной лексикой бытовой тематики, неосложненным синтаксисом, оценочностью, интерпретативностью, субъективным взглядом на предмет обсуждения.

Нереферентные субъекты данной группы могут быть как индивидуализированными:

A woman, who had visited the breast clinic, said that a doctor had to take her to and from departments, a role normally done by nurses ‘Одна женщина, посетившая маммологическую клинику, рассказала, что врачу пришлось водить ее по отделениям, хотя эту роль обычно выполняют медсестры’ (The Times, 15.12.2022);

Жыхарка Баранавічаў, дама сярэдняга ўзросту, пазнаёмілася ў сацыяльных сетках з мужчынам..., а потым нарэшце зразумела, што стала ахвярай «разводу» (Звезда, 18.06.2023);

так и коллективными:

*Some believe that great benefits can come from terrible experiences. Individuals who say that their lives are meaningful **report** more anxiety and worry and struggle than those who say that their lives are happy* ‘Некоторые считают, что ужасные переживания могут принести огромную пользу. Люди, которые говорят, что их жизнь имеет смысл, сообщают о большей тревоге, беспокойстве и напряженности, чем те, кто говорит, что их жизнь счастлива’ (Time, 29.11.2021);

Разам з гэтым **большасць бацькоў добра разумее**, што такая тактыка выхавання – гэта парушэнне правоў іх дзіцяці, а таксама прычына магчымых адхіленняў у яго псіхічным і фізічным развіцці. **Многія бацькі лічаць** фізічныя пакаранні інструментам выхавання. Падымаючы руку на дзіця, **яны думаюць**, што так хутчэй даб'юцца ад яго жаданых паводзін. **Многія думаюць**, што дзецям гэта не пагражае (Настаўніцкая газета, 19.07.2022).

В медиатекстах позиции неспециалистов могут либо дополнять экспертные точки зрения, либо быть представлены в контрасте к мнению специалистов, что на протяжении целого текста демонстрирует явление «переключенной референции» (англ. *switch reference*) [Amaral, Schwenter 2005; McKenzie 2010], т.е. одновременного освещения мнений экспертов и неспециалистов. При контрастивной технике построения медиатекста журналист, как правило, солидаризируется с точкой зрения специалистов и дистанцируется от мнений неспециалистов и может подчеркивать столкновение научного и бытового представления об освещаемом вопросе:

*The attempted assassination of former President Donald Trump shocked the nation, but **to many**, it did not come as a surprise. **Americans believe** violence is a valid means to achieve their political goals. “It’s the manifestation of the political environment we’re in,” says Daryl Johnson, a former senior intelligence analyst who tracked domestic extremism at the Department of Homeland Security. What is clear, **experts say**, is that the political environment plays a role. In the past, **experts say**, ideology tended to be the main motivator for violent political attackers, from ecoterrorists to antiabortion extremists. The footage of the assassination attempt on Trump, against the backdrop of violent threats at every level of government, could radicalize even more Americans, **security analysts fear**. **Some said** they were taking his exhortation to “Fight! Fight! Fight!” literally. “They tried to kill my President,” **one person posted on a pro-Trump forum**: “I want revenge.” **Republicans have blamed** the shooting on Biden. **Some on the left suggest** that the Trump campaign faked the shooting with the help of the Secret Service, and that the blood on Trump’s ear came from gel capsules. Individuals or organized groups could target candidates, government officials, voters, and campaign events as well as election infrastructure such as polling places or ballot drops, **analysts say**. Each prominent act of political violence adds to a cycle of “continued violent mobilization and countermobilization”, **according to a new report by Washington-based New Lines Institute for Strategy and Policy**. It’s possible for Americans to stop the cycle, **experts say** ‘Покушение на бывшего президента Дональда Трампа шокировало нацию, но для многих оно не стало неожиданностью. Американцы считают насилие действенным средством достижения своих политических целей. «Это проявление политической среды, в которой мы находимся», – говорит Дэрил Джонсон, бывший старший аналитик разведки, который отслеживал внутренний экстремизм в Министерстве внутренней безопасности. Эксперты говорят, что ясно то, что политиче-*

ская обстановка играет свою роль. В прошлом, по словам экспертов, идеология, как правило, была основным мотиватором жестоких политических нападков, от экотеррористов до экстремистов, выступающих против аборт. Аналитики по безопасности высказывают опасения, что кадры покушения на Трампа на фоне насильственных угроз на всех уровнях правительства могут радикализировать еще больше американцев. Некоторые заявили, что восприняли его призыв «Бороться! Бороться! Бороться!» буквально. «Они пытались убить моего президента», – написал один человек на форуме в поддержку Трампа: «Я хочу отомстить». Республиканцы обвинили в стрельбе Байдена. Некоторые левые предполагают, что предвыборный штаб Трампа инсценировал стрельбу с помощью Секретной службы и что кровь на ухе Трампа была из гелевых капсул. По мнению аналитиков, отдельные лица или организованные группы могут быть нацелены на кандидатов, правительственных чиновников, избирателей и предвыборные мероприятия, а также на избирательную инфраструктуру, такую как избирательные участки или избирательные бюллетени. Каждый заметный акт политического насилия усугубляет цикл «продолжающейся насильственной мобилизации и контрмобилизации», согласно новому докладу Института стратегии и политики New Lines в Вашингтоне. Американцы могут остановить этот цикл, говорят эксперты' (Time, 18.07.2024);

Так ва ўсім свеце называюць сябе людзі, якія свядома вырашылі не станавіцца бацькамі. На форумах, дзе збіраюцца чайлдфры, заўсёды можна сустрэць хейтараў, якія абвінавачваюць «свабодных ад дзяцей» у эгаізме, спажывецкім стаўленні да жыцця і наогул ва ўсіх смяротных грахах. Як пішуць сацыёлагі, што даследавалі гэтае пытанне, ідэя «свабоды ад дзяцей» упершыню сфарміравалася ў канцы саракавых гадоў багатага на ўзрушэнні мінулага стагоддзя як адказ на дзве сусветныя вайны. Існуе стэрэатып, што ў падобныя супольнасці ў сеціве аб'ядноўваюцца няшчасныя, адзінокія, псіхічна нездаровыя асобы, якія ненавідзяць усіх вакол. На пытанне «Яны наогул нармальныя?» псіхолагі адказваюць: так, такое перакананне можа быць варыянтам нормы. Але вернемся да прычын выбару «свабоды ад дзяцей». Іх мноства, адзначаюць спецыялісты. Што датычыцца мужчын, якія вырашылі не мець дзяцей, псіхолагі кажуць пра «сіндром старэйшых сыноў» (Звязда, 29.10.2020).

3) Документальные источники

В газетных текстах ссылки могут осуществляться на неидентифицируемые исследования, но их упоминание может быть продиктовано отсутствием необходимости / возможности точного языкового кодирования (например, в интервью говорящий извлекает что-то из фоновых знаний и др.) Такие вкрапления с неидентифицируемыми трансферизаторами научных данных встречаются в медиатекстах, если интенция адресанта не связана с раскрытием сути научного исследования и его эффектов, а упоминание произво-

дится в функции попутного замечания в качестве аргумента для убедительного изложения, который создает контекстуальный эффект «подтверждение»:

A recent study suggests that it reduces sperm count and quality and carries another insidious effect... ‘Недавнее исследование дает основание считать, что он снижает количество и качество сперматозоидов, а также имеет еще один коварный эффект...’ (The Economist, 16.08.2022);

Нядаўняе даследаванне паказала, што спажыванне гэтага дасягнення кулінарыі памяннае рызыку інфаркту больш, чым у два разы (Звязда, 03.08.2017).

Маркерами подобных фрагментарных вкраплений являются деавторизованные конструкции с однократным упоминанием в медиатексте типа *several long-term studies suggest* ‘несколько долгосрочных исследований предполагают’, *many studies solidify the idea* ‘многие исследования подтверждают эту идею’, *according to a study* ‘согласно одному исследованию’, *recent research suggests* ‘недавние исследования показывают’; *згодна з апошнімі даследаваннямі; паводле найноўшых даследаванняў; у іншым даследаванні такога тыпу; паводле даных незалежных даследаванняў; шматлікія даследаванні пацвярджаюць*.

4) Сокрытые субъекты

Для намеренного сокрытия в англо- и белорусскоязычных медиатекстах используются языковые средства, не позволяющие адресату идентифицировать источник или источники сведений. Типичным средством субъектного кодирования в таких случаях выступает существительное *source* ‘источник’ / *крыніца* в единственном или множественном числе:

A source said that after years of negotiations the bank felt it was reaching “the end of the road” in the relationship ‘Некий источник сказал, что после нескольких лет переговоров банк почувствовал, что наступает «тупик» в отношениях’ (The Times, 7.06.2023);

Крыніцы паведамляюць, што дадзеная падзея, якая праводзіцца ў новай сталіцы, адзначыць пачатак паступовага ўводу яе ў эксплуатацыю (Звязда, 31.03.2024).

Типичные для этой функции средства субъектного кодирования могут употребляться автономно или с распространителями для «конкретизации по определенным параметрам: по близости к первоисточнику, по количеству или по должностным полномочиям, но сохранять анонимность» [Рамантова 2019, с. 221-222], а в целях номинативного варьирования в англоязычных текстах метонимичное существительное может заменяться на *insider(s)* ‘инсайдер(ы), источник(и), осведомленное лицо / осведомленные лица’:

Government sources said that because these did not amount to “specific” allegations, they were not investigated ‘Источники в правительстве сообщили, что, поскольку эти обвинения не представляли собой «конкретных» обвинений, они не были расследованы’ (The Times, 15.11.2022);

Law enforcement insiders told that police are looking into a possible altercation between Bobbi Kristina and Gordon more than an hour before she was found unresponsive ‘Источники в правоохранительных органах сообщили, что полиция расследует возможную стычку между Бобби Кристиной и Гордоном, произошедшую более чем за час до того, как ее нашли без признаков жизни’ (Time, 8.02.2015);

Паводле звестак мясцовай крыніцы, колькасць ахвяр ад землятрусаў у Японіі ўзраста да 110 (Звязда, 6.01.2024).

В дополнение к кодирующим средствам *source(s)* ‘источник(и)’ / *insider(s)* ‘инсайдер(ы)’, в англоязычных газетных текстах сокрытый субъект может эксплицироваться при помощи существительного во множественном числе *people* ‘люди’ в обобщенно-собирательном значении, распространенного полупредикативными оборотами, в конструкциях типа *people familiar with...* ‘люди, знакомые с...’, *people with knowledge of...* ‘люди, знающие...’, *people close to...* ‘люди, близкие к...’ или существительным в единственном числе *person* ‘человек’ с неопределенным артиклем или неопределенным местоимением *one* в значении ‘некий’, которое распространено теми же полупредикативными оборотами, причем в подобных контекстах неопределенный артикль *a* и неопределенное местоимение *one* ‘некий’ реализуют одинаковое значение и являются взаимозаменяемыми:

Several people close to President Biden said on Thursday that they believe he has begun to accept the idea that he may not be able to win in November ‘Несколько человек, близких к президенту Байдену, заявили в четверг, что, по их мнению, он начал принимать идею о том, что он, возможно, не сможет победить в ноябре’ (New York Times, 18.07.2024);

Uber’s Travis Kalanick will instead be traveling in India all week, according to a person familiar with his plans ‘Вместо этого Трэвис Каланик из Uber будет путешествовать по Индии всю неделю, по словам человека, знакомого с его планами’ (Time, 14.12.2016);

“For some of the companies, there was some hesitation about whether to attend” because of sharp political and personal differences with Trump, one tech industry source said ‘«Некоторые компании колебались, стоит ли участвовать» из-за острых политических и личных разногласий с Трампом, сообщил один из источников в технологической отрасли’ (Time, 14.12.2016);

One person talks of trying to obtain Semtex, rocket launchers and rifles from Colombia ‘Один человек говорит о попытке получить Semtex, ракетные установки и винтовки из Колумбии’ (The Times, 28.12.2022).

5) Субъекты слухов

Субъекты слухов способны выполнять в медиатекстах разные функции от «заполнения информационного вакуума, достраивания картины события» до «регулирования (разжигания и погашения) конфликтов» [Бородина 2015,

с. 7] и вводится посредством преимущественно бессубъектных конструкций с соответствующим значением и подразумеваемым субъектом речи:

Rumours spread that, outside the city, construction was proceeding rapidly on multiple new so-called “study centres”, each meant to house tens of thousands ‘Поползли слухи, что за городом быстро идет строительство множества новых так называемых «учебных центров», каждый из которых рассчитан на десятки тысяч человек’ (The Guardian, 1.08.2023);

It had been rumoured that Mr Sunak would throw the ceremonial first pitch, but it now appears he will not have the honour ‘Ходили слухи, что г-н Сунак забросит церемониальную первую подачу, но теперь, похоже, он не будет иметь такой чести’ (The Economist, 7.06.2023);

The Prince and Princess of Wales are at an unusual impasse about their son George’s secondary school, according to rumours ‘По слухам, принц и принцесса Уэльские оказались в необычной безвыходной ситуации в отношении средней школы своего сына Джорджа’ (The Guardian, 8.01.2024);

Пагаворваюць нават, нібыта ўсяго за некалькі дзён паказу на складах дзіцячых крам скончыліся ўсе лялькі Чабурашкі, і «Саюзмультфільму» давялося ў пажарным парадку выпускаць дадатковую партыю (Звязда, 07.02.2023);

Нават чуткі пайшлі, што ў Кітаі будуюцца спецыяльныя сховішчы, дзе аўтаномна людзі могуць пратрымацца каля 30 дзён (Звязда, 14.07.2010);

У кулуарах кажуць – маўляў, не змаглі нічым здзівіць журы... (Звязда, 22.09.2008).

Отметим, что в белорусскоязычных газетных текстах используется ограниченный набор бессубъектных синтаксических конструкций для сообщения слухов *чуткі пайшлі, пагаворваюць, кажуць*, а в англоязычных медиатекстах наряду с более разнообразным набором конструкций (*it is/has been/had been rumoured* ‘ходят / ходили слухи’, *rumor is / has it / swirls / spreads / suggests / claims* ‘слух состоит в том, что’, *there is rumour* ‘есть слух’, *according to / amid / amidst rumours* ‘по слухам’, *rumours circulate* ‘ходят слухи’, *it is said / is said* ‘говорят’, *people say* ‘люди говорят’, *there is a whispering campaign* ‘развязана кампания по распространению сплетен’), для этой цели используются и лексические средства с семантикой слухов *hearsay / gossip / speculation / slurs / misinformation / conspiracy theory* ‘слухи, домыслы, клевета, дезинформация, теория заговора’ (в значении ‘things that people have told you and that may or may not be true’ ‘то, что люди вам сказали и что может быть или не быть правдивым’ [dictionary.cambridge.org]), например: *...those dark reputations were largely based on hearsay* ‘...те сомнительные репутации были в значительной степени основаны на слухах’ (The Economist, 24.07.2003).

б) Субъекты в конструкциях со значением общеизвестности

Медиатексты могут инкорпорировать интертексты, основанные а) либо «на убеждениях, идеях, утверждениях, широко распространенных и, вероятно, знакомых читателям, независимо от того, относят ли они материал к определенному источнику или просто понимают как общеизвестные сведения» [Bazerman 2004, p. 86-87], например:

It is well known that lifestyle factors, specifically smoking, alcohol consumption, diet and physical activity, can have an impact on longevity ‘Общеизвестно, что факторы образа жизни, в частности курение, употребление алкоголя, диета и физическая активность, могут оказывать влияние на продолжительность жизни’ (The Guardian, 30.04.2024);

Агульनावядома, што медыцына складаецца з дыягностыкі і непасрэдна лячэння (Звязда, 8.01.2024);

б) либо на культурно-историческом наследии, «вызывая в памяти определенные социальные миры и являясь частью культурного мира своего времени» [Bazerman 2004, p. 86–87]:

...everyone knows Andrew McCabe was fired from the FBI for lying ‘...все знают, что Эндрю Маккейб был уволен из ФБР за ложь’ (Time, 18.02.2019);

Раней, як вядома, школьнікаў, нават малодшых класаў, часцяком здымалі з урокаў на копку бульбы, на збор камянёў (Звязда, 15.02.2024).

Однако не всегда в медиатекстах обеих лингвокультур конструкции со значением общеизвестности и фактивными предикатами типа «все знают», «каждый знает» вводят достоверные пропозиции – они могут вводить «любые пропозиции, в том числе и те, по отношению к которым с логической точки зрения модус знания невозможен, избыточен или некорректен» [Задворная 2001, с. 7], например:

It is a truth universally acknowledged that when it comes to marriage, Britain is a bit odd ‘Это общепризнанная истина, что, когда речь идет о браке, Британия кажется немного странной’ (The Economist, 5.03.2022);

Агульनावядома, што момант заходу сонца лічыцца небяспечным часам, таму аб дзецях, народжаных у гэты час, трэба клапаціцца больш, пільна сачыць за іх здароўем (СБ, 20.08.2009).

7) Подразумеваемые субъекты

Конструкции с подразумеваемыми субъектами выступают инструментами а) дистанцирования журналиста, б) снижения ответственности за сообщаемое [Downing 2000, с. 356; Wierzbicka 1988, p. 46; Yamamoto 2006, p. 4; Langacker 2009, p. 135] и в) нейтральной констатации факта сообщения без указания источника, «имперсонализации» [Арутюнова 1988, с. 109]:

In one case, he is reported to have discussed the possibility of using drones... ‘Сообщается, что в одном случае он обсуждал возможность использования дронов...’ (The New York Times, 3.05.2023);

Так, *паведамляецца*, што ў Гіватаіме аб галаву аднаго з пратэстоўцаў разбілі бутэльку, пасля чаго ў групу дэманстрантаў заехала машына (Звязда, 19.03.2023);

Тым часам *стала вядома*, што фактычны кіраўнік краіны генерал Абдэль-Фатах аль-Бурхан напярэдне ўхваліў план па падаўжэнні перамір'я, прапанаваны афрыканскім рэгіянальным аб'яднаннем IGAD (гандлёвы блок з васьмі краін Афрыкі, куды ўваходзіць і Судан) (Звязда, 30.04.2023).

Наряду с нейтральнай констатацыяй, бессуб'ектныя конструцыі могуць мець оцэночно-тлумачальны характар, што можа выяўляцца як у прапозіцыйнай частцы: *Dominic Raab, the justice secretary, is said to have caused concern in previous roles with his treatment of officials* 'Говораць, што Домінік Рааб, міністр юстыцыі, на прадыходзіх должностях вызывал бяспокойства сваім абрашчэннем с чіновнікамі' (The Times, 15.11.2022); так і у глагольным кампаненте, канкретызіруючым рэчывое дзеіствіе падразумеваемага суб'екта, дэманструючы прагматычнае абогашчэнне пазітыўна-ілі негатыўна-оцэночнымі атонаккамі значэнняў: *У самым пачатку візіту Байдэн навітаўся з наследным прынцам Саудаўскай Аравіі Мухамедам бін Салманам Аль Саўдам, дакрананнем сціснутых у кулак рук, якое ўжо стала традыцыйным ва ўмовах пандэміі каранавіруса, за што яго жорстка раскрытыкавалі* (Звязда, 24.07.2022).

8) Гіпотетычныя суб'екты

Пры гіпотетычнай суб'ектнай рэфарэнцыі гавораючы ссылаецца на патэнцыяльныя суб'екты пры сабстваным мадэльраванні іх возможнага дыялога ілі камунікацыі ат іх імені, у рэзультате чаго прадісходзіт введзенне у павествование «додуманнай чужой речі» [Руженцева 2023, с. 17]. У якасстве суб'ектаў додуманнай чужой речі выступают, к прымеру, індывідуалізаваныя ілі каллектыўныя нерэфарэнтныя суб'екты у конструкцыях с глаголом гаворення, который употребляется у изъявительном ілі сослагательном наклонении:

If someone was here from the government, they'd say, we're constantly talking to business... There was a sense of people saying 'well, the hydrogen strategy's come out, why didn't come out sooner, it's not ambitious enough'. The moment you suggest changing anything, somebody, many people, will say 'no, no, no, leave it as it is' 'Если бы здесь был кто-то из правительства, они бы сказали, мы постоянно общаемся с бизнесом... Было ощущение, что люди говорили: «Ну, водородная стратегия вышла, почему не появилась раньше, она недостаточно амбициозна». В тот момент, когда вы предложите что-то изменить, кто-то, многие люди скажут: «Нет, нет, нет, оставьте все как есть»' (The Economist, 26.04.2023);

Відаць, кожнаму з вас даводзілася быць сведкам таго, як нехта са знаёмых заяўляў, што не жадае больш працаваць на дзядзьку або на дзяржаву. Маўляў, працадаўцы нажываюцца на сваіх супрацоўніках (ПК, 15.03.2019).

Введение додуманной чужой речи предоставляет адресанту содержательную свободу, возможность высказать то, что уже было обдуманно говорящим, «высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения», «вписано в его личный контекст и актуализовано в высказывании» [Рябцева 2005, с. 383]; адресату «речевую самостоятельность при интерпретации неопределенности», заставляя читателя «включать творческую и языковую рефлексия, помогая активно достраивать информационный образ объекта и оперативно формировать отношение к нему» [Осетрова 2010, с. 39].

9) Перволичный дискурсивный голос в нереферентном статусе

Употребление в ссылочных конструкциях местоимения *we / мы* в обобщенно-собирательном значении в качестве субъектного компонента может, согласно исследователям [Никонова 2022, с. 74; Рус яз Сурикова, Клушина 2024, с. 157; Сытько 2023, с. 176-177; Хи 2022, р. 4], способствовать совещательной аргументации, которая помогает говорящему поддерживать диалог с аудиторией, добиваться согласия и присоединения, создавать совместную с читателем реальность, «растворять» личную ответственность за последующее сообщение, придавать высказыванию свойства объективности и беспристрастности, масштабировать собственные наблюдения / выводы и подать их от имени плюрализованного субъекта:

We have heard from parents, teachers and principals concerned that a lifelong bad habit is being established for many at a young age ‘Мы слышали от родителей, учителей и директоров, которые с этим сталкивались, что пожизненная вредная привычка формируется у многих в молодом возрасте’ (The Times, 7.06.2023);

Расце і колькасць юрыдычных асоб, якія аказваюць паслугі ў гэтым сегменце рынку. Таму мы бачым дадатную дынаміку (Звязда, 22.05.2023).

Под инклюзивным обобщенно-собирательным «мы» в первом контексте подразумевается широкий круг лиц (люди, у которых есть родители и кто посещал школу, включая говорящего), а во втором контексте могут подразумеваться белорусы, официальные лица в сфере недвижимости или иные субъекты.

Вследствие инкорпорирования определительного местоимения *all* ‘все’ / *усе* в конструкциях подобного рода может наблюдаться дополнительный эффект всеобщности, распространенности, укрупнения наблюдения:

We’ve all heard, many times, that television is the new film, and that there is no shame in a big-screen director trying the small screen instead ‘Мы все много раз слышали, что телевидение – это новый фильм, и что нет ничего постыдного в том, чтобы режиссер большого экрана попробовал вместо этого малый экран’ (The Economist, 29.06.2016);

Усе мы чулі пра пачвару з Шатландыі Нэсі, якая жыве ў нетрах глыбокіх брытанскіх азёр (Звязда, 15.04.2024).

Обобщим выявленные типы дискурсивных голосов в изучаемых газетных текстах, средства их экспликации и спектр прагматических функций.

Рис. 1. Средства выражения субъектов в ссылочных конструкциях, их типы и функции в газетных текстах на английском и белорусском языках

Количественная представленность разнореференциальных субъектных компонентов ссылочных конструкций с учетом жанровой специфики показана при помощи Диаграммы 1³⁶, в которой отражены данные по референтным и нереферентным субъектам, и Диаграмме 2, которая представляет собой более дробную демонстрацию долей трех референциальных типов субъектов с разделением нереферентного субъекта на обобщенный и неопределенный.

Здесь и далее по тексту (в диаграммах и формулах) используются следующие сокращения: ИАСа – информационно-аналитические статьи на английском языке, ИАСб – информационно-аналитические статьи на белорусском языке, Иа – интервью на английском языке, Иб – интервью на белорусском языке, ХПТа – художественно-публицистические тексты на английском языке, ХПТб – художественно-публицистические тексты на белорусском языке, S_{nn} – нереферентный неопределенный субъект, $S_{но}$ – нереферентный обобщенный субъект, $S_{нр}$ – нереферентный субъект, S_p – референтный субъект.

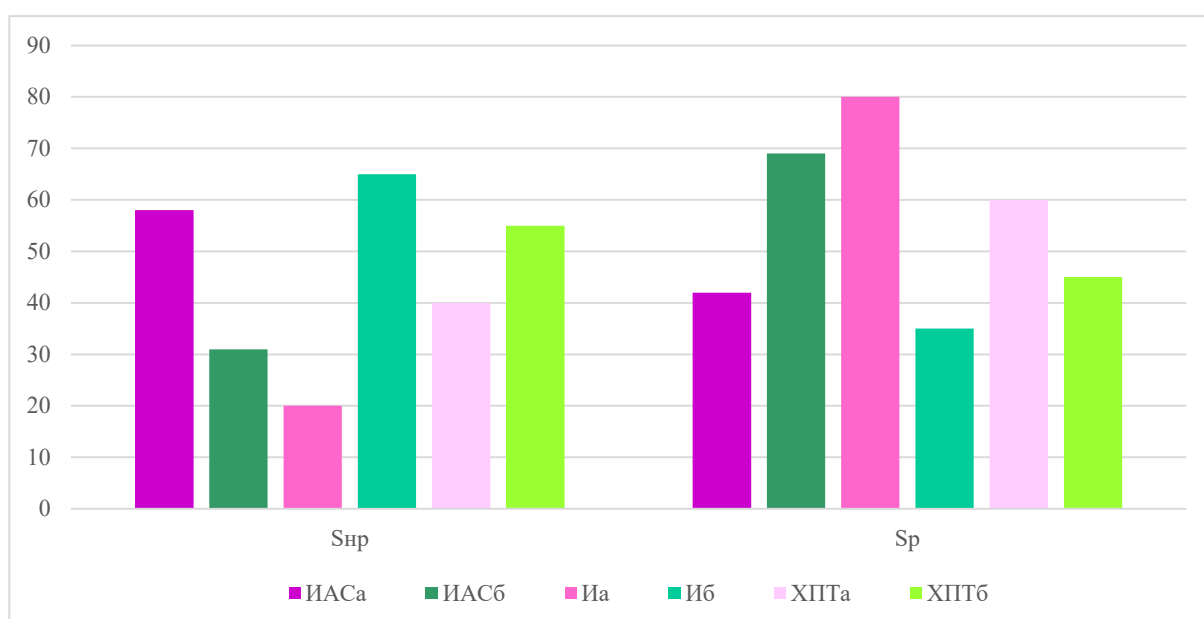

Диаграмма 1. Представленность (не)референтных субъектов в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов, %

Количественный анализ материала позволяет констатировать, что в газетных текстах на английском и белорусском языках фиксируются противоположные тенденции при разделении субъектов на две группы по принципу референтности или нереферентности, а также ряд общих и специфичных черт при более дробном делении на референциальные виды. Так, преобладание референтных субъектов как источников сведений демонстрируют белорусскоязычные информационно-аналитические статьи, а также англо-

³⁶ В тексте работы приводятся данные в процентном отношении.

язычные художественно-публицистические тексты и интервью; в остальных медиатекстах доминируют нереферентные субъекты. Особенно высокими показателями референтных субъектов выделяются англоязычные интервью и белорусскоязычные информационно-аналитические статьи, что объясняется лингвокультурными и экстралингвистическими факторами: в англоязычных интервью говорящие высказывают свое мнение в сопровождении большого, плотно представленного и вариативного количества авторизационных я-показателей; белорусскоязычные информационно-аналитические статьи демонстрируют широкий диапазон ссылок на субъекты с определенной референцией в статьях по внутринациональным вопросам ввиду отсутствия необходимости скрывать источники сведений, а в текстах по внешнеполитическим проблемам в связи с отсутствием широкой сети собственных источников информации по всему миру, что отражается в частых ссылках на разные информационные агентства и периодические издания.

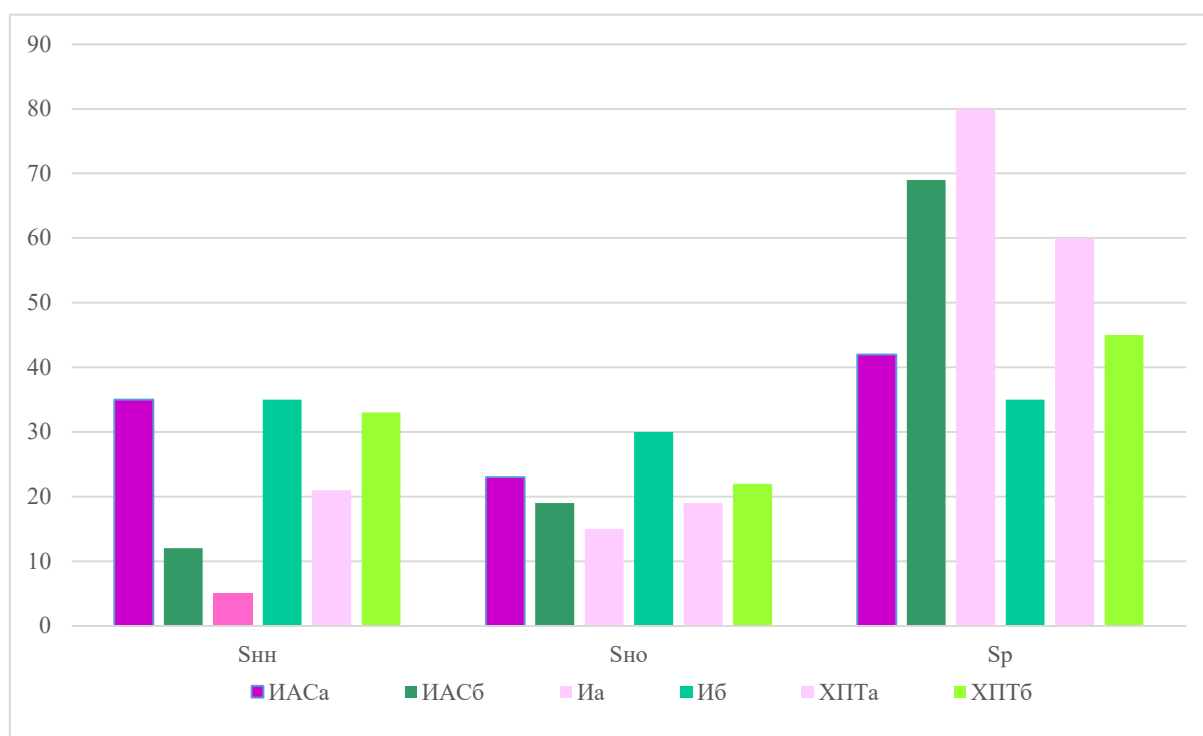

Диаграмма 2. Представленность референциальных типов субъектов в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов, %

При более детальном рассмотрении заметно, что как в англо-, так и в белорусскоязычных художественно-публицистических текстах и интервью наименее представленным является нереферентный обобщенный субъект, что может определяться жанровой спецификой, когда в текстах этих жанров повествуется о конкретном субъекте (субъектах) или событии (событиях), поэтому активированные типы референции тяготеют либо к определенной, либо неопределенной (например, гипотетической) субъектной референции.

2.3.2. Референциальный выбор субъектной номинации. Характеристики референциальных конфликтов в газетных текстах на английском и белорусском языках

Исследования по лингвистической референции фокусируются не только на разновидностях субъектной референции в тексте, но и на причинах, детерминирующих референциальный выбор полного или редуцированного референциального выражения адресантом, а также факторах, лежащих в основе понимания и адекватного декодирования адресатом выбранных адресантом средств, причем среди таких факторов немаловажная роль отводится когнитивным явлениям, в частности вниманию и памяти.

Что касается языковых факторов, то на референциальный выбор и степень активации референта в текстовой ткани влияют свойства как самого текста и его единиц (например, линейное расстояние между средствами субъектного кодирования, их семантико-синтаксическая роль, границы эпизодов), так и собственно референта (например, одушевленность, центральность для данного дискурса) [Кибрик 2003; Кудрявцева 2015]. А. А. Кибрик [Кибрик 2003] определяет набор факторов, влияющих на референциальный выбор говорящего, и строит модель референциального выбора на примере русского письменного нарративного дискурса. Согласно исследователю, выбор референциального средства – мотивированный процесс, а основной когнитивный феномен, ответственный за референциальный выбор, – это активация референта. Это феномен, практически совпадающий с противопоставлением «данное vs. новое»: если активация референта достигает определенного порога, то используются редуцированные референциальные выражения, в иных случаях употребляются полные именные группы. Причем, как отмечает автор, именно текстовые интервалы в значительной мере определяют тип референциального выражения.

При кодировании одного и того же субъекта в тексте посредством разных (полных и редуцированных) референциальных выражений, между которыми устанавливаются анафорические отношения, антецедентом называется предшествующее референциальное выражение, а анафором последующее. Если кореферентность субъектных номинаций в составе одной референциальной цепочки устанавливается однозначно, то распознавание адресатом анафорических связей не является затруднительным. Однако в случаях референциальной неоднозначности, когда редуцированное средство (к примеру, местоимение) потенциально соотносится с двумя антецедентами в тексте и может замещать как первый, так и второй референт, а референциальные уточнители (к примеру, грамматический род местоимения, который согласуется с родом лишь одного из референтов) не являются эффективными, то возникает референциальный конфликт, т.е. «ситуация, при которой в пределах текущего дискурсивного фрагмента адресат может отнести использованное говорящим референциальное средство к нескольким референтам, активированным в его рабочей памяти» [Фёдорова, Успенская

2011, с. 198], например: *Моя младшая сестра* очень полюбила свою новую *учительницу*. Она всегда приходила в класс за десять минут до звонка (пример А. Н. Юрченко) [Юрченко 2017, с. 7].

При наличии условий возникновения референциального конфликта (например, в тексте говорится о персонажах одного пола, которые могут быть поименованы одним и тем же местоимением), местоименная номинация не должна использоваться, поскольку «может затруднить для читателя процесс референции и послужить причиной непонимания читателем того, кто именно из персонажей выполняет то или иное действие» [Гусева 2017, с. 97]. Особенно нежелательными являются местоименные номинации при смене точек зрения, что связано с необходимостью недопущения референциального конфликта [там же, с. 100]. Следует отметить, что референциальный конфликт, создаваемый местоимениями, является наиболее изученным в современном языкознании, в то время как другим референциальным выражениям, обладающим свойством референциальной неоднозначности, почти не уделяется внимания.

В языкознании референциальные конфликты подразделяются на *временные*, в отношении которых происходит разрешение конфликта по мере прочтения целого текста, например, при помощи стратегии «поиска референтов и устранения конкуренции» [Глазков 2024, с. 265], и *постоянные*, для которых снятия конфликта не происходит, и адресату приходится самому делать выбор между двумя (или более) из возможных референтов [Фёдорова 2013]. В любом случае читателю необходимо проделывать «дополнительную ментальную работу, чтобы соотнести сказанное в данном фрагменте с тем, что было в тексте ранее, и только после этого интерпретировать информацию» [Гусева 2017, с. 97].

Перечень факторов, влияющих на разрешение референциального конфликта в тексте, очерчен в исследовании А. Н. Юрченко [Юрченко 2017, с. 7–32], с привлечением экспериментальных данных. Согласно исследователю, одним из таких факторов является порядок упоминания референтов в тексте: в случае наличия в предложении двух активированных референтов, потенциально соотносимых с антецедентом, первый из них имеет преимущество по отношению ко второму. Вторым формальным признаком, оказывающим влияние на разрешение референциального конфликта, является синтаксическая роль возможных референтов, с учетом которой при выборе антецедента преимущество принадлежит подлежащему (не дополнению), поскольку оно в значительной степени структурирует дискурсивные единицы. Кроме того, при выборе антецедента референциально неоднозначного средства важен принцип грамматического параллелизма. Помимо формально-структурных, автором были установлены содержательно-смысловые факторы, включающие тематическую роль потенциального антецедента и дискурсивную связность при восприятии редуцированного референциального выражения: установление отношений связности между частями текста является основой языкового восприятия и обеспечивает передачу смысла,

лежащего за пределами значения отдельного предложения. Разрешение референциальной неоднозначности связано не только с выбором одного из возможных вариантов, но и представляет собой часть общего процесса понимания текста, в том числе установлением отношений кореферентности в референциальных цепочках.

В исследуемых газетных текстах на английском и белорусском языках фиксируется очевидное преобладание полных референциальных выражений, которое объясняется тем, что журналист-автор активизирует референтов при разносторонней подаче информации от имени разных субъектов, что обусловлено «потребностью маркировать смену точек зрения» и обозначить «переход к новому текстовому фрагменту» [Гусева 2017, с. 100]. И при каждом введении нового субъекта информации, отличного от предыдущего упомянутого, необходимым является его вербализация посредством полных референциальных выражений, что очерчивает границы транслируемых коммуникативных эпизодов от имени новых повествующих субъектов. При этом редуцированные референциальные выражения располагаются в непосредственной близости к полным референциальным выражениям.

Как показал материал исследования, в газетных текстах на английском и белорусском языках разные референциальные типы субъектов, кодируемые полными именными группами при первичном упоминании и редуцированными референциальными выражениями при повторных ссылках, как правило, однозначно соотносятся благодаря анафорическим связям и не создают условий для референциального конфликта, что характерно как для местоименного употребления, так и для третьеличных нулей.

Так, анафорические местоимения обычно не допускают альтернативы при отождествлении и кодируют максимально активированных референтов, упомянутых в предыдущем контексте, по которому легко идентифицировать полное референциальное выражение, маркирующее антецедента:

But Israeli prime minister Benjamin Netanyahu has stressed any truce deal would delay, not prevent, a ground invasion of Rafah... ‘Но премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху подчеркнул, что любое соглашение о перемирии отложит, а не предотвратит наземное вторжение в Рафах...’; *‘I’ve set three war goals...,’ he said, speaking on CBS* ‘Я поставил три цели войны...», — сказал он, выступая на канале CBS (The Guardian, 27.02.2024);

Цяперашні светапарадак, наводле ацэнкі Антоніу Гутэрыша, мала для каго працуе. «Насамрэч, я скажу так: ён увозіць ні для каго не працуе, — прызнаў генеральны сакратар ААН. «Нават эра халоднай вайны была ў некаторым сэнсе менш пагрозлівая», — заявіў ён (Звязда, 23.02.2024).

Для третьеличных нулей учет контекста позволяет соотнести их с антецедентами благодаря тому, что «при текстовом подходе обнаруживается контекстуальный претендент на незанятую позицию субъекта» [Онипенко 2001, с. 110]:

In the unmarked villas, private dining rooms and scholarly retreats where well-connected Chinese sometimes offer opinions to foreigners, Mr Trump is called ignorant, erratic and tiresome, but not without his uses. He is praised for

*an apparent indifference to ideology. He is **complimented** for his reluctance to condemn Chinese repression in such places as Xinjiang* ‘На скрытых виллах, в частных столовых и научных центрах, где китайцы с хорошими связями иногда высказывают свое мнение иностранцам, г-на Трампа называют невежественным, эксцентричным и утомительным, но не без достоинств. Его хвалят за явное безразличие к идеологии. Его также хвалят за нежелание осуждать китайские репрессии в таких местах, как Синьцзян’ (The Economist, 11.06.2020);

«Аднак калі пошукі не ўвянчаліся поспехам і замежнікі паспрабавалі вярнуцца, польскія сілавікі іх збілі і выціснулі ў Беларусь паўторна», – **заявілі ў Дзяржнагранкамітэце. Паведамляецца**, што «пасля, падчас правядзення пошукавых мерапрыемстваў, беспілотнік быў знойдзены беларускім пагранічным нарадам». «Для правядзення разбору група бежанцаў і робат дастаўлены на пагранічную заставу...», – **надкрэслілі ў ДПК** (Звязда 12.04.2023).

Подразумеваемые субъекты речи для конструкций *is called* ‘называют’, *is praised* ‘хвалят’, *is complimented* ‘хвалят’ соотносятся с употребленным в первой части первого предложения обобщенным субъектом *well-connected Chinese* ‘китайцы с хорошими связями’; третьеличные нули в конструкциях *паведамляецца* и *надкрэслілі* соотносятся с официальным органом *Дзяржнагранкамітэт*, поэтому референциальный выбор редуцированных средств не приводит к референциальному конфликту³⁷.

Несмотря на, как правило, однозначное соотнесение антецедентов и анафорических средств в отношении субъектов разного референциального статуса в изучаемых газетных текстах, нами все же обнаружены случаи референциального конфликта. Так, в информационно-аналитических статьях референциальный конфликт встречается в 5 % англоязычных и 10 % белорусскоязычных текстов, в жанре интервью: в 15 % англоязычных и 10 % белорусскоязычных текстов; в художественно-публицистических текстах референциальный конфликт не обнаружен.

В создании референциального конфликта в газетных текстах на английском и белорусском языках участвуют *местоименные средства* в анафорическом употреблении, а основанием возникновения конфликта выступают *грамматические категории числа и рода*. Несмотря на то, что «фильтр референциальных конфликтов запрещает употребление местоимения при наличии высокого коэффициента активации у более чем одного референта» [Кудрявцева 2015, с. 3], такие случаи все же встречаются в газетных текстах обеих лингвокультур, а анафорические связи, близкое линейно-текстовое расположение и внутренние свойства референта (к примеру, референциальная определенность) не способствуют разрешению конфликта:

³⁷ Следует отметить, что в медиатекстах подразумеваемый субъект не всегда может быть инференциально выведен через контекст, и даже в случае, если далее обнаруживается контекстуальный претендент на элиминированный субъект, то читательские усилия по установлению референтных связей могут вывести адресата в интерпретационную сферу и не совпасть с журналистской интенцией кодирования.

The four Children's Commissioners for the UK have published a joint letter calling for this, and in a letter to this newspaper 15 former presidents of the Oxford University Students Union have urged the institution to do the same. They added that pressing ahead with plans to award GCSEs results on Thursday based on the algorithm would be "suicide". The Government were understood to be furious that the advice appeared to undermine their promise of a 'triple lock' on results 'Четыре комиссара по делам детей в Великобритании опубликовали совместное письмо с призывом к этому, а в письме в данную газету 15 бывших президентов Союза студентов Оксфордского университета призвали учреждение сделать то же самое. Они добавили, что продвигать планы по выдаче результатов GCSE в четверг на основе алгоритма было бы «самоубийством». Было понятно, что правительство было в ярости из-за того, что этот совет, по-видимому, подрывает их обещание о «тройном блокировании» результатов' (The Telegraph, 17 August, 2020);

Нямецкае выданне Die Welt нараўнала, як у Саудаўскай Аравіі ў 2019-м сустракалі расійскага лідара Уладзіміра Пуціна і цяперашняга кіраўніка Белага дома Джо Байдэна. На яго думку, сціплае прывітанне Байдэна паказала, што Расія мае большы ўплыў на Блізкім Усходзе (Звязда, 24.07.2022).

В первом предложении англоязычного текста представлены два активированных референта во множественном числе *the four Children's Commissioners for the UK* 'четыре комиссара по делам детей в Великобритании' и *15 former presidents of the Oxford University Students Union* '15 бывших президентов Союза студентов Оксфордского университета', кодированных полными референциальными выражениями. В следующем за ним высказывании антецедент выражен анафорическим местоимением *they* 'они', которое допускает референциальную альтернативу в виде одной из двух полных именных групп. Что же касается англоязычного предложения с третьеличным нулем *were understood* 'было понятно', то референциальная альтернатива здесь шире по сравнению с анафорическим местоимением, поскольку подразумеваемым субъектом мысли могут быть не только два лингвистически кодированных референта в предыдущем контексте, но и неограниченно широкий круг лиц.

Схожим образом референциальная альтернатива фиксируется и в белорусскоязычном тексте, где анафорическое местоимение *яго* может соотноситься с антецедентами *нямецкае выданне Die Welt, расійскі лідар Уладзімір Пуцін, цяперашні кіраўнік Белага дома Джо Байдэн*. Поскольку субъектно-референциальная альтернатива в медиатексте сохраняется, то референциальный конфликт является неразрешенным.

Помимо случаев с местоименными средствами референциальный конфликт в исследуемых газетных текстах может создаваться семантикой языковых единиц неместоименного статуса, т.е. *именными группами*. Такие случаи фиксируются при наличии *гиперо-гипонимических отношений* в номинатив-

ном ряду активированных референтов и замене одного из них в последующем контексте родовым словом, которое может соотноситься одновременно с обеими видовыми номинациями, например:

American President Joe Biden has agreed to allow Ukraine to strike targets ... under certain conditions, said American official, according to Agence France-Presse. “The president has tasked his team...” the source said ‘Американский президент Джо Байден согласился разрешить Украине наносить удары по целям... при определенных условиях, заявил американский чиновник, согласно агентству Франс Пресс. «Президент поручил своей команде...», – сказал источник’ (Daily News, 23.07.2024);

Такія ацэнкі гіпатэтычнага сцэнарыя прыводзіць агенцтва Bloomberg, наведалі ТАСС. Гэта ў два разы больш, чым наступствы спецыяльнай ваеннай аперацыі ва Украіне, сцвярджае агенцтва (Звязда, 31.07.2024).

Референциальный конфликт в газетных текстах может создаваться и специфичными *неименными маркерами*, вкрапление которых тем не менее подразумевает наличие субъекта речи. Так, в англоязычных информационно-аналитических статьях встречается специфичный маркер *reportedly* ‘как сообщается / как сообщают / по некоторым сведениям’, в отношении которого условия для референциального конфликта существуют в связи с его референциальной неоднозначностью и детерминированы *семантикой самой единицы* ‘according to what some people say’ ‘в соответствии с тем, что говорят некоторые люди’ [Oxford Learners Dictionary], которая может затруднить для читателя процесс референции и послужить причиной непонимания адресатом того, кем именно сообщаются сведения. Для данного маркера в рамках медиатекста круг потенциальных референтов зачастую четко не очерчен: сложно определить, является ли данное средство элементом референциальной цепочки, включающей кореферентные номинации, представляя собой номинативное варьирование во избежание повторов, либо его референциальный объем шире и относится к СМИ вообще. Сравним:

Hamas was considering a draft agreement for a 40-day pause in fighting, according to a Reuters source... The draft also reportedly stated Hamas would free 40 Israeli hostages... A deal could include the release of several hundred Palestinian detainees held by Israel, media reports suggest ‘По словам некоего источника агентства Рейтер, ХАМАС рассматривал проект соглашения о 40-дневной паузе в боевых действиях... В проекте также, как сообщается, говорилось, что ХАМАС освободит 40 израильских заложников... Соглашение может включать освобождение нескольких сотен палестинских задержанных, удерживаемых Израилем, согласно сообщениям СМИ’ (The Guardian, 27.02.2024).

В приведенном контексте при декодировании референциально неоднозначного маркера *reportedly* ‘как сообщается / как сообщают / по некоторым сведениям’ подразумеваемый субъект с большой долей вероятности соотносится с неким источником агентства Рейтер, а сам маркер скорее всего

употреблен в целях номинативного варьирования. В любом случае вкрапление референциально неоднозначных выражений в медиатексты препятствует идентификации субъекта сведений.

Специфичным белорусскоязычным неименным маркером, который употребляется в разных газетных жанрах, является *маўляў* 'размоўнае слова. Ужываецца пры ўскоснай перадачы чужой уяўнай мовы' [skarnik.by]. Подразумеваемый субъект для данного маркера не всегда однозначно соотносится с вербализованными в тексте дискурсивными голосами и может иметь референциальную альтернативу:

«Ад карупцыі краіны ЕС штогод губляюць 323 мільярды еўра...», – адзначылі эксперты OLAF. Згодна з дакладам Еўрапейскай партыі «зялёных», краіны ЕС страцілі з-за карупцыі астранамічную суму. У 2013 годзе краіны-сябры Еўрасаюза «памылкова» выдаткавалі амаль 7 млрд еўра – маўляў, «на апрацоўку зямель, непрыдатных для сельскай гаспадаркі». Па методыцы Еўрапейскай падліковай палаты (ЕСП), гэта не лічыцца «неэфектыўным расходаваннем сродкаў, растратамі або махлярствам» (Звязда, 23.12.2022).

Наряду с неразрешенным референциальным конфликтом, в изучаемых газетных текстах фиксируются случаи референциального конфликта, который разрешается в медиатексте дополнительными средствами (с помощью фоновых знаний) или контекстуально с учетом категорий когерентности / когезии, тематической доминанты и семантических факторов. Сравним:

Another civil servant who worked in one of Raab's departments said they had seen him "behave quite aggressively towards officials". They added that the government's claim that there had been no "formal" complaints against Raab was telling 'Другой госслужащий, работавший в одном из отделов Рааба, рассказал, что видел, как он «вел себя довольно агрессивно по отношению к чиновникам». Они добавили, что заявление правительства о том, что не было никаких «официальных» жалоб на Рааба, говорит о многом' (The Times, 15.11.2022). С учетом текстовых категорий когерентности и когезии и в результате применения ретроспективной стратегии декодирования текста при поиске кандидатов на анафорическое местоимение «они», референциальный конфликт разрешается, несмотря на то, что претенденты на соотнесенность с «они» не располагаются в непосредственной текстовой близости. В высказывании: *One official said: "He would become angry with no justification"* 'Один чиновник сказал: «Он сердился без всякого повода»' (The Times, 15.11.2022) упоминается антецедент *one official* 'один чиновник', который совместно с *another civil servant who worked in one of Raab's departments* 'другой госслужащий, работавший в одном из отделов Рааба', соотносится в анафоре *they* 'они'.

В белорусскоязычной газетной статье учет контекста, подкрепленный активацией фоновых знаний, позволяет соотнести редуцированное референциальное выражение (местоимение) во втором предложении с первым активированным референтом и соответственно разрешить референциальный конфликт, вызванный *грамматической категорией рода*:

Яраслаў Качыньскі не ўтойваў свайго задавальнення і цытаваў амерыканскага пісьменніка Марка Твена, які аднойчы сказаў: «Паведамленні аб маёй смерці моцна перабольшаныя». Паводле яго слоў, цяпер кансерватары павінны засяродзіцца на выбарах у Еўрапарламент (Звязда, 10.04.2024).

На разрешение референциального конфликта, основанием возникновения которого выступает расхождение в грамматическом числе антецедента и анафора, оказывают влияние определенные семантические факторы. Рассмотрим следующие контексты:

Паліцыя Нідэрландаў, у сваю чаргу, заклікае фермераў спыніць пратэсты. У сваёй заяве яны заўважылі, што такія дзеянні сур'ёзна пагражаюць бяспецы дарожнага руху і могуць прывесці да незваротных сітуацый (Звязда, 31.07.2022);

Пра гэта паведамляе ТАСС. Паводле іх інфармацыі, раніцай 2 красавіка ў новай зале пасяджэнняў Палаты прадстаўнікоў Егіпта пройдзе інаўгурацыя ас-Сісі (Звязда, 31.03.2024).

Нетипичным с позиций грамматики является местоименное замещение в соотносимых конструкциях «паліцыя Нідэрландаў заклікае» – «яны заўважылі» (поскольку для субъектного компонента более грамматически подходящей выступает номинация «фермеры») и «паведамляе ТАСС» – «паводле іх інфармацыі». В первом контексте разрешению референциального конфликта способствует не только пропозициональное содержание высказывания с тематической доминантой «угроза безопасности дорожного движения», что направляет адресата по интерпретационной траектории в сторону антецедента «полиция Нидерландов», но и принадлежность глаголов «заклікаць» ‘звярнуцца з заклікам да каго-н., прапанаваць прыняць удзел у якой-н. важнай справе, зрабіць што-н.’ [skarnik.by] и «заўважыць» ‘выказаць думку, устаіць заўвагу ў час размовы з кім-н.’ [skarnik.by] в ссылочных конструкциях к одной лексико-семантической группе – к группе глаголов речи. Во втором случае референциальный конфликт нивелируется не только из-за отсутствия альтернативного претендента на субъектную позицию, но и благодаря принадлежности элементов ссылочных конструкций «паведамляць» ‘даваць якія-н. звесткі’ [skarnik.by] и «інфармацыя» ‘звесткі аб чым-н.’ [skarnik.by] к одному лексико-семантическому полю «информирование».

Местоименное замещение названия официального органа с изменением грамматического числа свойственно и англоязычным газетным текстам, где такие конфликты тоже, как правило, разрешаются дополнительными средствами. Так, кореферентными, к примеру, выступают субъекты *Ofqual* ‘Управление по квалификациям и экзаменам’, *the regulator* ‘регулятор’ и *they* ‘они’, а также иные собирательные существительные типа *the police* ‘полиция’, *the board* ‘совет’ и т. п. могут замещаться местоимением во множественном числе *they* ‘они’, поскольку имеются в виду участники таких органов. Сравним:

We have been contacted by the State Department. They do not believe that there are many people that would be vulnerable ‘С нами связался Государственный департамент. Они не верят, что есть много людей, которые могут быть уязвимы’ (Time, 1.12.2010).

Сведем характеристики референциальных конфликтов, обнаруженных в исследуемых газетных текстах, в обобщающую таблицу.

Т а б л и ц а 1

Средства и основания референциальных конфликтов в газетных текстах на английском и белорусском языках

Языковые средства	Основания возникновения
местоименные средства в анафорическом употреблении (личные местоимения третьего лица и притяжательные местоимения)	грамматические категории рода и числа (при расхождении которых анафор может соотноситься с несколькими antecedентами)
именные группы в составе цепочки активированных референтов	гиперо-гипонимические отношения (при которых гипероним может одновременно соотноситься с несколькими гипонимами)
неименные средства, обладающие референциальной неоднозначностью	семантика неименной единицы

Подчеркнем, что в результате использования указанных средств и оснований в газетных текстах референциальные конфликты могут как оставаться неразрешенными (т. е. постоянными), так и быть разрешенными (т. е. временными). В разрешении референциальных конфликтов участвуют фоновые знания, контекстуальные (категории когерентности / когезии, тематическая доминанта в пропозициональном содержании высказывания) и семантические (относящие элементы ссылочных конструкций к одной лексико-семантической группе или одному лексико-семантическому полю) факторы.

2.3.3. Субъектно-референциальные стратегии в современных в англо- и белорусскоязычных газетных текстах

Если при кодировании субъектных компонентов адресант производит операцию номинации и указывает на объект, намеренно употребляя нужное языковое выражение [Голиков, Касимова 2013, с. 33], а адресат при декодировании информации производит ее деноминацию и затем референтную оценку, то в идеале адресат должен реагировать именно так, как делает это адресант для достижения успешности коммуникации [Артемьева 2010, с. 131], т.е. для их взаимопонимания важны средства, которые декодируются адресатом в соответствии с замыслом адресанта [Минкин, Шевченко 2007, с. 14]. Однако средства указания на объект могут не совпадать у говорящего и воспринимающего [Бразговская 2006, с. 15] (сравним англ. *the speaker's*

intended meaning vs. the addressee's recovered meaning 'вкладываемый адресантом смысл vs. извлекаемый адресатом смысл' [Jaszczolt 2012, p. 326]). Получается, что в коммуникации средства выражения субъектной референции для адресанта и адресата могут как совпадать³⁸, так и не совпадать в зависимости от индивидуальной интериоризации смысла.

Согласно нашим наблюдениям, в современной медиакommunikации при номинации субъектов сведений журналист-повествователь употребляет различные субъектно-референциальные стратегии. Под *субъектно-референциальной стратегией* мы понимаем выбор адресантом языковых средств экспликации субъектных компонентов ссылочных конструкций в пространстве текста, соотносимых как с эмпирическими, так и с гипотетическими субъектами, используемые говорящим для реализации разных коммуникативных задач. Всего в медиатекстах выявлено четыре таких стратегии, три из которых опираются на эмпирических субъектов, и одна стратегия строится на гипотетических субъектах (Рис. 2).

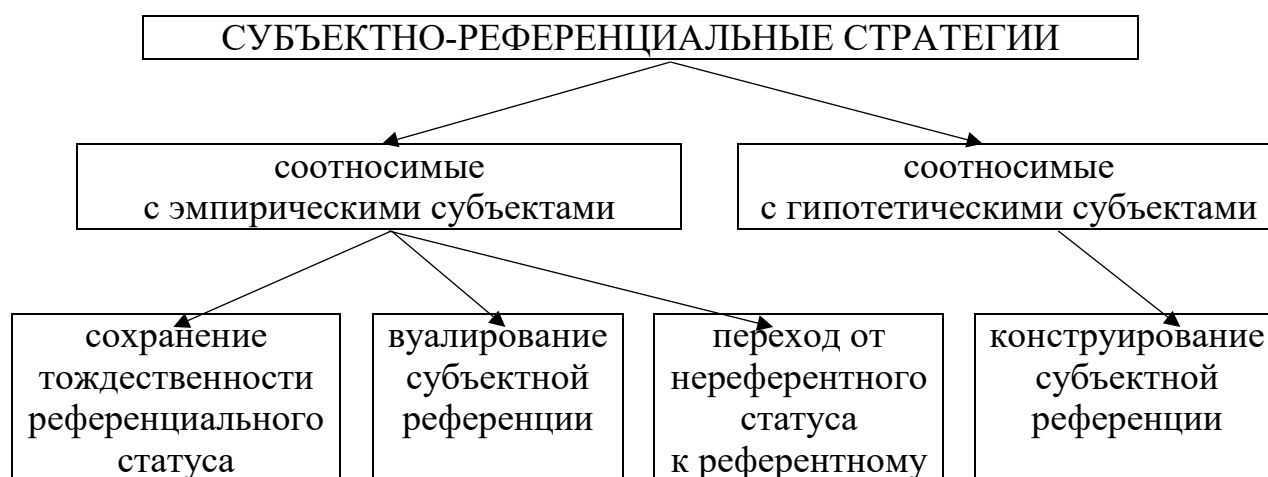

Рис. 2. Субъектно-референциальные стратегии в газетных текстах на английском и белорусском языках

Рассмотрим выявленные стратегии подробнее и начнем со стратегий первой группы, которые связаны с эмпирическими субъектами.

2.3.3.1. Сохранение тождественности референциального статуса

Языковым способом сохранения тождественности референциального статуса в пространстве целого текста является использование кореферентных номинаций в составе референциальной цепочки, при этом они находятся, как правило, в близком текстовом расположении. Естественной данная стратегия оказывается для определенных индивидуализированных субъектов, кодируемых полными и редуцированными референциальными выражениями:

³⁸ Данная проблема рассматривается также в рамках вопросов, связанных со стандартами эквивалентности (к примеру, информационной, логической, формальной, эмпирической эквивалентности) [Slier 2011].

Christopher Luxon said the report marked a “dark and sorrowful day” in New Zealand’s history. “As a society and as a state, we should have done better, and I am determined to do so,” **he** said. “I can not take away your pain but I can tell you this: today you are heard and you are believed,” **the prime minister** added ‘Кристофер Люксон заявил, что доклад ознаменовал «темный и печальный день» в истории Новой Зеландии. «Как общество и как государство мы должны были добиться большего, и я полон решимости сделать это», – сказал он. «Я не могу забрать вашу боль, но могу сказать вам следующее: сегодня вас слышат и вам верят», – добавил премьер-министр’ (The Guardian, 24.07.2024);

Аб гэтым заявіў **спецдакладчык на пытанні аб дастатковым жыцці Балакрышнан Раджаганал** на сесіі Савета па правах чалавека ААН у Жэневе. **Ён адзначыў**, што мільёны людзей жывуць у нефармальных паселішчах і аварыйных пабудовах. «Вельмі шмат людзей высяляюць з-за павышэння арэнднай платы, а колькасць бяздомных працягвае імкліва расці», – падкрэсліў **эксперт ААН** (Звязда, 19.04.2024).

В медиатекстах для кодирования одного и того же субъекта может использоваться не весь набор разнофункциональных единиц («индивидуализатор + местоимение + типизатор»), как в приведенных выше контекстах, а, к примеру, «индивидуализатор + местоимение» или «индивидуализатор + типизатор». Сравним:

The complaint, filed by the Trump campaign’s general counsel, David Warrington, argued that the Biden campaign could not rename its committee from “Biden for President” to “Harris for President” once Biden dropped out of the race on Sunday. “Federal candidates are prohibited from keeping contributions for elections in which they do not participate,” it added ‘В жалобе, поданной главным юрисконсультom предвыборного штаба Трампа Дэвидом Уоррингтоном, утверждается, что предвыборный штаб Байдена не может переименовать свой комитет с «Байден на пост президента» на «Харрис на пост президента» после того, как Байден выбыл из предвыборной гонки в воскресенье. «Федеральным кандидатам запрещено пользоваться взносами на выборы, в которых они не участвуют», – уточняется в ней’ (The Guardian, 24.07.2024);

Аб гэтым наведаміла **ТАСС** са спасылкай на партал Euractiv. Цытуючы вытрымку з ліста ... **крыніца** падкрэслівае важнасць аператыўнага вызначэння планаў і тэрмінаў (Звязда, 13.03.2024).

В цитируемых фрагментах кореферентными субъектами с определенным референциальным статусом выступают номинации *the complaint, filed by the Trump campaign’s general counsel, David Warrington* и *it / ТАСС* и **крыніца**, обладающие идентифицирующей, заместительной и типизирующей функциями соответственно.

Примером текстового референтного тождества для генерализованного субъекта могут служить следующие фрагменты из англо- и белорусскоязычной статей, в которых на всей протяженности текстовой ткани сохраняются как эквивалентный референциальный объем субъектной номинации, так и средство кодирования:

55 % of Americans say that the economy is getting worse. Most Americans have formed deeply set views that will be resistant to change '55 % американцев говорят, что экономика ухудшается. Большинство американцев сформировали глубоко устоявшиеся взгляды, которые будут устойчивы к переменам' (The Economist, 7.11.2023);

Експерты сцвярджаюць, што рызыка бяздомнасці вышэйшая ў сем'яў з дзецьмі і адзінокіх бацькоў; Па меркаванні экспертаў, прычынамі такой сітуацыі стаў рост цэн на жыллё і адсутнасць даступнай арэнднай платы (Звязда 19.04.2024).

В отношении нереферентного неопределенного субъекта тождество референциального статуса и объема тоже может сохраняться:

Attal is regarded by some as a master of political communication... It was seen by some as an ideological victory 'Некоторые считают Аттала мастером политического общения... Некоторые восприняли это как идеологическую победу' (The Guardian, 9.01.2024);

Некаторыя кажуць, што ўсё жыццё пераходзілі чыгуначнае палатно ў неўстаноўленым месцы і далей будуць гэта рабіць; І яны вельмі здзіўляюцца, што за той жа пераход чыгуначнага палатна там, дзе гэта забаронена, прадугледжана адміністрацыйная адказнасць (Звязда, 24.06.2022).

В англоязычных информационно-аналитических текстах кореферентность наименований неизвестного источника сведений в случае с полными референциальными выражениями с артиклевым употреблением устанавливается однозначно, несмотря на то, что неопределенный артикль в значении «некий» сменяется определенным артиклем, поскольку существует тесная связь между типом сообщаемой информации, средствами ее выражения и близкой текстовой позицией первичной и повторных номинаций источника, а замена артикля объясняется грамматическими и тема-рематическими причинами. Примером такого тождества может служить следующая референциальная цепочка: *according to a Reuters source* 'по данным источника агентства Рейтерс', *the Reuters source said* 'источник Рейтерс сообщил', *the source said* 'источник сообщил', *were reported by Reuters, citing a senior source close to the discussions* 'сообщило агентство Рейтерс со ссылкой на высокопоставленный источник, близкий к обсуждению'.

Данная стратегия является одной из самых представленных субъектно-референциальных стратегий в разных жанрах, которая может встречаться как в автономном виде, так и сочетаться с иными стратегиями. Это объясняется тем, что в сопоставляемых единицах анализа отсутствие изменений в референциальном статусе субъектов ссылочных конструкций на протяжении целого текста фиксируется в отношении всех референциальных разновидностей субъектов (в отличие от других стратегий, для которых характерны не все референциальные типы). Кроме того, стратегия предполагает реализацию доминантной функции ссылочных конструкций – делегирование ответственности за сообщаемое.

2.3.3.2. Вуалирование субъектной референции

В отличие от предыдущей субъектно-референциальной стратегии, основанной на прямом соотнесении языковых средств с кодируемым объектом действительности (независимо от возможности или невозможности идентификации читателем), рассматриваемая стратегия строится на непрямой отсылке к объекту действительности.

Субъектное вуалирование может быть обусловлено нежеланием говорящего по разным причинам указывать «конкретное лицо, которое хорошо известно автору высказывания» [Голуб 2005, с. 283]. В таких случаях фиксируется несовпадение субъектной референции для адресанта и адресата:

A friend once told me that BYO cocktails are the secret to getting your name at the top of every dinner party guest list ‘Один друг однажды сказал мне, что коктейли по принципу «приноси своё» – это секрет того, как ваше имя окажется на вершине списка гостей любой вечеринки’ (The Guardian, 22.06.2024);

Someone described it to me, but I have not seen it yet ‘Мне кто-то его описал, но я его еще не видел’ (The Economist, 12.09.2019);

А то адзін мой знаёмы скардзіцца: маўляў, за дзень не пачуў ніводнага ўдзячнага слова... «А колькі іх сам выказаў?» – пытаю яго. «Ды і не памятаю...» – адказвае (СБ, 30.07.2010);

Гэтую гісторыю мне раскажаў знаёмец, які да катастрофы на Чарнобыльскай АЭС жыў на Магілёўшчыне. Далей – з яго слоў... (Звязда, 14.12.2023).

Примером вуалирования субъектной референции в медиатекстах разных жанров может служить употребление обобщенно-собирательного «мы», за которым скорее всего стоит сам говорящий:

The owner of the house responded that the property had been left “in great shape and we hope Dennis and his colleagues will use it again in the future” ‘Владелец дома ответил, что его собственность была «в отличном состоянии, и мы надеемся, что Деннис и его коллеги снова воспользуются им в будущем»’ (The Times, 28.12.2022);

Як адзначыў у эфіры «Альфа Радыё» аналітык Беларускага інстытута стратэгічных даследаванняў Аляксей Аўдонін: «Мы неаднойчы казалі аб тым, каму ў рэальнасці належаць гэтыя тавары з тэрыторыі Украіны» (Звязда, 13.03.2024).

Вуалирование субъектов сведений в медиатекстах предопределяется не только намерениями говорящего, но и фондом знаний собеседников. Очевидное несовпадение фонда знаний собеседников в газетных текстах фиксируется в функции сокрытия источников, когда источник информации, вероятно, известен журналисту, но не идентифицируем читателем, что фиксируется в информационно-аналитических статьях:

A source at the Elysée said his appointment was about returning to the fundamentals of the president’s centrist politics. But the source also said that

making Attal prime minister was about “the fight against populism, which is quite strong in France ahead of the European elections” in June ‘Источник в Елисейском дворце сообщил, что его назначение было связано с возвращением к основам центристской политики президента. Но источник также сообщил, что назначение Аттала премьер-министром было связано с «борьбой с популизмом, который довольно силен во Франции в преддверии европейских выборов» в июне’ (The Guardian, 9.01.2024);

The well-orchestrated “palace coup” to stop the faltering president from seeking re-election had been in place for weeks, but stubborn Biden fought it every step of the way, a source close to the Biden family told. The insider also made clear the anger, paranoia and frustration Biden displayed as the party elite circled around him and piled on the pressure. “That debate was a set-up to convince Democrats that he couldn’t run for president,” the source said ‘Хорошо спланированный «дворцовый переворот», призванный помешать колеблющемуся президенту добиваться переизбрания, длился уже несколько недель, но упрямый Байден боролся с ним на каждом этапе пути, сообщил источник, близкий к семье Байденов. Инсайдер также ясно дал понять, какие гнев, паранойю и разочарование проявлял Байден, когда партийная элита окружала его и оказывала давление. «Эти дебаты были подстроены с целью убедить демократов в том, что он не может баллотироваться на пост президента», – сообщил источник’ (New York Post, 22.07.2024);

На сустрэчы міністраў замежных спраў краін НАТА ў Бруселі не будзе ўзнята пытанне аб тэрмінах уступлення Украіны ў альянс, наведаміла крыніца, блізкая да дыпламатычных колаў (Звязда, 5.12.2024).

Следует отметить, что подобные ссылки встречаются в белорусскоязычных газетных текстах редко и однократно (не в блочном или полноформатно-текстовом виде, характерном англоязычным информационно-аналитическим статьям) и могут сопровождаться упоминанием принадлежности анонимных источников другим изданиям, например: *Па словах крыніц амерыканскай газеты The Wall Street Journal (WSJ), Кіеў можа пайсці на заключэнне пагаднення...* (Звязда, 5.12.2024).

В отличие от белорусскоязычных газетных текстов, в которых ссылки на сокрытые источники осуществляются редко и переадресованно, активное использование ссылок на сокрытые источники в англоязычных газетных текстах объясняется наличием ряда специфичных социо- и медиакультурных явлений: «инсайдерской дружбы (*insider friendships*), предполагающей тесные связи между репортерами и людьми, о которых они пишут; конфликта интересов (*conflicts of interest*), при котором журналисты получают личную или финансовую выгоду от источников, спонсоров или рекламодателей; платной журналистики (*checkbook journalism*), при которой журналисты платят своим источникам за информацию» [Biagi Media impact 2000, p. 348].

Кроме того, только в англоязычных информационно-аналитических статьях вуалирование субъектной референции может быть следствием условия источника, который пожелал остаться анонимным и при гарантии конфиденциальности согласился поделиться данными, что может вербально маркироваться в медиатексте:

Two sources with knowledge of the case confirmed Thursday's indictment by Federal Police, which followed another formal accusation in May against Bolsonaro for allegedly falsifying his COVID-19 vaccination certificate. Both officials spoke on condition of anonymity because they weren't authorized to speak publicly 'Два источника, знакомые с делом, подтвердили обвинительное заключение Федеральной полиции, выдвинутое в четверг и последовавшее за другим официальным обвинением в мае против Болсонару в якобы фальсификации его сертификата о вакцинации против COVID-19. Оба чиновника говорили на условиях анонимности, поскольку их не уполномочили говорить публично' (Time, 4.07.2024);

This official, who requested anonymity, however added that the United States continued to oppose strikes deep into territory 'Этот чиновник, пожелавший остаться неизвестным, однако добавил, что Соединенные Штаты продолжают выступать против ударов вглубь территории' (Daily News, 23.07.2024);

Most of the women, who do not know each other, have chosen to remain anonymous. Alice, whose name we have changed to protect her identity, now realises that she wasn't fine 'Большинство женщин, которые не знают друг друга, предпочли остаться анонимными. Алиса, чье имя мы изменили, чтобы защитить ее личность, теперь понимает, что с ней не все в порядке' (The Sunday Times, 16.09.2023);

CK, a 35-year-old graduate student who did not want his name published, claimed asylum in Sweden after being imprisoned for nine months in Turkey 'СК, 35-летний аспирант, который не хотел, чтобы его имя было опубликовано, попросил убежища в Швеции после того, как провел девять месяцев в тюрьме в Турции' (The Guardian, 7.02.2024).

В белорусскоязычных медиатекстах такое употребление не встречается (за исключением опосредованных ссылок через другое издание типа *ананімныя крыніцы, на якія спасылаецца BBC News*), однако в художественно-публицистических жанрах вуалирование субъектной референции может происходить путем изменения имени собственного, возможно, вследствие того, что согласие на публикацию не было получено, или действующие персонажи не пожелали быть идентифицируемыми, или по иной причине. При таком парадоксальном употреблении для указания на определенный субъект действительности журналист использует языковые средства категории определенности, но идентифицировать субъект читателю не представляется возможным, а значит имеет место *псевдоопределенная референция*. Сравним:

Ніна, назавём яе так, усё прадумала, у галаве склала план, ну і падбіла сяброўку (Звязда, 12.01.2022);

На пачатку снежня Міхась Пятровіч (назавём яго так) спраўляў юбілей і чакаў гасцей (Звязда, 14.12.2023);

Ну яшчэ б – адзін (назавём яго Коля) сёння жаніўся... (Звязда, 15.02.2024).

Противоположный рассмотренному выше случай фиксируется, если для указания на определенный субъект адресант использует языковые средства категории неопределенности, но при этом адресат может идентифицировать завуалированный субъект, поэтому неопределенные местоимения как традиционные маркеры категории неопределенности (и, соответственно, нереферентного субъекта) таковыми не являются. В подобных контекстах имеет место *псевдонеопределенная референция*, при которой «говорящий “отсылает” собеседника к одному объекту, имея в виду другой объект, что представляет собой сложную коммуникативную инструкцию, требующую от адресата особых навыков инференции» [Шилихина 2011, с. 135-137] и знания «приемов речевых хитросплетений, при этом разгадка референции часто зависит от догадливости адресата» [Арутюнова 1982, с. 15]. Референциальный выбор нетривиальных способов номинации субъекта в высказывании коммуникативно значим, ситуативно обусловлен, позволяет реализовать разные прагматические задачи и требует от адресата разгадки.

В нашем материале встречаются контексты, в которых псевдонеопределенная субъектная референция не только требует от читателя разгадки на основе фоновых знаний, но и возможно некоторых усилий при поиске в дополнительных источниках:

Like someone famous said ‘Whenever I vote, we win’ ‘Как сказал кто-то известный: «Каждый раз, когда я голосую, мы побеждаем»’ (New York Post, 26.03.2021);

Somebody wise once said success has many fathers but failure is an orphan ‘Кто-то мудрый однажды сказал, что у успеха много отцов, а неудача всегда сирота’ (Metro, 3.09.2021);

Someone wise once said, “Interrogate the product until it confesses” ‘Кто-то мудрый однажды сказал: «Допрашивайте продукт, пока он не сознается»’ (Insider, 24.07.2024);

«Нішто так не небезпечно для любой країни, як абыякавість народу». Так сказаў адзін вядомы пісьменнік і меў абсалютна рацыю (Звязда, 01.06.2023);

Выходзіць, праўду сказаў адзін мудрэц: усяму свой час (СБ, 19.08.2019);

Хтосьці з мудрых сказаў: любіць усё чалавецтва агулам намнога больш проста, чым даць цеплыню і ўвагу канкрэтнаму чалавеку (Навіны Камянеччыны, 2.06.2013);

Хтосьці з мудрых заўважыў: «Настаўнік – прафесія ад Бога...» (Звязда, 4.10.2014).

В цитируемых фрагментах в порядке упоминания за неопределенной номинацией «кто-то известный» стоит Альберт Гор, вице-президент США в администрации Билла Клинтона; «кто-то мудрый» во втором контексте вуалирует тридцать пятого президента США Дж. Ф. Кеннеди и в третьем – английского художника и скульптора Робина Уайта; «один известный писатель» кодирует советского и российского мастера деревенской прозы В. Г. Распутина; мысль «одного мудреца» принадлежит библейскому

персонажу царю Соломону; номинация «кто-то из мудрых» кодирует в первом случае русского писателя, мыслителя, философа и публициста Ф. М. Достоевского и во втором случае древнегреческого философа Сократа.

Как видим, в приведенных контекстах наблюдается несовпадение языковых средств и референциальной характеристики субъекта: средства категории неопределенности используются для кодирования определенного объекта референции. Учитывая то, что для читателей газетных текстов не все цитируемые выше фрагменты легко узнаваемы и соотносимы с первоисточниками, на наш взгляд, вербализация субъектов речи журналистом реализуется в соответствии с «процессом “проектирования” получателя» (англ. *recipient design*), при котором адресант учитывает адресата при представлении информации» [Schiffrin 2005, p. 179–180]. Возможно, наряду с акцентом на сообщаемом, выбор журналистом способа кодирования конкретного субъекта средствами категории неопределенности осуществляется с учетом разнородной массовой аудитории: у осведомленного адресата декодирование зашифрованного субъекта не вызовет затруднений, поэтому подобное кодирование будет воспринято как апелляция к его осведомленности; у неосведомленного же читателя не создаст впечатления информационной перегруженности.

От рассмотренных выше следует отличать контексты с аналогичными по наполнению ссылочными конструкциями, которые не содержат псевдонеопределенный субъект, сравним:

Somebody wise once said that every journey starts with one step ‘Кто-то мудрый однажды сказал, что путешествие начинается с одного шага’ (CNP, 1.08.2018);

Хтосьці мудры сказаў, што, калі малюеш галінку, трэба чуць дыханне ветру (Звязда, 25.12.2019).

Здесь ссылочные конструкции вводят китайскую и японскую пословицы с неустановленным авторством, а сами конструкции не маскируют конкретный субъект речи, а значит содержат *неопределенный* субъект. Различие же с контекстами типа *адзін пісьменнік сказаў* и *one official said* ‘один чиновник сказал’, в которых фиксируется вуалирование субъектной референции и употребляется псевдонеопределенный и неопределенный субъект соответственно, заключается в наличии (для псевдонеопределенного субъекта) vs отсутствии (для неопределенного субъекта) возможности идентификации читателем.

2.3.3.3. Переход от нереферентного статуса к референтному

Данная субъектно-референциальная стратегия основывается на сужении референциальной области субъектов сведений в пределах текста, при котором происходит переход от обобщенной к конкретной референции. В исследуемых газетных текстах «нереферентная именная группа может получить

уточнение» [Яковлева 2011, с. 231]. В таких случаях коллективные субъекты по мере развертывания текста приобретают референтный статус, но референциальный объем при этом не эквивалентен:

Sweden's sizeable Kurdish population sees signs of rising repression after Turkey demanded action as price of Nato admission. Members of the sizeable Kurdish population say that Stockholm's diplomatic success has come at their expense. Kurdo Baksi, 58, a Swedish Kurdish commentator and author who moved to Sweden from Turkey as a child, believes, the sizeable group has been hit hard by the Swedish government's attempts to appease Erdoğan's demands 'Значительное курдское население Швеции видит признаки усиления репрессий после того, как Турция потребовала действий в качестве платы за вступление в НАТО. Представители значительной части курдского населения говорят, что дипломатический успех Стокгольма был достигнут за их счет. 58-летний Курдо Бакси, шведский и курдский комментатор и писатель, который в детстве переехал в Швецию из Турции, считает, что значительная группа сильно пострадала от попыток шведского правительства удовлетворить требования Эрдогана' (The Guardian, 7.02.2024);

Фермеры наведомілі, што Туск напрасіў іх пачакаць да 15 сакавіка, калі ён узніме шэраг важных для іх тэм на ўзроўні ЕС; Прадстаўнікі аграрыяў заявілі, што акцыі працягнуцца; Польскія сельгасвытворцы блакіруюць граніцу з Украінай і, наводле слоў прадстаўніка фермераў Анджэя Сабацинскага, аб спыненні пратэсту размова пакуль не ідзе (Звязда, 13.03.2024).

Проследим сужение референциального объема субъектных номинаций, которое обнаруживается не в соседних предложениях, а имеет довольно протяженный характер распределения по тексту статей: «значительное курдское население Швеции» → «представители значительной части курдского населения» → «58-летний Курдо Бакси, шведский и курдский комментатор и писатель»; «фермеры» → «представители аграриев» → «представитель фермеров Андрей Сабатинский». Сужение референциального объема субъектных номинаций до одного говорящего субъекта может иметь разные прагматические эффекты: от точного цитирования и передачи сведений до одностороннего освещения вопросов с «отфильтровыванием» как самих говорящих субъектов, так и сказанного ими с возможностью интерпретационной передачи их слов.

Переход от нереферентного к референтному статусу субъектной номинации в англо- и белорусскоязычных медиатекстах может фиксироваться и в отношении референциально диффузных номинаций, основанных на метонимичном переносе. Референциальная диффузность представляет собой одновременную отсылку наименования и к неодушевленному объекту, и к коллективу как к множеству, обуславливает кореференцию совокупности лиц и пространственного имени [Гапанович 2023, с. 76], обеспечивая групповую или коллективную агентивность [Forceville 2009; Langacker

2009/1], что позволяет масштабировать сообщаемое, придать весомость сказанному от имени коллективного субъекта. Примером ее реализации в медиатекстах могут служить случаи использования названий стран, регионов, городов, сфер деятельности и т. д. в качестве субъектов ссылочных конструкций:

*Filling out paperwork and paying for compliance lawyers to deal with new Dodd-Frank stipulations are burdensome extra costs, **banks say. Small banks complain** that federal regulation in the aftermath of the Dodd-Frank legislation is contributing to a decline in their numbers. It's an issue that resonates with Iowa bankers, says **John Sorensen, president and CEO of the Iowa Bankers Association*** 'Банки заявляют, что заполнение документов и оплата услуг юристов по соблюдению требований, которые будут заниматься новыми положениями Додда-Франка, являются обременительными дополнительными расходами. Мелкие банки жалуются, что федеральное регулирование после принятия закона Додда-Франка способствует сокращению их числа. «Это проблема, которая находит отклик у банкиров штата Айовы», – говорит Джон Соренсен, президент и генеральный директор Ассоциации банкиров штата Айовы' (Time, 21.05.2015);

Навука сцвярджае, што такое немагчыма, бо расліна размнажаецца спорами. Гэта рэліктавы від..., – *расказвае навуковы супрацоўнік лабараторыі біяразнастайнасці раслінных рэсурсаў Алеся Кручонак* (Звязда, 30.06.2015).

Отметим, что переход нереферентного статуса в референтный в тексте может и не происходить, сравним:

America has heard their fears for weeks now, and Israel is keen to preserve its recent diplomatic gains in the Arab world 'Америка уже несколько недель слышит их опасения, а Израиль стремится сохранить свои недавние дипломатические достижения в арабском мире' (The Economist, 7.11.2023);

Charities say this risks damaging survival chances for patients already suffering "unacceptably" long waits 'Благотворительные организации говорят, что это рискует снизить шансы на выживание пациентов, которые уже страдают из-за «неприемлемо» долгого ожидания' (The Times, 15.12.2022);

Уся Германія гаворыць пра «зорны час» Ангелы Меркель (Звязда, 24.09.2013);

Еўропа і Амерыка кажуць, што цяпер нявыгодна прадаваць актывы (Звязда, 22.04.2013);

Народная медыцына сцвярджае, што шыпышна зніжае артэрыяльны ціск... (Звязда, 24.07.2015).

2.3.3.4. Конструирование субъектной референции

В дополнение к рассмотренным выше референциальным стратегиям, сопряженным с эмпирическими субъектами, в медиатекстах встречается стратегия, основанная на *гипотетической* субъектной референции с опорой на мыслимые, возможные, неэмпиричные субъекты.

Гипотетические субъекты могут маркировать додуманную чужую речь, которую репрезентирует неопределенный сингулярный или генерализованный субъект в конструкции с глаголом речемыслительной деятельности в изъявительном наклонении (в обоих языках) и сослагательном наклонении (в английском языке) или совместно с модальным глаголом (в белорусском языке):

Some also will say that inflation has remained tame precisely because central banks have signalled such resolve in fighting it ‘Некоторые также скажут, что инфляция остается сдержанной именно потому, что центральные банки продемонстрировали такую решимость в борьбе с ней’ (The Guardian, 27.01.2023);

And if the news you consume is getting you worked up or worried – and some would say this is exactly the goal of much of today’s coverage – it’s probably not doing your health any favors ‘И если новости, которые вы читаете, вызывают у вас волнение или беспокойство, – а некоторые сказали бы, что именно это и является целью большей части сегодняшних репортажей, – они, вероятно, не принесут вашему здоровью никакой пользы’ (Time, 19.05.2020);

Нехта скажа: ды кінь ты! “Людзьмі звацца” можна й па-англійску ці па-кітайску (СБ, 17.03.2017);

Хаця нехта можа сказаць: маўляў, наш свет такі жорсткі, што няма куды гэтаму «дзякуй» прышчаміцца, трэба яго ледзьве не ўпрошваць, за ручку цягнуць... (СБ, 30.07.2010).

Специфичный белорусскоязычный маркер сконструированной чужой речи *маўляў* может соотноситься (как в примерах выше с *нехта*), так и не соотноситься с текстовыми претендентами на субъектную позицию, подразумевая максимально широкий круг лиц: *Перашкодай для галасавання на выбарах у Бельгіі сталі... смаўжы. Маўляў, малюскі сапсавалі павесткі, якія грамадзянам рассылаюць па пошце перад выбарамі* (Звязда, 14.06.2024). Различие в употреблении данного специфичного белорусского маркера при реализации разных стратегий детерминировано сочетанием с субъектным компонентом ссылочной конструкции и отношением к нему повествующего журналиста: если автор передает речь своего знакомого, не называя его, то реализуется стратегия вуалирования субъектной референции; если журналист воссоздает речь неопределенных лиц, то имеет место стратегия конструирования.

В других жанрах, в частности информационно-аналитических статьях, вкрапления додуманной (и неавторизованной) чужой коммуникации встречаются в составе прямой речи цитируемого эксперта и могут кодироваться обобщенной субъектной номинацией. В таких случаях в дополнение к приданию полемичности тексту, выражению оценки при определенной содержательной свободе и отражению хода рассуждения автора такие вкрапления могут реализовать манипулятивную стратегию, к примеру, «тактику приклеивания ярлыков», что влечет за собой «деформацию образа референта в создаваемом информационном поле» [Сальникова, Мишко 2016, с. 146].

В приведенных фрагментах прямой речи цитируемых экспертов эти говорящие эксперты моделируют (придумывают) слова повествующих генерализованных субъектов (в иллюстрируемых контекстах речь идет о демократах и американцах как коллективных общностях):

‘Democrats say that it is racist. Well, they say it’s racist to do anything. I had a diet Mountain Dew yesterday and one today and I’m sure they’re going to call that racist, too’ ‘«Демократы говорят, что это расизм. Ну, они говорят, что делать что-либо – это расизм. Вчера и сегодня я выпил диетический напиток Mountain Dew, и я уверен, что они тоже назовут это расизмом» (The Guardian, 23.07.2024);

Зразумела, што амерыканцам трэба зарабіць. І яны кажуць палякам: «Сябры, вы адкрываеце рынак, мы туды пастаўляем прадукцыю, зарабляем на вас і на ваших грамадзянах». Але ў Польшчы, гістарычна так склалася, вялізны аграрны сектар. Прытым прыватны сектар фермераў. І яны кажуць: нічога, маўляў, мы гэтых ваших фермераў збанкрутуем, яны для нас не ўяўляюць ніякай сілы, вы прымяніце паліцэйскія падраздзяленні, яны задушаць усе гэтыя бунты» (Звязда, 13.03.2024).

Моделирование неавторизованной чужой речи, мнения или оценки позволяет говорящему создать контраст и использовать ее как фон для введения либо экспертной, с которой журналист солидаризируется, либо собственной точки зрения для убеждения в правоте представленного далее в тексте подхода, который находится в более сильной коммуникативной позиции. Для этого в медиатекстах до введения сильной позиции может использоваться гипотетическая неспецифицированная субъектная референция, создавая «интересное взаимодействие контрдискурса, поддерживаемого предполагаемым оппонентом, и дискурса, поддерживаемого автором» [Bondi 2009, p. 5]:

And, while some would argue that the UK’s population has been growing too rapidly, we can not really claim economic success... ‘И хотя некоторые скажут, что население Великобритании растет слишком быстро, мы не можем заявлять об экономическом успехе...’ (The Times, 22.12.2024);

Нехта скажа, што скандынаўскія палкі – для пажылых людзей, але я перакананы, што фізічная нагрузка або разгрузка патрэбны кожнаму (Настаўніцкая газета, 18.11.2022).

Для читателя подобные субъекты могут а) маркировать отсылку на иные ресурсы, требующие дополнительного поиска более подробной информации; б) демонстрировать осведомленность журналиста по исследуемому вопросу с разных точек зрения; в) отражать автоматический характер процессов выбора типичных способов кодирования субъекта сведений в составе клишированных конструкций в целях стилистической экономии; г) трактоваться как продукт осознанного личного выбора автора статьи для выстраивания аргументации.

Гипотетическую субъектную референцию могут осуществлять нереферентные субъектные номинации, к которым относят «качественные и оценочные имена, существительные с явной характеризующей функцией» [Гусева 2017, с. 25–26]. В текстах обеих лингвокультур гипотетическую субъектную референцию данного типа представляют нарицательные существительные, которые выполняют характеризующую функцию и сопровождаются оценочными лексическими единицами, выполняя функцию развертывания повествования, придания полемичности или усиления аргументации, например:

*Many **Biden-sceptics** in China note, with alarm, how the Democrat has taken to chiding Mr Trump for being soft on Chinese human-rights abuses* ‘Многие скептически настроенные к Байдену люди [дословно Байден-скептики] в Китае с тревогой отмечают, как демократ начал упрекать Трампа за мягкость в отношении нарушений прав человека в Китае’ (The Economist, 11.06.2020);

*Некаторыя «**вастракі**» і так **кажуць**: ад «дзякуй» сыты не будзеш* (СБ, 30.07.2010).

Придание полемичности и введение контрастивных точек зрения в медиатекст может осуществляться и при помощи *псевдореферентных (псевдоопределенных) номинаций*. Они представляют собой особый вид семиотической связи между планом выражения и планом содержания языковых знаков с учетом физического несуществования объекта-референта, природа и механизмы которой отражают когнитивные (воображение, фантазия, понимание и т. д.), семиотические (референция, прагматика и т. д.) и лингвокультурологические аспекты коммуникации для построения «возможного мира» или для реализации идиостиля автора [Кулакова 2010]. В исследовательском материале представлены случаи цитирования несуществующих субъектов, которые являются продуктом творческой фантазии писателя:

*“When sorrows come, they come not single spies but in battalions.” Much like the phrase, “When it rains, it pours,” **the antagonist Claudius in Shakespeare’s Hamlet expresses in military terms how bad things usually come in groups rather than on their own*** ‘«Когда приходят печали, они приходят не одинокими лазутчиками, а целыми батальонами». Подобно фразе «Когда идет дождь, он льёт», антагонист Клавдий в шекспировском «Гамлете» выражает в военных терминах, что плохие вещи обычно приходят группами, а не по отдельности’ (CGTN, 24.05.2023);

Don Quixote says his quest is to destroy injustice ‘Дон Кихот говорит, что его цель – уничтожить несправедливость’ (The Guardian, 13.02.2003);

*Увогуле дзіўна тасуецца калода, як **казаў булгакаўскі персанаж*** (Звезда, 11.07.2013).

Вядомы літаратурны персанаж Астан Бэндэр сцвярджаў, што ёсць 400 параўнальна сумленых спосабаў адабрацца грошай у насельніцтва (Маяк Прыднястроўя, 07.09.2017).

Введение персонажа художественного произведения существенно обогащает идейно-проблемное содержание текста, наращивает его духовный заряд, увеличивает воздейственную эстетическую и этическую мощь, увеличивает убедительность и обогащает идейную логику повествования [Рябуха 2018, с. 141].

В белорусскоязычных медиатекстах в составе конструкции-фразеологизма «як той казаў» (синонимичной бессубъектной конструкции «кажуць») встречается псевдореферентный субъект «тот», который маркирует введение в текст элементов культурологического фонда в полном или редуцированном (но легко узнаваемом и мысленно реконструируемом) виде: *А дома, як той казаў, і сцены дапамагаюць* (Звязда, 01.11.2021); *Як той казаў, у страхавочы вялікія* (Звязда, 23.05.2017); *Аднак, як той казаў, не капай яму іншаму...* (Звязда, 15.05.2022). Как правило, эта конструкция выполняет функцию попутного замечания и маркирует введение фрагмента пословицы, которая позволяет «включить адресата в личную сферу говорящего и создать впечатление узнаваемости ситуации» [Фролова 2008, с. 31]. В отношении данной специфичной для белорусского языка конструкции не всегда имеет место апелляция к общему культурному фонду знаний (пословицам и т. п.), сравним: *Гэта менавіта тыя, як той казаў, «дэпрэсійныя» раёны, перад кіраўніцтвам якіх стаіць задача дасягнуць узроўню паспяховых* (ГК, 01.11.2021). В современном языкознании для данной конструкции установлены разные функции, в том числе стилизация разговорной речи, апелляция к осведомленности адресата и др. [Канюшкевіч 2021, с. 79].

На рисунке ниже обобщим выявленные нежесткие корреляции между субъектно-референциальными стратегиями, участвующими в их осуществлении референциальными разновидностями субъектов и прагматическими функциями, которые выполняют исследуемые конструкции в изучаемых текстах.

Т а б л и ц а 2

Корреляции субъектно-референциальных стратегий, типов субъектов и прагматических функций, реализуемых ссылочными конструкциями в англо- и белорусскоязычных газетных текстах

Субъектно-референциальная стратегия	Референциальный тип субъекта	Прагматические функции
сохранение тождественности референциального статуса	определенный, обобщенный, неопределенный	делегирование ответственности за сообщаемое, апелляция к авторитету
вуалирование субъектной референции	обобщенно-собираательный («мы»), неопределенный (сокрытый и анонимный), псевдоопределенный, псевдонеопределенный	маскировка признания, акцент на сообщаемом, сокрытие источника, апелляция к осведомленности адресата
переход от нереферентного к референтному статусу	обобщенный, определенный	придание масштабности, одностороннее освещение

конструирование субъектной референции	гипотетический (неопределенный, обобщенный, псевдоопределенный)	создание контраста точек зрения, манипулятивность, фон для введения мнения автора, отправная точка для развертывания повествования, усиление аргументации, апелляция к общему культурному фонду знаний, обогащение содержания, усиление воздействующе- эстетической функции
--	--	--

Сводные данные по количественной представленности субъектно-референциальных стратегий в анализируемых газетных текстах на английском и белорусском языках приведены ниже на Диаграмме 3.

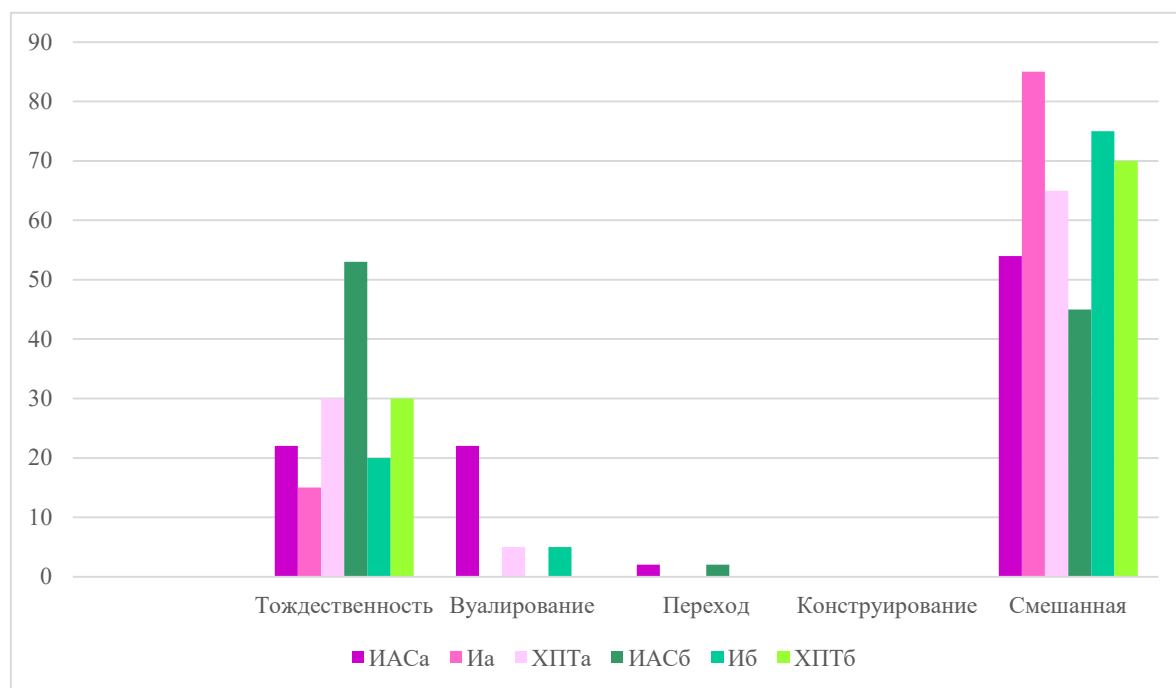

Диаграмма 3. Представленность субъектно-референциальных стратегий в газетных текстах на английском и белорусском языках, %

Как видно из диаграммы, в газетных текстах на английском и белорусском языках: 1) доминантной является смешанная группа стратегий во всех жанрах кроме информационно-аналитических статей на белорусском языке, где преобладает тождественность референциального статуса (53 %); 2) второй по представленности выступает тождественность референциального статуса (во всех жанрах за исключением информационно-аналитических статей на белорусском языке); 3) стратегия вуалирования субъектной референции является лингво- и жанровоспецифичной: в самостоятельном виде она представлена в англоязычных информационно-аналитических

статьях (22 %) и художественно-публицистических текстах (5 %), а также в белорусскоязычных интервью (5 %); 4) стратегия перехода из нереферентного в референтный статус в автономном употреблении свойственна лишь информационно-аналитическим статьям на английском (2 %) и белорусском (2 %) языках и имеет незначительную представленность; 5) стратегия конструирования субъектной референции в автономном виде в газетных текстах не встречается и может использоваться только совместно с другими стратегиями.

Количественные данные свидетельствуют о том, что именно стратегия вуалирования субъектной референции оказывает влияние на распределение процентной представленности стратегий в сопоставляемых текстах на двух языках. Так, стратегия вуалирования субъектной референции в информационно-аналитических статьях на белорусском языке в автономном виде не встречается, а доли стратегии тождественности (53 %) и смешанной (45 %) компенсируют то, что в англоязычных газетных текстах распределяется между тремя стратегиями: тождественность (22 %), вуалирование (22 %) и смешанная (54 %). Значительная доля текстов со стратегией вуалирования субъектной референции в англоязычных информационно-аналитических статьях объясняется частым употреблением ссылок на сокрытые источники, что детерминировано социокультурной спецификой. Поскольку ссылки на сокрытые источники не характерны для белорусскоязычных информационно-аналитических статей (в автономном виде данная стратегия для целого медиатекста на белорусском языке не используется), то в них преобладает стратегия сохранения тождественности референциального статуса субъекта.

Стратегии перехода, при которой обобщенные субъекты получают уточнение и переходят из нереферентного статуса в референтный, не характерна для текстов интервью ни в автономном, ни в смешанном виде. Отсутствие данной стратегии в текстах интервью объясняется тем, что в медиатекстах уточнение может иметь довольно протяженный характер и находиться не в рамках предложения или абзаца, а в широком контексте, а для придания элемента определенности референции именной группы оказывается необходимым создавать целую цепочку, имеющую сложную информационную структуру, которая для интервью не релевантна из-за отсутствия необходимости в таком многослойном строении ссылочных конструкций с постепенным сужением референциального объема до референтного представителя группы.

Отсутствие в сопоставляемых газетных текстах стратегии конструирования субъектной референции в автономном виде объясняется одной из основных функций медиатекстов – функцией информирования, согласно которой ссылки осуществляются на эмпирических субъектов, а гипотетические субъекты могут быть инкорпорированы в газетный текст в качестве дополнительных источников сведений для реализации определенных прагматических задач, что и объясняет употребление данной стратегии только совместно с другими стратегиями.

Выводы по главе 2

Для маркирования субъектной референции в английском и белорусском языках используются два основных способа: 1) полный, реализуемый посредством именных групп; 2) редуцированный, осуществляемый местоимениями и нулевыми знаками, подразумевающими наличие субъекта. В качестве дополнительных средств субъектного маркирования, в отношении которых существует языковая специфика, применяются контекстные уточнители. Референтное употребление, которое реализуется в определённой субъектной референции, позволяет адресату идентифицировать субъект. Нереферентное употребление, которое может иметь формы генерализованной или неопределённой субъектной референции, не идентифицируется адресатом и соотносит средство кодирования с классом субъектов или воплощается в неопределённости при обозначении источников.

В ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов исследуемых жанров преобладает определённая референция, вербализуемая именами собственными, именами нарицательными с актуализаторами-детерминативами или семантическими уточнителями, личным местоимением первого лица единственного числа. Неопределённые местоимения в автономном или совместном с нарицательными существительными употреблении, третьеличные нули без уточнителей и в английском языке неопределённый артикль в значении 'некий' совместно с существительным маркируют неопределённую субъектную референцию, которая является второй по представленности в разных жанрах, кроме англоязычных интервью и белорусскоязычных информационно-аналитических статей. Наименее распространённая обобщённая субъектная референция эксплицируется существительными в единственном или множественном числе в родовом значении, местоимениями или местоименными выражениями со значением всеобщности или собирательности и третьеличными нулями с локативными детерминантами. Дейктические единицы и референциальные цепочки с текстовым тождеством референта применяются в медиатекстах для субъектов всех референциальных типов в референтном и нереферентном употреблении.

Чужие (третьеличные) дискурсивные голоса в *референтном* статусе, которые включают индивидуализированные, коллегиальные и институциональные субъекты, а также документальные и медийные источники не только создают эффект авторитетности и весомости, но и в случае ссылок на ученых или результаты исследований осуществляют междискурсивную трансферизацию знаний из научного в медиадискурс, способствуя информативности медиатекстов в результате популяризации научных данных, а в случаях цитирования писателей / поэтов обеспечивают взаимодействие медийного и художественного дискурсов, содержательно обогащая медиатекст в результате комплексной аргументативно-эстетической функции. В случаях инкорпорирования в газетный текст выступлений третьеличных субъектов из группы государственных и общественных деятелей происходит взаимодействие

медийного и официально-делового дискурсов. При передаче сведений от имени экспертных организаций предоставляется институциональная поддержка, а при упоминании медийного источника может осуществляться усложнение структуры ссылок на авторитетные субъекты, реализуя делегированную правовую ответственность и соблюдение авторских прав. Неэкспертные референтные субъекты маркируют свидетельское повествование в качестве очевидцев или участников событий и демонстрируют взаимодействие медийного и разговорного дискурсов. Современные цифровые инструменты верификации дают возможность адресату, в случае необходимости, проверить точность и полноту сказанного от имени референтных авторитетных субъектов.

Чужие (третьеличные) дискурсивные голоса в *нереферентном* статусе при кодировании с использованием традиционных единиц со значением экспертности также способны активировать коммуникативный прием «ссылка на авторитет» и могут употребляться в неспециализированном (без сопроводительных единиц) и специализированном (с языковыми единицами, модифицирующими качественное или количественное наполнение субъектного компонента) виде. В случаях совместного использования экспертных и неэкспертных дискурсивных голосов в тексте реализуется переключенная субъектная референция, которая может маркировать солидаризированные или контрастные мнения. При противопоставлении мнений специалистов и неспециалистов, которое строится на дихотомии научного и бытового представления, журналист, как правило, солидаризируется с экспертным мнением и дистанцируется от мнения неспециалистов, что может маркироваться авторскими комментариями. Наличие неидентифицируемых трансферизаторов научных данных в форме документальных источников может быть обусловлено отсутствием необходимости / возможности точного языкового кодирования, а их упоминание может выполнять функцию попутного замечания в качестве аргумента для убедительного изложения. Подразумеваемые нереферентные субъекты выступают инструментами дистанцирования журналиста, снижения ответственности за сообщаемое, нейтральной констатации или оценочно-толковательной подачи сведений. Англоязычным медиатекстам свойственно наличие анонимных субъектов и субъектов слухов.

Перволичный дискурсивный голос в референтном статусе может вводить субъективное мнение журналиста или иного повествующего субъекта, а также осуществлять междискурсивную трансферизацию знаний от имени эксперта, который делится научными данными; а перволичный дискурсивный голос в нереферентном статусе помогает говорящему солидаризоваться с аудиторией, создавать совместную с читателем реальность и коллективную с адресатом ответственность за сообщаемое.

Переплетение в медиатекстах дискурсивных голосов разного референциального статуса, которые вводят иностилевые элементы в виде, к примеру, выступлений государственных и общественных деятелей, терминологических включений из разных научных областей, разговорной лексики и неос-

ложненного синтаксиса, фрагментов из художественной литературы, свидетельствует о взаимодействии медиа- с официально-деловым, научным, обиходно-бытовым и художественным дискурсами.

В редких случаях в газетных текстах на английском и белорусском языках использование разных дискурсивных голосов в составе референциальной цепочки приводит к референциальному конфликту независимо от референциального статуса субъекта. Возникновение референциального конфликта в медиатекстах обеих лингвокультур может происходить в результате: 1) различий в грамматических категориях рода и числа у антецедента и анафорического местоимения; 2) употребления контекстуального гиперонима, который может соотноситься одновременно с несколькими активированными гипонимами; 3) языковыми единицами неименного статуса, обладающими референциальной неоднозначностью (в англоязычных медиатекстах *reportedly* ‘как сообщается / как сообщают / по некоторым сведениям’; в белорусскоязычных текстах *маўляў*). В газетных текстах референциальный конфликт либо разрешается когнитивно-дискурсивными факторами, либо не разрешается в случаях сохранения субъектной альтернативы на протяжении всего текста.

В газетных текстах на английском и белорусском языках обращение к субъектным компонентам ссылочных конструкций осуществляется в соответствии с четырьмя субъектно-референциальными стратегиями, три из которых связаны с эмпирическими субъектами (сохранение тождественности референциального статуса субъекта, вуалирование субъектной референции и переход от нереферентного к референтному статусу, сопровождающийся сужением границ референтной области) и одна – с неэмпирическими субъектами (конструирование субъектной референции). Стратегия сохранения тождественности референциального статуса фиксируется в пространстве всего медиатекста в автономном употреблении. Стратегия вуалирования субъектной референции используется в исследуемых жанрах избирательно: в интервью на двух языках она привлекает средства псевдонеопределенной субъектной референции; в художественно-публицистических жанрах и интервью может быть следствием желания говорящего завуалированно высказаться о знакомом человеке; в англоязычных информационно-аналитических статьях может отражать несовпадение фонда знаний журналиста и читателя в отношении сокрытых источников сведений, что может быть результатом договоренности с источником, предоставившим информацию на условиях анонимности; в белорусскоязычных художественно-публицистических текстах может применяться для изменения имен собственных повествующих субъектов.

Стратегии перехода от нереферентного к референтному статусу в автономном виде представлена лишь в информационно-аналитических статьях на обоих языках, а в других изучаемых жанрах так же, как и стратегия конструирования субъектной референции употребляется лишь совместно с другими стратегиями. При этом последняя не встречается в текстах интер-

вью из-за отсутствия у интервьюируемого необходимости постепенного, ступенчатого сужения референциального объема субъектной номинации. Стратегия конструирования субъектной референции встречается в текстах разных жанров в форме гипотетических и псевдореферентных номинаций, маркирующих вкрапления додуманной чужой речи, а в белорусскоязычных медиатекстах встречается специфичный псевдореферентный субъект в составе конструкции-фразеологизма «як той казаў».

Субъектно-референциальные стратегии демонстрируют определенные нежесткие корреляции с прагматическими функциями в исследуемых медиатекстах. Стратегия тождественности референциального статуса для всех разновидностей субъектов коррелирует с передачей ответственности за сообщаемое и ссылкой на авторитет при употреблении единиц со значением экспертности. Наряду с делегированием ответственности за сказанное, стратегия вуалирования субъектной референции соотносится с такими прагматическими функциями, как: маскировка признания анонимного источника, акцент на сообщаемом, апелляция к осведомленности адресата. Переход от нереферентного к референтному статусу в результате сужения референциального объема субъекта может придавать масштабность сведениям или односторонне освещать проблему. Самый широкий спектр прагматических функций обнаруживается у стратегии конструирования субъектной референции благодаря определенной содержательной свободе при передаче слов гипотетического субъекта, что может создать контраст мнений, реализовать манипулятивные тактики, служить фоном для введения собственной позиции или отправной точкой для развертывания повествования, усиливать аргументацию или воздействующе-эстетическую функцию, апеллировать к общему культурному фонду знаний и др.

ГЛАВА 3. ЗНАЧИМОСТЬ СУБЪЕКТНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ДЛЯ КАТЕГОРИЙ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В первой главе был очерчен перечень медиатекстовых категорий, в манифестации которых участвуют разные дискурсивные голоса, которым принадлежит первоначальное авторство передаваемой в газетных текстах информации: авторизация, деавторизация, эвиденциальность, интертекстуальность и достоверность. С учетом того, что деавторизация во взаимодействии с авторизацией будет рассмотрена в отдельной главе ввиду особой значимости субъектной референции для их разграничения и функционирования, в данной главе сосредоточимся на рассмотрении участия субъектов ссылочных конструкций в манифестации категорий эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности.

3.1. Роль референциальных характеристик субъектов в экспликации эвиденциальности в газетных текстах

Поскольку в экспликации эвиденциальных значений участвуют субъекты разных референциальных типов, необходимо определить роль референциальных характеристик субъектов в ссылочных конструкциях в реализации разновидностей категории эвиденциальности.

3.1.1. Выражение перволичными дискурсивными голосами ссылочных конструкций значений прямой и инференциальной эвиденциальности

В англо- и белорусскоязычных газетных текстах в случае с *прямой эвиденциальностью* указание на источник информации, доступной сенсорному восприятию говорящего, позволяет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие. Традиционные вербально выраженные³⁹ сигналы с указанием субъекта эвиденциального значения в ссылочных конструкциях – маркеры прямой эвиденциальности – используются в медиатекстах для передачи сведений:

а) от имени журналиста при повествовании от первого лица: *On the Continent, I saw they didn't refrigerate Tropicana* 'На континенте я видел, что они не охлаждают напиток Тропикана' (The Times, 18.04.2023); *Вось тут я на свае вочы набачыў, як упэўнена гэты чалавек паважаных гадоў кіруе машынай, лёгка манеўрыруючы на вузенькіх колішніх вуліцах Мінска* (ЛіМ, 11.02.2022);

³⁹ Если личное свидетельство наблюдаемой ситуации вычитывается из контекста или становится понятным из ситуации, то прямая эвиденциальность не имеет вербальных средств выражения, а субъект-повествователь является несомненно референтным ввиду своей сингулярности и соотнесенности с единственным референтом во внеязыковой действительности. Такие случаи мы не анализируем, т.к. для нашего исследования важно наличие в поверхностной структуре высказывания ссылочных конструкций.

в) от имени свидетелей, очевидцев событий, отличных от журналиста-повествователя, с использованием прямой речи: “...*I saw with my own eyes that their vision burnt so brightly it scorched everything that stood in their way,*” *he says* ‘«...я видел своими глазами, что их зрение горело так ярко, что сжигало все, что стояло на их пути», – говорит он»’ (The Sunday Times, 24.07.2011); *Вось што расказваў Уладзімір Юльянавіч Кротаў: «На свае вочы бачыў на вуліцы трупы людзей у лужынах крыві, раскіданыя на дарозе адзенне, пасмы валасоў, парваныя грошы, дамашнія рэчы»* (Звязда, 25.04.2023).

От случаев реализации прямой эвиденциальности необходимо отличать случаи реализации иных категорий в контекстах, демонстрирующих наличие традиционных экспликаторов прямой разновидности, которые не выражают эвиденциальных значений. Такие случаи выявлены при повествовании от имени интервьюируемого эксперта, очевидцев событий, журналиста в контекстах:

1) содержащих оценку:

Over the course of two days, I saw and heard the true horror of war ‘В течение двух дней я увидел и услышал истинный ужас войны’ (The Times, 31.01.2023); *What I have seen with my own eyes is breaking my heart for ever...* ‘То, что я видела своими глазами, навсегда разбивает мне сердце...’ (The Times, 30.04.2022); *But no amount of training and experience could have prepared us for the harrowing scenes we witnessed...* ‘Но никакое обучение и опыт не смогли подготовить нас к ужасающим сценам, свидетелями которых мы стали...’ (Time, 26.10.2023);

Зараз мы на свае вочы назіраем раскол у сусветным паралімпійскім руху (Звязда, 26.03.2023); *Мы бачым новыя рызыкі і выклікі на захадзе Саюзнай дзяржавы, абвастэрэнне становішча на межах дзяржаў – членаў АДКБ* (Звязда, 12.09.2021);

2) при передаче прямой речи цитируемого лица с предикатом, употребленным не в перцептивном, а эпистемическом значении (*see* ‘to understand something’ ‘понимать что-либо’; *hear* ‘to be told some information’ ‘узнать какую-то информацию’ [dictionary.cambridge.org]; *бачыць* ‘звяртаць увагу, заўважаць, уяўляць у думках’; *назіраць* ‘заўважаць ўласцівасці, асаблівасці’; *чуць* ‘мець якія-н. звесткі, паведамленне; ведаць з размоў, чутак пра каго-, што-н.’ [skarnik.by]):

Asked if the US had confronted Egypt about a covert arms deal with Russia, Kirby said: “...We have seen no indication that Egypt is providing lethal weaponry capabilities to Russia” ‘На вопрос, противостояли ли США Египту по поводу тайной сделки с Россией, Кирби сказал: «...Мы не заметили никаких признаков того, что Египет поставляет смертоносное оружие России»’ (The Times, 11.04.2023); *But we soon heard from the government that they*

wanted Uber to restart operations to help to provide essential transportation ‘Но вскоре мы узнали от правительства о том, что они хотят, чтобы Uber возобновил работу, чтобы помочь обеспечить необходимый транспорт’ (The Times, 31.01.2023);

*І, як **мы бачым** на Захадзе, риторыка таго ж Трампа ці еўрапейскіх лідараў стала нават больш цынічнай* (Звязда, 21.01.2025); ***Мы бачым**, што нашы вытворцы тых жа халадзільнікаў цяпер знаходзяцца ва ўмовах вельмі жорсткай канкурэнцыі з-за паралельнага імпарту і незразумелай цэнавай палітыкі* (Звязда, 23.05.2023).

Несвидетельское повествование могут подчеркивать обстоятельственные детерминанты, характеризующие действие как протяженное во времени:

We’ve seen our European friends do it that way for years ‘Мы наблюдали, как наши европейские друзья делали это годами’ (The Times, 18.04.2023); ***We are living in a new age. No, not the age of post-truth, which we’ve all heard so much about over the last couple of years*** ‘Мы живем в новом веке. Нет, не в веке постправды, о котором мы все так много узнали за последние пару лет’ (The Economist, 14.08.2018);

*...я заўсёды **бачу** адно і тое ж: да мяне, вельмі, відаць, маленькай, нахіляецца чалавек, твар якога, калі ён схіляе галаву, зацяняе густая льняная шавялюра...* (Звязда, 15.04.2023); *Гэта праблемы ЖКГ, аб чым **мы чуем і бачым** пастаянна, добраўпарадкаванне тэрыторыі* (Звязда, 09.01.2025); ***Пакуль мы бачым**, што выгаду атрымалі хіба што фармацэўтычныя кампаніі, якія распрацоўвалі вакцыны, а таксама лекі ад усіх названых сімптомаў і сіндрому пастковіду* (Звязда, 05.06.2023).

Если в пропозициях не содержится сообщаемый факт с указанием источника, что имеет определяющее значение для выявления эвиденциальной семантики высказывания, а осуществляется субъективированная подача сведений, то реализуется а) *категория авторизации*, конституируемая конструкциями с референтным перволичным субъектом, или б) *категория деавторизации*, репрезентируемая конструкциями с нереферентным перволичным субъектом.

В случаях, когда повествующий субъект озвучивает собственные выводы, открыто актуализируя себя как субъекта инференции посредством соответствующих ссылочных конструкций, манифестируется *инференциальность* с перволичным субъектом. Введение собственного вывода говорящего может осуществляться на основании:

а) личного мнения и предположения:

I think** we’re at the end of the era where it’s going to be these, like, giant, giant models* ‘Я думаю, что мы находимся в конце эпохи, когда будут такие гигантские, гигантские модели’ (The Economist, 20.04.2023); ***I believe that increasing the budget for these areas would contribute to Japan’s economic growth ‘Я считаю, что увеличение бюджета на эти направления будет способствовать экономическому росту Японии’ (The Economist, 26.05.2022);

Думаю, постсавецкія краіны нас падтрымалі б і праўда была б на нашым баку (Звязда, 03.05.2023); *І, канешне, дабівацца вяртання на міжнародную арэну, дзе нашы спартсмены, я ўпэўнены, будуць паказваць яшчэ лепшыя вынікі* (Звязда, 03.05.2023);

б) личного опыта или знаний, что может маркироваться эксплицитно единицами *from experience* / *na сабе* в конструкциях с фактивными предикатами:

I know from experience that governments can change the perception that public-sector work is corrupt and uninspired... ‘Я знаю по опыту, что правительства могут изменить представление о том, что работа в государственном секторе коррумпирована и лишена вдохновения...’ (The Economist, 7.12.2020); *I know from experience in government that hedging risks is not a priority for public officials* ‘Я знаю из опыта работы в правительстве, что хеджирование рисков не является приоритетом для государственных служащих’ (The Economist, 25.05.2021);

Па сабе ведаю, што не заўсёды выходзіць першы раз выдатна, але трэба не спыняцца, галоўнае – верыць у сябе і свае сілы! (Звязда, 29.03.2023); *Па сабе ведаю, што такі падыход заўсёды дае вынік* (Звязда, 03.05.2023).

Подобные контексты конституируют нерасчлененность значений *инференциальной эвиденциальности* и *авторизации*. Однако если в субъектно-предикатных маркерах *инференциальной эвиденциальности* перволичный дискурсивный голос является *нереферентным*, то соответственно реализуется категория *деавторизации*:

The all-nighters, the pizza deliveries, the stormings-in and flouncings-out – these are reported as signs of crisis or failure, but we know from experience that they can indicate an imminent result ‘Ночные дежурства, доставка пиццы, вторжение и исчезновение – все это считается признаками кризиса или неудачи, но по опыту мы знаем, что они могут указывать на неизбежный результат’ (The Economist, 3.11.2021);

Мы за гады працы вывучылі розны вопыт і разумеем, што ў кожнай краіны свой шлях (Звязда, 29.04.2023).

3.1.2. Реализация третьеличными дискурсивными голосами значений косвенной эвиденциальности

Основное назначение косвенной эвиденциальности состоит в разграничении своей / чужой речи и информировании адресата от имени первоисточника. В результате употребления третьеличных дискурсивных голосов в референтном статусе в составе маркеров косвенной эвиденциальности, вводящих чужую речь (для которой наполнение может быть любой природы: фактивной, прогностической, интерпретативной и др., и важен сам факт речевого действия), репрезентируются *эвиденциальные* и *авторизационные* значения:

“We are engaging with allies and partners over this...” Vedant Patel, the state department spokesman, said ‘«Мы взаимодействуем с союзниками и партнерами по этому вопросу...», – заявил официальный представитель госдепартамента Ведант Патель’ (The Times, 11.04.2023);

John Kirby, national security spokesman, said: “The Department of Defence acted very swiftly...” ‘Джон Кирби, представитель национальной безопасности, сказал: «Министерство обороны действовало очень быстро...»’ (The Times, 11.04.2023);

«Беларусь вылучыла ініцыятыву паскарэння працэдуры ўступлення ў ШАС», – паведаміў «Звяздзе» Чжан Хайчжоў (Звязда, 30.05.2023);

«У апошнія 20-30 гадоў краіна ў цэлым вельмі выразна і рэзка рухалася да паслаблення законаў аб нашэнні зброі», – заўважыў прафесар Вашынгтонскага ўніверсітэта Алі Роўхані-Рахбар (Звязда, 2.04.2023).

Однако вне передачи прямой или косвенной речи и сообщаемой фактуальной пропозиции подобные языковые маркеры реализуют авторизацию без экспликации эвиденциального значения, например:

The royal college has refused to back down, committing only to providing “emergency cancer services” ‘Королевский колледж отказался пойти на уступки, взяв на себя обязательство предоставлять только «экстренные услуги по лечению рака»’ (The Guardian, 25.11.2022);

Прэзідэнт Ізраіля Іцхак Герцаг таксама выступае супраць рэформы (Звязда, 19.03.2023).

Если в англо- и белорусскоязычных медиатекстах чужие дискурсивные голоса как источники сообщаемого представлены нереферентными обобщенными или неопределенными субъектами, то реализуется косвенная эвиденциальность и деавторизация:

Many said that this war would be over in three days ‘Многие говорили, что эта война закончится через три дня’ (The Times, 31.01.2023); *A source said that after years of negotiations the bank felt it was reaching “the end of the road” in the relationship* ‘Некий источник сказал, что после нескольких лет переговоров банк почувствовал, что достиг «конца дороги» в отношениях’ (The Times, 7.06.2023);

Спецыялісты адзначаюць, што спажыванне алею можа перасягнуць вытворчасць другі сезон запар (Звязда, 22.11.2024); *«Я тут, каб пратэставаць супраць рэформы ў законе і пратэставаць супраць нашага прэм’ер-міністра, якога мы называем «міністрам па справах злачыннасці», – гаворыць адна з пратэстоўцаў* (Звязда, 19.03.2023).

При усложнении структуры отсылок к источникам информации в рамках одного высказывания происходит взаимодействие трех категорий: эвиденциальности, авторизации и деавторизации. Если в речь референтного

первоисточника инкорпорируются ссылки на нереперентные субъекты сведений или наоборот, то экспликатеры косвенной эвиденциальности включают авторизационные либо деавторизационные показатели:

While home prices have gone up more than 50 % since the COVID-19 pandemic, and some studies have linked immigration with increases in rents, economists say there is no clear causal link established between undocumented immigration and housing affordability ‘Хотя цены на жилье выросли более чем на 50 % после пандемии COVID-19, а некоторые исследования связывают иммиграцию с ростом арендной платы, экономисты утверждают, что четкой причинно-следственной связи между нелегальной иммиграцией и доступностью жилья не установлено’ (Time, 22.10.2024);

First son Hunter Biden insisted upon being present at meetings with his father after his disastrous performance in last month’s debate against Donald Trump, a source told The Post ‘Старший сын Хантер Байден настоял на своем присутствии на встречах с отцом после его провального выступления на дебатах против Дональда Трампа в прошлом месяце, сообщил источник газете Нью-Йорк Пост’ (New York Post, 22.07.2024);

«На публіку ў адміністрацыі Буша-малодшага вельмі шмат гаварылі пра важнасць абароны свабоды і дэмакратычных каштоўнасцяў, але ў рэальнасці там зыходзілі з уяўлення аб тым, што залогам захавання глабальнай гегемоніі ЗША павінен быць курс на разбурэнне інтэграцыйных працэсаў, якія непадкантрольныя Вашынгтону», – адзначыў *rt.com* кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі краін Блізкага і Сярэдняга Усходу Інстытута краін Азіі і Афрыкі МДУ Дзмітрый Жанціеў (Звязда, 26.04.2023).

Конструкции деавторизации могут быть встроены в пропозиции или отдельные высказывания, линейно следующие за маркерами эвиденциальности / авторизации, особенно в контекстах с косвенной речью: *Амерыканскія навукоўцы Томас Р. Дай, Хармон Зейглер і Луі Шуберт у сваёй кнізе «Іронія дэмакратыі: незвычайнае ўвядзенне ў амерыканскую палітыку» адзначаюць, што нямногія амерыканцы цяпер вераць, што ўрад працуе на карысць народа. Большасць лічыць, што палітычная сістэма кіруецца некалькімі буйнымі верхаводамі ў іх уласных інтарэсах, пакідаючы сярэдняга чалавека за бортам* (Звязда, 02.04.2023).

Наличие только категории *деавторизации* без реализации значений косвенной эвиденциальности фиксируется в медиатекстах при использовании конструкций с гипотетическим субъектом:

Most fair-minded observers would say that after some sort of initial anxieties and hesitations, an independent UK foreign policy has really been important ‘Большинство беспристрастных наблюдателей сказали бы, что после некоторого рода первоначальных беспокойств и колебаний независимая внешняя политика Великобритании действительно стала важной’ (The Economist, 12.05.2022);

Зразумела, насцярожыцца трэба, калі *віртуальны знаёмы просіць у вас грошы: маўляў, прадавай машыну/кватэру/дом, у нашай агульнай будучыні купім лепшыя* (Звязда, 15.06.2023).

3.2. Участие субъектной референции в манифестации категории интертекстуальности в газетных текстах

Поскольку интертекстуальность трактуется как свойство текста, состоящее в наличии в аутентичном или трансформированном виде содержательных и/или формальных элементов другого вербального или невербального текста, которые автор инкорпорировал в свой текст для выражения определенного смысла, намеренно акцентируя или маскируя включения, журналист, отбирающий интертексты, определяет как способы их внедрения в собственный текст – дословно воспроизводимые (например, цитата) или относительно свободно воспроизводимые (например, парафраз, пересказ), так и средства их маркирования.

3.2.1. Специфика инкорпорирования третьеличных дискурсивных голосов при цитатной интертекстуальности

В газетных текстах на английском и белорусском языках интертексты-цитаты могут быть представлены в аутентичном (вкрапления с прямой речью) или трансформированном (в форме косвенной речи, сегментированной цитации) виде, а текстовыми сигналами, указывающими на интертекстуальную составляющую, выступают синтаксические конструкции текста-реципиента, отсылающие к тексту-донору и свидетельствующие о наличии межтекстового следа. При передаче интертекста в аутентичном или незначительно трансформированном (без внедрения оценочных интерпретаций) виде от имени *референтного* субъекта журналист не выводит медиасообщение из сферы фактографии в область интерпретации, а высказывания такого типа имеют концентрированный референциальный фокус:

Lord McDonald of Salford told Times Radio that Raab was “not aware of the impact of his behaviour on the people working for him and couldn’t be made to see that impact” ‘Лорд Макдональд из Солфорда заявил Times Radio, что Рааб «не осознавал, какое влияние его поведение оказало на людей, работающих на него, и не мог позволить себе увидеть это влияние»’ (The Times, 15.11.2022);

«Урад вымушаны прыняць «эфектыўныя і агульнанацыянальныя прэвентыўныя меры», каб спыніць хвалю нападаў», – заявіла на сустрэчы з прадстаўнікамі банкаўскай індустрыі міністр унутраных спраў Германіі Нэнсі Фейзер (Звязда, 12.11.2022).

При точной передаче сообщения с сохранением способа передачи в форме прямой речи от имени *нереферентного* субъекта тип референциального фокуса высказывания является диффузным, поскольку в субъектном компоненте ссылочных конструкций происходит ослабление фактографической привязки текста к действительности, сравним:

One official said: “*The problem with Raab was that he didn’t do it all the time but you could never predict when he was going to be rude*” ‘Один чиновник сказал: «Проблема с Раабом была в том, что он не делал этого постоянно, но никогда нельзя было предсказать, когда он будет груб»’ (The Times, 15.11.2022);

Як сказаў адзін з нямецкіх палітыкаў, «мы зможам пражыць без прыгожай абгорткі шакаладнага печыва, але жыццё без туалетнай паперы будзе катаваннем» (Звязда, 12.11.2022).

Схожие процедуры ассимиляции в новых текстах на английском и белорусском языках демонстрируют трансформированные интертексты-цитаты с некоторыми изменениями содержания и объема за исключением тех случаев, когда требуется соблюдение норм грамматики (в англоязычных текстах, к примеру, может использоваться согласование времен, артикли и др.):

Officers and soldiers said they had sighted only a handful since entering Gaza city on October 27th ‘Офицеры и солдаты заявили, что с момента входа в сектор Газа 27 октября они видели лишь несколько таких людей’ (The Economist, 7.11.2023);

Critics say that because Sunak has not appointed an adviser on ministerial interests there is no one independent in government able to investigate allegations of inappropriate behaviour among ministers ‘Критики говорят, что поскольку Сунак не назначил советника по министерским интересам, в правительстве нет ни одного независимого человека, способного расследовать обвинения в ненадлежащем поведении министров’ (The Times, 15.12.2022);

In an effort to win over Erdoğan, say some, Swedish authorities are increasing surveillance of Kurdish people living in Sweden ‘Стремясь склонить на свою сторону Эрдогана, говорят некоторые, шведские власти усиливают наблюдение за курдами, живущими в Швеции’ (The Guardian, 7.02.2024);

У той час, як ад трох буйных еўрапейскіх эканомік – Францыі, Італіі і Іспаніі – эканамісты чакаюць нязначнага росту, першай на кантыненте эканоміцы – Германіі – яны прадказваюць спад (Звязда, 12.11.2022).

Некаторыя крытыкі сцвярджаюць, што гэтыя меры не вырашаюць асноўныя сацыяльныя праблемы, у тым ліку дзіцячую беднасць і недастатковае фінансаванне грамадскай інфраструктуры (Звязда, 1.12.2023).

Инкорпорирование большого количества цитатных интертекстов особенно характерно для информационно-аналитических статей и свидетельствует об их цитатной интертекстуальной насыщенности. В результате использования *референтных* субъектов в ссылочных конструкциях (например, *Lord McDonald of Salford* ‘лорд Макдональд из Солфорда’; *міністр*

унутраных спраў Германіі Нэнсі Фейзер) взаимосвязь между текстом-донором и текстом-реципиентом поддается выявлению в процессе расшифровки и декодирования, а вследствие употребления *нереферентных* неопределенных (*one official* ‘один чиновник’; *some* ‘некоторые’; *адзін з нямецкіх палітыкаў*; *некаторыя крытыкі*) и обобщенных (*critics* ‘критики’; *officers and soldiers* ‘офицеры и солдаты’; *эканамісты*) субъектов связь с текстом-донором остается невыявленной. Как правило, категориальная реализация в таких случаях следующая: *цитатная интертекстуальность* неразделима с косвенной *эвиденциальностью* и маркируется либо конструкциями *авторизации* в случаях с идентифицируемым субъектом или *деавторизации* – с неидентифицируемым. Средства категории *деавторизации* часто используются в процессе экспликации мнений неспециалистов при технике построения медиатекста с одновременным освещением мнений неспециалистов и экспертов (реализуя переключенную субъектную референцию), а для передачи точек зрения экспертов могут привлекаться средства как *деавторизации*, так и *авторизации*.

Если речевое действие субъекта транслируется журналистом в существенно трансформированном виде в сопровождении авторских комментариев и оценочных единиц разных языковых уровней, то фактография уступает место интерпретации, референциальный фокус высказывания оказывается смещённым, а субъектный план предложения усложняется эксплицитным авторским субъектным планом.

Сигналами *цитатной интертекстуальности* в газетных текстах-реципиентах могут быть вкрапления синтаксических конструкций как с эксплицитным, так и с подразумеваемым субъектом, указывающим на наличие текста-донора или текстов-доноров, а одновременная реализация категорий *авторизации* или *деавторизации* зависит от идентифицируемости субъектов:

*President Donald Trump leveled a series of baseless claims Thursday against the system of counting presidential ballots and **accused** Democrats of trying to “steal” the election* ‘Президент Дональд Трамп в четверг выдвинул ряд необоснованных обвинений против системы подсчета президентских бюллетеней и обвинил демократов в попытке «украсть» выборы’ (USA Today, 5.11.2020);

***Some have faulted** Democrats’ rhetoric for fanning partisan tensions; **conspiracy theorists** baselessly **suggest** the incident was staged by Trump himself* ‘Некоторые обвиняют риторику демократов в разжигании партийной напряженности; сторонники теории заговора безосновательно предполагают, что инцидент был инсценирован самим Трампом’ (Time, 17.07.2024);

*Dominic Raab, the justice secretary, **is said** to have caused concern in previous roles with his treatment of officials* ‘Говорят, что Доминик Рааб, министр юстиции, на предыдущих должностях вызывал беспокойство своим обращением с чиновниками’ (The Times, 15.11.2022);

*Пры гэтым **Туск** быццам «мантру» дадаў, што Варшава не плануе закрываць граніцу для ўкраінскіх тавараў* (Звязда, 13.03.2024);

У мясцовых СМІ ... агучваецца тое, што падзеі, якія адбываюцца, з'яўляюцца нічым іншым, як «нідэрландскім паўстаннем фермераў» (Звязда, 31.07.2022); Інфармацыя аб фермерскіх пратэстах падаецца вельмі скупа, агульнымі рысамі абмалёўваецца нагода для пратэсту, але старанна пазбягаецца дэталёвы разбор сапраўдных прычын фермерскага бунту (Звязда, 31.07.2022).

Особенностью таких медиасообщений, подаваемых от имени как референтных, так и нереферентных субъектов в сопровождении авторской оценки, которая может быть инкорпорирована в саму конструкцию или в пропозицию, является то, что предметом сообщения выступает уже не новое речевое событие, а его комментарии, т.е. не столько событийное, сколько интерпретационное поле.

В результате употребления ссылочных конструкций, содержащих одновременно два (или более) дискурсивных голоса (как правило, из группы авторитетных субъектов) интертекстуальность может носить *гибридный* характер. Обязательным при этом является упоминание медийного субъекта, например: *Maria Caulfield, a health minister, told Times Radio* 'Мария Колфилд, министр здравоохранения, рассказала Times Radio'; *Derek Hargreaves, technical officer of the CGA, told The Guardian* 'Дерек Харгривз, технический директор компании CGA, рассказал The Guardian'; *аўтар артыкула ў FT цытуе заяву Федэральнага аб'яднання нямецкай прамысловасці BDI, у якой адзначаецца; прыводзіць Bloomberg каментарый старшага эканаміста Даследчага інстытута дзелавой газеты Handelsblatt Дэніса Хузермаера.* Гибридные интертекстуальные включения позволяют реализовать *эвиденциальные* и *авторизационные* значения.

Отметим, что интертекстуальные включения могут быть представлены в онлайн-изданиях в форме гиперссылок, реализуя «*гипертекстуальность*», т.е. набор других встроенных в текст текстов, которые позволяют связать существующий текст с другими текстами в составе одной общей гипертекстовой системы [Allen 2021, p. 200–201]. Сближение, слияние разных средств массовой информации в единое целое представляет собой кросс-медийную технологию взаимопроникновения между различными каналами передачи информации [Луцинская 2021, с. 32]. При этом читателю предоставляется возможность перейти к тексту-донору по гиперссылке путем простого нажатия на фигуру интертекста. Следует отметить, что в сопоставляемых текстах онлайн-изданий материалы других порталов преимущественно маркируются не гиперссылками, а текстовыми упоминаниями при помощи соответствующих ссылочных конструкций.

Как в англо-, так и в белорусскоязычных медиатекстах встречаются интертекстуальные вкрапления в форме прецедентных текстов или их фрагментов, которые репрезентируют элементы фольклора, отражают этические

нормы и представления народа. Такие интертекстуальные включения прецедентной направленности могут быть маркированы двумя видами конструкций и демонстрировать нерасчлененность значений *интертекстуальности*, *эвиденциальности* и *деавторизации*. Первый вид вводится в текст ссылочными конструкциями, которые содержат в поверхностной структуре упоминание легенд, песен, сказаний:

It means that the tower is close to having fewer than six ravens, a level that would spell doom for the kingdom, according to legend. According to legend if two more were to die the tower and the kingdom would fall. Various legends associate keeping ravens at the tower with Charles II and his Astronomer Royal, John Flamsteed. According to one, Charles refused to remove ravens from the tower after Flamsteed complained they were obscuring his view of the stars. According to another, Flamsteed was concerned that ravens were being persecuted at the tower after being associated with the Great Fire of London ‘Это означает, что в башне осталось менее шести воронов, что, согласно легенде, означает гибель королевства. Согласно легенде, если погибнет еще двое, башня и королевство падут. Различные легенды связывают содержание воронов в башне с Карлом II и его королевским астрономом Джоном Флемстидом. Согласно одной из них, Карл отказался убрать воронов с башни после того, как Флемстид пожаловался, что они закрывают ему вид на звезды. Согласно другой, Флемстид был обеспокоен тем, что вороны подвергались преследованиям в башне после того, как их связали с Великим пожаром в Лондоне’ (The Guardian, 14.01.2021);

Існує меркаванне, што на Купалле раней была дазволена інтымная свабода, якая не выключала выпадковага шлюбу паміж братам і сястрой. Менавіта пра такое каханне распавядае адна з купальскіх песняў, якая тлумачыць ўзнікненне сіне-жоўтых кветак: Браткі або Іван ды Мар’я, Брат-Сястрыца, Кветка плачу. Так называюць адну і тую ж кветку ў розных славянскіх народаў. Паводле старажытнай купальскай песні брат і сястра, якія не ведалі пра сваяцтва, пакахаліся (Полесский курьер, 29.06.2017); *Згодна з легендай, на месцы возера Свіцязь у часы Міндоўга быў горад... Іншая легенда распавядае, што падчас аблогі гараджане самі, не хочучы здацца ў палон, звярнуліся да духоўных сіл, і тыя апусцілі іх зямлю пад ваду...* (Звезда, 9.04.2015).

Второй вид интертекстуальных включений для передачи прецедентных текстов в форме пословиц или крылатых выражений репрезентируется конструкциями с нереперентным субъектом речи *they say* ‘говорят’ / (*у народзе*) *кажуць*:

Age, they say, brings wisdom ‘Говорят, мудрость приходит с возрастом’ (The Economist, 9.01.2024); *They say it takes a village to raise a child* ‘Говорят, чтобы вырастить ребенка, нужна деревня’ (New York Post, 17.05.2023);

Калі для адных лета – бесклапотны перыяд, час адначыць і, як у народзе кажуць, перавесці дух, то для іншых гэта напружаная і вельмі адказная пара (Звезда, 7.02.2023); *Недарэмна кажуць: перастацьце выхоўваць дзяцей –*

яны ўсё адно вас капіруюць, пачніце з сябе (Звязда, 14.06.2023); Нездарма кажучь, што рух – гэта і ёсць жыццё (Звязда, 1.07.2013); Як кажучь у народзе: “ранейшую кінуў, новую звёў” (Полесский курьер, 05.04.2018).

3.2.2. Особенности функционирования перволичного дискурсивного голоса в референциальной автоинтертекстуальности

Основными способами референциального автоинтертекстуального взаимодействия в изучаемых газетных текстах (что встречается в прямой речи цитируемых экспертных голосов при ссылках на ранее сказанное или написанное) являются автоцитаты, а эксплицитными сигналами их текстового присутствия являются конструкции *авторизации*, выступающие также в роли *эвиденциальных* маркеров, с определенным семантическим наполнением. Подобного рода автоинтертекстуальные вкрапления представлены в частичном, модифицированном и маркированном виде:

I meant what I said in the press conference... ‘Я имел в виду то, что сказал на пресс-конференции...’ (The Economist, 12.05.2022);

[You recently raised the issue of nuclear sharing] *To be precise, I did not say Japan should adopt nuclear sharing... What I meant is that it should not be a taboo to discuss that reality* ‘[Недавно вы подняли вопрос о совместном использовании ядерного оружия] Если быть точным, я не говорил, что Япония должна принять совместное ядерное оружие... Я имел в виду, что обсуждение этой реальности не должно быть табу’ (The Economist, 26.05.2022);

I don’t mean that. What I mean by that is money that will be used in the partnership ‘Я не это имею в виду. Я имею в виду деньги, которые будут использоваться в партнерстве’ (The Economist, 26.04.2023);

Там таксама, як я ўжо казала, хапае запазычанняў, гэта натуральны працэс (Звязда, 25.02.2024);

Я ўжо неаднаразова казаў, што калі раней спорт быў проста з элементамі палітыкі, то зараз цалкам стаў палітыкай, што зусім не радуе (Звязда, 30.01.2023);

Паўтаруся, я параіла б спачатку ацаніць фактары рызыкі (Звязда, 06.11.2023).

Частичность и модифицированность автоцитат объясняется условиями коммуникации, при которых дословное воспроизведение автоцитат невозможно или нецелесообразно и существует необходимость адаптации текста-донора к тексту-реципиенту. Маркированность проявляется в наличии ссылочной конструкции с облигаторным для референциальной автоинтертекстуальности глаголом речи и субъектным компонентом в форме личного местоимения первого лица единственного числа (в белорусском языке может опускаться – в таком случае средством субъектного маркирования является

перволичная форма глагола, как в последнем примере). Факультативными элементами автоинтертекстуального сигнализирования в англоязычных текстах могут выступать локативный (*in the press conference* ‘на пресс-конференции’) и/или темпоральный (*recently* ‘недавно’) детерминанты, кодирующие место и/или время текстов-доноров; белорусскоязычным автоинтертекстуальным маркерам свойственны детерминанты образа действия (*ужо, неаднаразова*).

Подобного рода вербальные автоцитатные сигналы включаются в интертекстуальный диалог: референтные перволичные дискурсивные голоса устанавливают межтекстовые связи внутри собственной (авторской) системы повествования, чтобы конкретизировать (подтвердить, опровергнуть, дополнить или уточнить и т. п.) свои мировоззренческие позиции, взгляды, представления о действительности. Любопытно, что белорусскоязычным медиатекстам маркеры опровержения собственной (или собственной в интерпретации других лиц) позиции не свойственны и в исследовательском материале демонстрируют только солидаризацию с ранее высказанным публично.

Наряду с не осложненными по структуре автоцитатами, отсылающими к одному тексту-донору, как в приведенных выше контекстах, в англоязычных медиатекстах обнаруживаются автоцитаты, в которых отсылка осуществляется сразу к двум текстам-донорам:

So building on the two solemn declarations, we want to be more in the areas that I mentioned in the press conferences and that is what we discussed in the bilats ‘Итак, основываясь на двух официальных заявлениях, мы хотим больше работать в тех областях, которые я упоминал на пресс-конференциях, и это то, что мы обсуждали на двухсторонних переговорах’ (The Economist, 12.05.2022).

Автоинтертекстуальные включения демонстрируют наибольшую представленность в экспертных интервью, что обусловлено сложными референциально разнородными субъектными переплетениями: изложение большей части сведений, мнений, комментариев ведется от имени референтного интервьюируемого субъекта по заданной референтным интервьюирующим субъектом траектории, при этом оба могут ссылаться на точки зрения иных субъектов разной степени референциальной определенности. При этом англоязычные экспертные интервью демонстрируют плотную представленность авторизирующих конструкций не только с предикатом речи, но и предикатами мысли, оценки, восприятия, например: *I estimate* ‘я оцениваю’, *this is my humble opinion* ‘это мое скромное мнение’, *I know* ‘я знаю’, *I think* ‘я думаю’, *I believe* ‘я считаю’, *I saw* ‘я видел(а)’, *as far as I know* ‘насколько я знаю’, *I personally think* ‘лично я думаю’, *I only know* ‘я только знаю’, *I heard* ‘я слышал(а)’ и др. Такая плотность авторизирующих маркеров для

белорусскоязычных интервью не характерна, при этом в их структуре наряду с репликами интервьюера и интервьюируемого может быть эксплицирован дискурсивный голос журналиста в форме авторских слов в конструкциях типа *расказвае падрабязнасці эксперт; дзеліцца назіраннямі суразмоўца; працягвае расказваць спецыяліст* и проч.

3.3. Значение субъектной референции в конструировании достоверности газетных текстов

То обстоятельство, что не все современные средства массовой информации имеют разветвленную систему источников, а журналисты возможность лично быть свидетелями текущих событий, предопределяет интенсивное использование сведений из других медиаресурсов, которые такими возможностями обладают. В газетных текстах заимствованные из иных медиаресурсов сведения маркируются соответствующими ссылками, как правило, содержащими указание референтных медийных субъектов. В заимствованных медиаконтекстах реализуются категория *достоверности* при условии нераспространения ложной или непроверенной информации, категории *авторизации*, *косвенной эвиденциальности* и *цитатной интертекстуальности*:

The movement of boxes has taken on added significance for prosecutors ..., the Washington Post reported ‘Перемещение ящиков приобрело для прокуроров дополнительное значение..., сообщает издание Washington Post’ (The Guardian, 30.05.2023);

Cheaper imports from the Netherlands are also to blame, according to The Guardian ‘По сведениям газеты The Guardian, в этом также виноват более дешевый импорт из Нидерландов’ (The Independent, 8.01.2015);

Газета USA Today наведміла, што ў першай палове 2022 года колькасць забойстваў у гарадах – членах Асацыяцыі начальнікаў паліцыі буйных гарадоў павялічылася на 50 працэнтаў (Звязда, 02.04.2023);

Па звестках вэб-сайта Mapping Police Violence, у мінулым годзе ў выніку паліцэйскага гвалту ў ЗША загінула рэкордная колькасць людзей – 1239 чалавек (Звязда, 02.04.2023).

При использовании медийного источника и усложнении структуры ссылок с применением мнений авторитетных субъектов в газетных текстах реализуется двух- или многоуровневое развертывание повествования. В таких случаях в состав одного медиавысказывания могут встраиваться сразу два (или более) авторитетных субъекта, включающих, например, медийный источник совместно с индивидуализированным экспертом (например, *Maria Caulfield, a health minister, told Times Radio* ‘Мария Колфилд, министр здравоохранения, рассказала Times Radio’; *Derek Hargreaves, technical officer of the CGA, told The Guardian* ‘Дерек Харгривз, технический директор ком-

пании CGA, рассказал The Guardian'; аўтар артыкула ў FT цытуе старшага эканаміста Даследчага інстытута дзелавай газеты Handelsblatt Дэніса Хузермаера і т. п.) или институциональным авторитетом, при этом первоначальное авторство ретранслируемых фрагментов текста может принадлежать неавторитетному первоисточнику (в таком качестве могут выступать, к примеру, избиратели или жители страны, которые приняли участие в опросе или исследовании):

*They have taken stances that appear more pragmatic given that **only one-third of Americans call themselves liberals, according to polling provided to The Economist by YouGov*** 'Они заняли позицию, которая кажется более прагматичной, учитывая, что только треть американцев называют себя либералами, согласно опросу, предоставленному The Economist YouGov' (The Economist, 8.04.2020);

Згодна з рэпартажам CNN, 72 працэнты амерыканцаў былі незадаволеныя палітыкай краіны па барацьбе са злачыннасцю, 80 працэнтаў жыхароў ЗША адзначаюць, што яны моцна ці значна занепакоеныя злачыннасцю і гвалтам (Звязда, 02.04.2023);

PR Newswire наведміла: пазапартыйнае апытанне More Perfect перад прамежкавымі выбарамі паказала, што 86 працэнтаў выбаршчыкаў заявілі: дэмакратыя ў ЗША сутыкаецца з вельмі сур'ёзнымі пагрозамі (Звязда, 02.04.2023).

При усложненном, уровневом развертывании повествования наблюдается сложное взаимодействие медиатекстовых категорий. Так, инкорпорирование результатов исследований или опросов общественного мнения в компрессионном виде в медиатексты свидетельствует о *достоверности* и верифицируемости данных, *цитатная интертекстуальность* обеспечивается инкорпорированием фрагментов текстов-доноров, ссылки на авторитетных референтных субъектов демонстрируют *авторизацию* и *эвиденциальность*, а опора на нереферентный первоисточник в форме обобщенно-собирающей номинации указывает на *деавторизацию*.

В современной медиакommunikации отличительной чертой передачи информации от имени индивидуализированных авторитетных *референтных субъектов* является возможность делать публичные заявления для оглашения собственной позиции по некоторому вопросу на онлайн-ресурсах, на которые журналисты традиционных СМИ могут сослаться при помощи конструкций типа *Elon Musk tweeted* 'Илон Маск написал в Твиттере'; *in a Facebook post on Monday, Manickchand said* 'в сообщении на Facebook в понедельник Маникчанд сказал'; *on her YouTube video page she added* 'на своей видео странице на YouTube она добавила'; *the chairman says on Twitter* 'председатель говорит в Twitter'; *наведміў на сваёй старонцы ў Твітэры міністр Нацыянальнай абароны Польшчы Марыюш Блашчак*; *наведміў у Твітэры Барэнд Лейтс, афіцыйны прадстаўнік старшыні Эўрапейскай рады Шарля Мішэля* и т. п., например:

Ron DeSantis, the governor of Florida, did the critical-race theorists proud by attacking the interlocking power structures oppressing Mr Trump: “Washington DC is a ‘swamp’ and it is unfair to have to stand trial before a jury that is reflective of the swamp mentality,” he wrote on Twitter ‘Рон ДеСантис, губернатор Флориды, вызвал гордость у критически настроенных теоретиков о взаимосвязанных структурах власти, подавляющих Трампа: «Вашингтон, округ Колумбия, – это «болото», и несправедливо предстать перед судом присяжных, отражающих болотный менталитет», – написал он в Twitter’ (The Economist, 2.08.2023);

Як піша ў сваім тэлеграм-канале палітолаг-амерыканіст Малек Дудакоў, дэдаларызацыя дабралася і да Штатаў (Звязда, 23.04.2023); Былы кіраўнік ХДС Пол Земяк напісаў у «Твітэры» коратка: «Канцлер смяецца з народа!» (Звязда, 12.11.2022).

В эпоху информационно-коммуникационных технологий такие заявления можно легко проверить посредством цифровых инструментов верификации в отношении точности и полноты сообщаемого – параметров, которые для *референтных* авторитетных субъектов соблюдаются, а значит в медиатекстах реализуется категория *достоверности*, которая взаимосвязана с категориями *интертекстуальности*, *авторизации* и *эвиденциальности*.

Если в тексте ссылка осуществляется на идентифицируемые документальные источники, то сведения квалифицируются как надежные и верифицируемые, с «*подтвержденным статусом достоверности*» [Панченко 2010, с.15], например:

High costs are “freezing parents out of work” and gaps in availability are “leaving disadvantaged children at risk of missing out”, according to the report by Coram Family and Childcare ‘Большие затраты «лишают родителей работы», а недостаток доступности «подвергает неблагополучных детей риску упустить возможности», согласно отчету службы защиты детей и семьи’ (The Times, 10.03.2023);

Паводле справаздачы, апублікаванай у жніўні мінулага года Нацыянальным цэнтрам статыстыкі аховы здароўя пры цэнтрах ЗША на кантролі і прафілактыцы захворванняў, сярэдняя працягласць жыцця ў Злучаных Штатах знізілася з 2019-га да 2021-га на 2,7 года – да 76,1 года, што з’яўляецца самым нізкім паказчыкам з 1996-га (Звязда, 2.04.2023).

Любопытно, что в англоязычных медиатекстах обнаруживаются ссылки на неverified документы, подлинность которых невозможно проверить. Такая ситуация наблюдается в случае с *утечкой информации* и неких неспецифицированных документах в конструкциях типа *according to leaked files / papers* ‘согласно просочившимся файлам / документам’:

The allies of the US in the Middle East authorised the supply of arms to Moscow and agreed to undermine western intelligence, according to files shared on social media ‘Союзники США на Ближнем Востоке санкционировали

поставки оружия в Москву и согласились подорвать западную разведку, согласно файлам, опубликованным в социальных сетях'; *The documents have added to the widespread belief that the whole basis of the Arab world's security architecture, and its relationship with the US, is undergoing a seismic shift* 'Документы укрепили широко распространенное мнение о том, что вся основа архитектуры безопасности арабского мира и его отношения с США претерпевают сейсмические изменения'; *The leaked papers reveal how the UAE, which just a few years ago prided itself on its inside track to the White House, is also flirting with Russia* 'Просочившиеся документы показывают, как ОАЭ, которые всего несколько лет назад гордились своим внутренним контактом с Белым домом, также заигрывают с Россией' (The Times, 11.04.2023).

При ссылках на неverified документы эксплицируются значения *косвенной эвиденциальности*, *цитатной интертекстуальности*, *деавторизации* и не устанавливается достоверность. Ссылка на неverified документы может сопровождаться маркером *инференциальной эвиденциальности*, посредством вкрапления которого журналист может выразить предположение в отношении природы таких документов: *Some of the documents, apparently photocopies of printouts of intelligence briefs, renew serious allegations made previously, such as that the National Security Agency (NSA) eavesdrops on the conversations of leaders of allied states* 'Некоторые из документов, по-видимому, фотокопии распечаток сводок разведки, возобновляют серьезные необоснованные обвинения, сделанные ранее, например, о том, что Агентство национальной безопасности (АНБ) подслушивает разговоры лидеров союзных государств' (The Times, 11.04.2023).

Наличие возможности верификации данных, что естественным образом обеспечивается в исследуемых текстах в случае с *референтными субъектами*, выступающими в качестве авторитетных источников, является салиентным критерием при установлении категории достоверности. Однако в условиях, когда отсутствует необходимость / возможность точной языковой номинации субъекта (что характерно для жанра интервью, например, когда повествующий эксперт извлекает что-то из фоновых знаний и др.), достоверность сообщаемого не меняется по критерию неточности кодирования. По словам Н. Н. Панченко, «статус достоверности информации получают утверждения, сообщения, истинность которых установлена благодаря верификации различными экспериментальными методами, подтверждена эмпирически и общественно-исторической практикой» [Панченко 2010, с.15]. Согласимся с исследователем и отметим, что, даже если контекстуальные претенденты на конкретизацию субъектной позиции с целью идентификации нереферентных дискурсивных голосов в медиатекстах отсутствуют, снижение уровня достоверности сообщаемой информации может не происходить, когда это мотивировано компрессионно-стилистическими причинами, что относится к упоминаниям результатов исследований, опросов и т. п.:

Findings from several long-term studies suggest a healthy lifestyle could offset effects of life-shortening genes by 62 % and add as much as five years to your life ‘Результаты нескольких долгосрочных исследований показывают, что здоровый образ жизни может компенсировать влияние генов, сокращающих продолжительность жизни, на 62 % и продлить ее на пять лет’ (The Guardian, 30.04.2024);

Шматлікія даследаванні пацвярджаюць, што на стаўленне да ўласнага мацярынства (або бацькоўства) уплывае стаўленне маці да дзіцяці яшчэ на этапе ўнутрывантробнага развіцця (Звязда, 29.10.2020).

Отсутствие сдвига достоверности в сторону понижения объясняется тем, что при определенных поисковых усилиях в более широком медиаполе, выходящем за пределы анализируемого текста, возможно идентифицировать субъект сведений и верифицировать данные. Аналогичная ситуация относится и к ссылкам на опыт и общественно-историческую практику:

History suggests that investors are right to expect central banks to come to their rescue eventually ‘История показывает, что инвесторы правы, ожидая, что центральные банки рано или поздно придут им на помощь’ (The Times, 23.08.2022);

Практыка наказвае, што пры такім падыходзе вынік прымянення біржавога механізма не прымусіць сябе доўга чакаць (Звязда, 08.08.2023);

Вопыт іншых краін наказвае, што лепшага за хларыд натрыю нічога няма... (Звязда, 21.08.2024).

В результате дополнительного поиска можно найти информацию, подтверждающую поведение центробанков в кризисные периоды, доказательства увеличения продаж товаров с применением биржевого торгового механизма и эффективность применения именно упомянутого реагента для дорог в зимний период. Доступность проверки сведений предопределяет взаимодействие категорий *достоверности*, *эвиденциальности* и *деавторизации*.

На наш взгляд, при распознавании возможной (не)надежности информации затруднительным является случай употребления конструкций с *обобщенным* субъектным компонентом со значением экспертности, которые не просто разграничить по коммуникативной интенции автора: они используются как результат мыслительной операции обобщения и отсутствия необходимости приводить точные номинации субъектов или же они намеренно маскируются журналистом под надежные источники:

Individuals or organized groups could target candidates, government officials, voters, and campaign events as well as election infrastructure such as polling places or ballot drops, analysts say ‘Аналитики утверждают, что отдельные лица или организованные группы могут нападать на кандидатов, правительственных чиновников, избирателей и предвыборные мероприятия, а также на избирательную инфраструктуру, такую как избирательные участки или урны для голосования’ (Time, 18.07.2024);

Експерты лічаць, што інцыдэнт з забойствам падлетка стаў трыгерам для выказвання прэтэнзій да ўлады, якія даўно збіраліся... (Звязда, 09.07.2023).

В случае с *нереферентными неопределенными* экспертными голосами происходит *снижение фактической достоверности* по параметру неточности кодирования субъектной номинации и невозможности верификации сообщаемого по разным причинам (в том числе из-за прогностического или оценочного характера пропозиций), а *нереферентность субъекта* свидетельствует о наличии категории *деавторизации*:

Some observers had thought Mr Xi would take China in the opposite direction ‘Некоторые наблюдатели думали, что г-н Си поведет Китай в противоположном направлении’ (The Economist, 23.02.2019);

Як мяркуюць некаторыя аналітыкі, мэта міжнароднай інтэрвенцыі ў Лівіі ў 2011 годзе складалася не толькі ў тым, каб зрынуць Кадафі, і нават не ў тым, каб усталяваць кантроль над нафтавымі рэсурсамі гэтай краіны, а ў тым, каб атрымаць доступ да найбагацейшых водных рэсурсаў Нубійскага гарызонту (Звязда, 13.05.2023).

В подобных контекстах фактическая достоверность не фиксируется (из-за параметра неточности кодирования субъектной номинации в ссылочных конструкциях), тем не менее присутствует эффект *коммуникативной достоверности*, при котором у адресата создается доверительное отношение к передаваемому сообщению (благодаря семантике лексической единицы со значением экспертности).

Открытыми сигналами адресату о *недостоверности* сведений являются конструкции с прагматической функцией передачи слухов, которые подают информацию из источников с неизвестной репутацией, не сохраняющих даже видимости надежности. «Резкий рост создаваемого пользователями контента, когда люди с разным опытом несут ответственность за создание информационных онлайн-ресурсов, вызывает опасения по поводу достоверности» [Flanagin, Winter, Metzger 2018].

Такими ненадежными источниками могут стать социальные сети, которые, как известно, способны порождать и распространять в том числе и фейковые новости. Как справедливо отмечают лингвисты, в распространении фейковых новостей играет роль широкий охват, простота использования и дизайн социальных сетей, что делает их удобным инструментом для дезинформаторов при тиражировании теорий заговора, искажении фактов и передаче откровенной лжи с целью извлечения выгоды, получения дохода и манипулировании массовым адресатом [Echendu 2021, p. 2; Klein, Wueller 2017, p. 5]. Кульминацией циркулирования непроверенных историй в различных средствах массовой информации, распространения фейковых новостей может стать коллективный социальный самообман, при котором группа впитывает и закрепляет ложные убеждения [Froehlich 2018, p. 121].

Примерами ссылок, содержащих источники с неизвестной репутацией, могут служить конструкции с упоминанием отдельных пользователей социальных сетей или каких-то постов типа *in online posts, including one that said* ‘в онлайн-сообщениях, включая одно, в котором говорилось’; *according to the slow drip-feed of information on social media* ‘согласно постепенному сливу информации в социальных сетях’; *напісаў адзін з карыстальнікаў на сваёй старонцы ў Facebook; у сацсетках пішуць* и т. д.:

Among the rumours that have spread rapidly on social media are that Covid-19 originated in the US... ‘Среди слухов, которые быстро распространились в социальных сетях, есть тот, что Covid-19 возник в США...’ (The Times, 10.03.2020);

Somebody tweeted that he had spoken to Joe Biden... ‘Кто-то написал в Твиттере, что до этого он разговаривал с Джо Байденом...’ (The Times, 11.11.2020);

In now viral testimony, one woman said she and her husband might need to move from their home... ‘В ставшим вирусным признании одна женщина сказала, что ей и ее мужу, возможно, придется переехать из своего дома...’ (The Guardian, 9.09.2024);

But a theory circulating online holds that bitcoin was dreamed up by the National Security Agency ‘Но теория, циркулирующая в Интернете, утверждает, что биткойн был придуман Агентством национальной безопасности’ (The Economist, 4.10.2023);

Такую інфармацыю распаўсюджваюць у сацыяльных сетках самі беларусы. Карыстальнікі наведваюць, што выпадак далёка не адзінкавы. Больш за тое, у сацсетках пішуць, што беларусаў разгортваюць нават пры наяўнасці запрашэння і арыгінала працоўнай дамовы... (Звязда, 04.04.2021).

Из-за необходимости информирования и реагирования на массовые явления в социальных сетях медиаресурсы могут наряду с констатацией слухов выражать собственную оценочную позицию в их отношении:

The salacious and often racist social media posts claim, without evidence, that migrants from Haiti to Springfield, Ohio, are stealing pets and local wildlife such as ducks and geese and are butchering them for food ‘Непристойные и часто расистские посты в социальных сетях утверждают, без каких-либо доказательств, что мигранты из Гаити в Спрингфилд, штат Огайо, крадут домашних и местных диких животных, таких как утки и гуси, и разделывают их для еды’ (The Guardian, 9.09.2024);

Misinformation about the source of the wildfires raging across the Pacific north-west is spreading rapidly on social media, prompting public officials to plead with the public to stop sharing rumors ‘Дезинформация об источнике лесных пожаров, бушующих на северо-западе Тихого океана, быстро распространяется в социальных сетях, побуждая государственных чиновников просить общественность прекратить делиться слухами’ (The Guardian, 11.09.2020);

When it comes to Covid-19, there has been a lot of speculation, misinformation and fake news circulating on the internet – about how the virus originated, what causes it and how it is spread ‘Что касается Covid-19, в Интернете циркулирует много домыслов, дезинформации и фейковых новостей о том, как возник вирус, что его вызывает и как он распространяется’ (The Guardian, 10.09.2020).

При наличии эксплицитных сигналов слухов реализуются *эвиденциальность, интертекстуальность* и *деавторизация*, и, что очевидно, не устанавливается категория достоверности, поскольку, как справедливо отмечает С. Н. Бородина, абсолютно достоверными слухи не бывают: в процессе распространения они неизбежно подвергаются искажениям, но могут варьироваться по степени соответствия действительности и подразделяться на абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные, достоверные с элементами неправдоподобия [Бородина 2015, с. 7–11].

В англоязычных медиатекстах маркеры слухов могут использоваться и в целях их опровержения. В таких случаях журналист использует традиционные маркеры слухов совместно с оценочными единицами *baseless* ‘беспочвенный’, *false* ‘ложные’, *unfounded* ‘необоснованный’, *misleading* ‘вводящий в заблуждение’, *without evidence* ‘без доказательств’. Категориальная реализация в подобных контекстах аналогична вышеприведенным примерам:

Many of the rumors claim without evidence that the fires were lit by political activists ‘Многие слухи бездоказательно утверждают, что пожары были устроены политическими активистами’ (The Guardian, 11.09.2020);

According to rumours the coronavirus outbreak could lead to the cancellation of the Games, less than six months before they are due to open. False rumours that the 2020 Games would fall victim to the virus gained traction on social media ‘По слухам, вспышка коронавируса может привести к отмене Олимпийских Игр менее чем за шесть месяцев до их открытия. В социальных сетях набирают популярность ложные слухи о том, что Игры 2020 года станут жертвой вируса’ (The Guardian, 1.02.2020).

Интересно, что в газетном тексте может быть указан источник порождения или распространения слухов. В таких коммуникативных обстоятельствах, когда упоминается *референтный* виновник порождения / распространения слухов, фиксируется дополнительно категория *авторизации*:

A bomb threat in Springfield, Ohio, came after Trump repeated baseless rumor about immigrants “eating pets” ‘Угроза взрыва в Спрингфилде, штат Огайо, появилась после того, как Трамп повторил беспочвенный слух о том, что иммигранты «едят питомцев»’ (The Guardian, 13.09.2024);

Donald Trump and top allies such as the multibillionaire Elon Musk have created a blizzard of false voting misinformation portraying Democrats as bent on stealing the election, undermining trust in the voting process and leading to potential violence ‘Дональд Трамп и его главные союзники, такие как мульти-

миллиардер Илон Маск, создали поток дезинформации о голосовании и указали на намерение демократов украсть выборы, подорвать доверие к процессу голосования и привести к потенциальному насилию' (The Guardian, 5.11.2024);

*In an interview with former Fox News host Tucker Carlson last year, **Vlaardingerbroek** pushed a popular conspiracy theory by claiming that groups like the World Economic Forum are trying to make Dutch people eat bugs by cracking down on farms and opening insect factories. The YouTube clip – titled “Politicians know when they control the food, they control the people: Activist” – has been viewed more than half a million times. “We don’t want to be eating insects, we want our steak,” she said ‘В интервью бывшему ведущему Fox News Такеру Карлсону в прошлом году Влардингербрук выдвинула популярную теорию заговора, заявив, что такие группы, как Всемирный экономический форум, пытаются заставить голландцев есть насекомых, подавляя фермы и открывая фабрики по производству насекомых. Клип на YouTube под названием «Политики знают, что, когда они контролируют еду, они контролируют людей: активист» был просмотрен более полумиллиона раз. «Мы не хотим есть насекомых, мы хотим наш стейк», – сказала она’ (The Guardian, 15.01.2024).*

В случаях, когда виновником порождения / распространения слухов выступает *нереферентный* субъект, дополнительно манифестируется категория *деавторизации*:

***Republicans** spread baseless slurs about ‘cat-eating migrants’ in Ohio city ‘Республиканцы распространяют беспочвенную клевету о «мигрантах, поедающих кошек» в Огайо-Сити’ (The Guardian, 9.09.2024);*

***Unfounded claims** about the Victorian premier’s hospitalisation were first aired by **an obscure blog** which pushes conspiracy theories ‘Необоснованные заявления о госпитализации премьер-министра Викторианской партии впервые появились в малоизвестном блоге, продвигающем теории заговора’ (The Guardian, 11.06.2021).*

Следует отметить, что белорусскоязычным текстам употребление подобных маркеров не свойственно ни при распространении, ни при опровержении слухов или назначении виновника в их порождении или тиражировании.

Несколько отличающимися от контекстов с субъектами слухов в отношении категориальной реализации являются ссылочные конструкции с сокрытым субъектом. Вследствие употребления конструкций с сокрытым субъектом реализуются *деавторизация*, *цитатная интертекстуальность* и *косвенная эвиденциальность*. Что же касается категории *достоверности*, то она демонстрирует вариативность: если в результате верификации передаваемых сведений оказалось, что сообщаемое соответствует действительности, фактическая достоверность сообщения все равно снижается по параметру

неточности языковой номинации источника; если в силу объективных причин верифицировать высказывание невозможно, то существует риск того, что от имени сокрытого субъекта транслируется недостоверная информация:

The strategy, according to people familiar with the matter, has included opening new legal battles to try to prevent Harris from accessing Biden's funds. The Harris campaign has viewed the FEC complaint as a spurious legal effort to throw sand in their gears, according to a person familiar with the thinking 'По словам людей, знакомых с этим вопросом, стратегия включала в себя начало новых судебных разбирательств, чтобы попытаться помешать Харрис получить доступ к средствам Байдена. Предвыборный штаб Харрис рассматривает жалобу Федеральной избирательной комиссии как ложную юридическую попытку сорвать их планы, по словам человека, знакомого с ходом мыслей' (The Guardian, 24.07.2024);

A source close to James Cleverly, the foreign secretary, said he hoped to visit the Falklands in the near future 'Источник, близкий к министру иностранных дел Джеймсу Клеверли, сказал, что он надеется посетить Фолкленды в ближайшем будущем' (The Times, 20.07.2023).

Возможность сообщения как достоверной, так и недостоверной информации от имени сокрытых или анонимных субъектов в газетных текстах на английском языке объясняется социокультурной спецификой, при которой допустимой является, к примеру, платная журналистика, когда издания платят своим источникам за ценную (возможно конфиденциальную) информацию. Получается, что, с одной стороны, достоверность передаваемой информации должна быть гарантирована источником, владеющим ценной информацией и предоставляющим ее средствам массовой информации; с другой стороны, конструкции с намеренным сокрытием субъектного компонента, которые исключают возможность верифицировать сказанное, являются удобными языковыми инструментами для распространения недостоверной информации. В нашем понимании, достоверность сообщаемого снижается вне зависимости от того, является или не является сама сообщаемая информация соответствующей действительности, поскольку не соблюден лингвистический параметр точности языкового кодирования субъектной номинации как салиентный компонент медиатекстовой категории достоверности.

Напомним, что категория достоверности в медиатекстах обеспечивается не только надежностью источника информации и верифицируемостью сведений, но и объективным изложением (рациональностью, общим качеством языка в медиатексте, отсутствием эмоций и предвзятости автора). Применительно к исследуемым нами ссылочным конструкциям отметим, что их использование совместно с пропозициями оценочного, прогностического или интерпретирующего характера, как правило, ведет к субъективизации дискурса (т.е. отсутствию объективного, рационального, беспристрастного изложения) и не позволяет установить достоверность сообщаемого. При этом такие пропозиции подаются преимущественно от имени *нереферентных*

субъектов, реализуя категорию *деавторизации*, *цитатную интертекстуальность* в случае включения чужих интертекстов, а также *косвенную эвиденциальность* только в отношении конструкций с субъектами речи:

That's a tough sell, many in the region say – us-against-the-world paranoia has been at the center of the North Korean regime since its founding in 1948 'Многие в регионе говорят, что это непростая задача, поскольку паранойя со сценарием «мы против всего мира» лежит в основе северокорейского режима с момента его основания в 1948 году' (Time, 19.06.2007);

Калі зімой пачнуцца адключэнні вытворцаў ад газу, то, як спадзяюцца немцы ва ўсіх землях, улады дададуць вытворцаў туалетнай паперы ў спіс важных кампаній, якім неабходна пастаўляць газ і электраэнергію (Звязда, 12.11.2022).

Объективности или субъективности изложения могут способствовать не только отдельные упоминания, но и комбинирование ссылочных конструкций, демонстрируя вариативность достоверности. Если употребленные в медиатексте ссылочные конструкции направлены на выражение идеологической или пропагандистской составляющей с ярко выраженными оценочными функциями, то достоверность не подлежит установлению, при этом остальные сопряженные с авторством категории могут быть задействованы: *эвиденциальность* в прямой разновидности при маркировании личной засвидетельствованности, в инференциальной форме в ходе авторских рассуждений, в косвенной разновидности в результате инкорпорирования авторитетных комментариев; *цитатная интертекстуальность* в результате включений прямой, косвенной речи или сегментированной цитации и *автоинтертекстуальность* при инкорпорировании в новый текст элементов собственной дискурсивной практики; *авторизация* при ссылках на референтные дискурсивные голоса, а *деавторизация* – при обращении к мнениям нереферентных субъектов. При освещении события в сбалансированном виде без оценочных комментариев со стороны журналиста-повествователя в отношении разных позиций достигается объективность изложения, что служит одним из критериев категории достоверности.

Выводы по главе 3

Сравнительно-сопоставительный анализ англо- и белорусскоязычных газетных текстов показал *значимость* и *сходство* участия субъектной референции в реализации медиатекстовых категорий, сопряженных с первоначальным авторством сообщаемой информации. Сходство объясняется универсальным характером самого явления референции и практически идентичным функционированием ссылочных конструкций с субъектами разного референциального статуса благодаря их близким структурным, семантическим и прагматическим характеристикам, а обнаруженные различия касаются преимущественно грамматических особенностей самих конструкций (например, бессубъектных конструкций в белорусском языке, формальных субъектов и артиклей в английском языке), обусловленных разнотемностью двух сопоставляемых языков.

Исследуемые медиатексты демонстрируют следующие субъектно-референциальные и категориальные корреляции: все разновидности маркеров *эвиденциальности с референтным* субъектом сочетаются с *авторизацией*; маркеры эвиденциальных значений разных типов с *нереферентным* субъектом рассматриваются в комплексе с *деавторизацией*. Наличие категории *деавторизации* без реализации эвиденциальных значений в медиатекстах фиксируется в отношении конструкций с гипотетическим субъектом и при введении нефактуальных пропозиций (когда осуществляется субъективированная подача сведений посредством оценочных лексических единиц самостоятельно или в сопровождении наречий с семантикой постоянства и перцептивных глаголов в эпистемическом значении), а в случаях с референтными дискурсивными голосами манифестируется категория *авторизации*.

Синкретизм значений *инференциальной эвиденциальности* и *квалифицирующей авторизации* фиксируется при использовании конструкций с перволичными дискурсивными голосами *в референтном статусе*, которые могут вводить собственный вывод говорящего или журналиста на основании мнений, предположений, фактов или личного знания / опыта. Употребление в ссылочных конструкциях перволичного дискурсивного голоса *в нереферентном статусе* манифестируют наряду с *инференциальной эвиденциальностью* и категорию *деавторизации*.

Маркеры *косвенной эвиденциальности с референтным* субъектом одновременно реализуют *квалифицирующую авторизацию* либо *деавторизацию*, если субъект является *нереферентным*; при этом экспликация собственно эвиденциальных значений не является обязательной. При усложнении структуры ссылок в рамках одного высказывания с использованием инкорпорированных друг в друга источников могут быть одновременно реализованы категории *авторизации*, *деавторизации* и *косвенной эвиденциальности*,

детерминированные референциальными характеристиками субъекта-первоисточника и иных активированных источников, при этом косвенная эвиденциальность может распространять отношения включения на авторизацию или деавторизацию.

В текстах обеих медиакультур в случае с *референтными* субъектами, вводящими *авторизованные интертексты*, благодаря прямой отсылке к идентифицируемому первоисточнику у читателя есть возможность найти полную версию текста-донора и верифицировать в случае необходимости извлеченные и используемые в тексте-реципиенте данные. В случае аутентичной или незначительно адаптированной передачи речевого действия референтного субъекта фиксируется точная, фактографическая привязка текста к действительности, а медиавысказывание имеет концентрированный референциальный фокус. *Неавторизованные интертексты*, маркируемые *нереферентными* эксплицитными или имплицитными субъектами, не допускают возможность верификации данных текста-донора из-за неидентифицируемости субъекта, что приводит к ослаблению привязки текста к действительности и появлению диффузного референциального фокуса. На смещенный референциальный фокус медиавысказываний, приоритетной для которого является функция воздействия, референциальные характеристики субъекта не влияют – здесь значение имеет наличие оценок и комментариев журналиста, которые репрезентируют отклонение от стратегии собственно информирования и выводят медиасообщение в интерпретационную сферу. При наличии межтекстовых следов и употреблении ссылочных конструкций реализуются одновременно *цитатная интертекстуальность*, *косвенная эвиденциальность* и – в зависимости от референциального статуса субъектов – категории *авторизации* или *деавторизации*, а в случаях введения ссылочными конструкциями прецедентных текстов с нефиксированным авторством – только *деавторизации*.

В англо- и белорусскоязычных интервью и прямой речи цитируемых лиц взаимосвязь референциальной *автоинтертекстуальности* и *авторизации* обнаруживается в функционировании неосложненных автоцитат. Говорящие обращаются к собственным текстам при порождении нового текста с активацией опознавательных сигналов автоинтертекстов, которыми выступают конструкции *авторизации* с обязательным *референтным* субъектом в форме личного местоимения первого лица единственного числа (в белорусском языке может быть подразумеваемым) и глаголом речи. В качестве факультативных элементов автоинтертекстуального сигнализирования в англоязычных текстах могут выступать локативный и/или темпоральный детерминанты, в белорусскоязычных – детерминанты образа действия. Такие авторизованные высказывания включаются в интертекстуальный диалог: говорящие субъекты устанавливают межтекстовые связи внутри собственной системы повествования, чтобы конкретизировать свои мировоз-

зренческие позиции, взгляды, представления о действительности. Только в англоязычных текстах фиксируются автоцитаты с отсылкой сразу к нескольким текстам-донорам.

В сравниваемых англо- и белорусскоязычных газетных текстах референциальные характеристики субъектов оказывают непосредственное влияние на достоверность сообщения. В случае с *референтным* субъектом активируется субкатегория точности, предоставляется возможность верификации сказанного источником, что обеспечивает *достоверность* сообщаемого; *нереферентный* субъект, соотносимый с неточностью, как правило, не обеспечивает *достоверность* сообщения (но в случаях ссылок на исследования и общественно-историческую практику реализация категории достоверности все же возможна). Участие в реализации фактической и коммуникативной достоверности принимают авторитетные *референтные* субъекты; *нереферентные* субъекты способствуют сохранению коммуникативной достоверности, если функционируют как маскирующиеся под авторитеты единицы, и не обеспечивают ни одну из разновидностей достоверности, если являются источниками с неизвестной репутацией (например, анонимными пользователями социальных сетей или субъектами слухов). Объективный характер изложения как критерий достоверности текста возможен при освещении события в сбалансированном виде: без дискурсивного перевеса в пользу одной из сторон и без оценочных комментариев со стороны журналиста-повествователя.

ГЛАВА 4. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕАВТОРИЗАЦИИ КАК ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ

Рассмотрение деавторизации в отдельной главе мотивировано тем, что именно для этой медиатекстовой категории субъектная референция оказывается салиентной, поскольку не только служит основанием для определения категориального статуса деавторизации и разграничения с авторизацией, но и благодаря системному употреблению вариативных референциальных типов субъектов ссылочных конструкций в медиатексте позволяет журналисту организовать подаваемые сведения в соответствии с определенными субъектными моделями и реализовать разные прагматические задачи.

До сих пор в лингвистике комплексное изучение «деавторизации» проводилось на уровне отдельного предложения⁴⁰ на материале английского и белорусского языков. Взаимодействие деавторизованных высказываний в пространстве всего текста не учитывалось или учитывалось частично тогда, когда антонимичные субъекты, выражающие контрастирующие позиции по определенному вопросу, были представлены в нескольких последовательных предложениях в конструкциях типа *some believe* ‘некоторые думают’, *others assume* ‘другие полагают’ / *na merkavannu adnych, na dumku drugix*. Выделение текстостроительной функции авторизации в работах исследователей [Супоницкая 2016; Гричин 2017; Лебедева 2013; Сыроватская 2009; Копытов 2014; Урунова 2015] побудило нас к рассмотрению комплементарного ей понятия «деавторизация» на уровне текста.

Под *текстовой деавторизацией* мы понимаем коммуникативно-прагматическую категорию, которая предполагает интегрирование неидентифицируемых дискурсивных голосов в текст для достижения разных коммуникативных целей. *Единицей* текстовой деавторизации является *деавторизованное предложение*, маркируемое конструкциями деавторизации. Тот факт, что тексты современной прессы строятся на обращении не столько к исключительно нереферентным (или наоборот только референтным) субъектам сведений, сколько преимущественно к сочетанию ссылок с субъектными компонентами разного референциального статуса, которые переплетены искусным образом, предоставляет журналисту совмещать фактологичность и интерпретативность для реализации своих коммуникативных интенций.

⁴⁰ Были установлены как референциальные характеристики субъектов конструкций деавторизации, так и структурно-семантические и прагматические характеристики конструкций в научных и публицистических текстах (см. подробнее [Басовец 2013]).

4.1. Коэффициенты деавторизованности англо- и белорусскоязычных газетных текстов

Анализ англо- и белорусскоязычных газетных текстов показал, что деавторизованные высказывания демонстрируют разный характер распределения в каждом отдельно взятом медиатексте и различную долю представленности в общем числе ссылочных конструкций. В зависимости от того, присутствуют ли в ссылочных конструкциях медиатекста только нереферентные, преимущественно нереферентные или, наоборот, преимущественно референтные субъекты, деавторизованность медиатекстов варьируется. К примеру, если в газетном тексте отсутствуют или представлены единично ссылки на конкретные источники, а сведения подаются преимущественно от имени нереферентных субъектов, то очевидно, что деавторизованность такого текста является более высокой по сравнению с текстом, где обнаруживается чередование ссылок на референтных и нереферентных субъектов или преобладание референтных субъектов.

Примерами медиатекстов, в которых доминируют неидентифицируемые субъекты сведений, могут служить англоязычная информационно-аналитическая статья «Which Nation Does the World Trust Most? (Hint: Follow the Dollar)» ‘Какой нации мир доверяет больше всего (Подсказка: следуй за долларом)’ (New York Times, 25.12.2017) и белорусскоязычная информационно-аналитическая статья «Чаму Японію раз’ядае маштабная карупцыя?» (Звязда, 15.12.2023), которые содержат следующие деавторизованные высказывания:

There is a popular narrative these days that President Trump is undermining America’s standing in the world... ‘В настоящее время распространенным нарративом является то, что президент Трамп подрывает положение Америки в мире...’; *...declinists say, Mr. Trump is demoting America to the status of any other country* ‘...деклинисты говорят, что г-н Трамп снижает статус Америки до статуса любой другой страны’; *Mr. Trump is far less trusted than President Barack Obama was and Mr. Trump’s America is viewed far less favorably than Mr. Obama’s was* ‘Г-ну Трампу намного меньше доверяют, чем президенту Баракку Обаме, а Америку г-на Трампа воспринимают намного менее благоприятно, чем Америку г-на Обамы’; *Many observers nonetheless assume ... financial clout will follow* ‘Многие наблюдатели тем не менее полагают, что ... последует финансовый удар’; *When the Chinese economy grew at a double-digit pace last decade and its currency appreciated strongly, many forecasters thought it would match the size of the American economy by now* ‘Когда в прошлом десятилетии экономика Китая показала рост, выраженный двузначным числом, а его валюта сильно увеличилась в цене, многие аналитики предположили, что к настоящему моменту она

достигнет размера экономики Америки'; *No one doubts that China poses a growing military and economic challenge to the United States* 'Никто не сомневается, что Китай бросает вызов США в военной и экономической сферах';

Карупця ў вышэйшых эшалонах улады Краіны ўзыходзячага сонца насуперак існуючым стэрэатыпам не з'яўляецца рэдкасцю; І хоць часам кажуць, што гэтая з'ява ўласціва не ўсёй адміністрацыйнай структуры, а толькі шэрагу міністэрстваў і ведамстваў, самую глыбокую ступень карумпаванасці выявілі ў міністэрстве фінансаў, якое кантралюе падаткі, бюджэт краіны і фінансы; Як адзначаюць эксперты, скандалы сталі часткай жыцця Японіі з 1990-х і да цяперашняга часу ператварыліся ў аб'ект пастаяннай барацьбы і ў інструмент уплыву на грамадскую думку ўнутры краіны; Як заўважаюць эксперты, усе гэтыя справы звязаныя са з'явай зрашчэння палітыкі і бізнесу; Паводле некаторых звестак, падчас выбарчай кампаніі ў адной з акруг у прэфектуры Хірасіма Кацуюкі Каваі, які кіраваў перадвыбарным штабам сваёй жонкі, раздаў выбаршчыкам каля 28 мільёнаў ен (220 тысяч долараў); Пры гэтым Кацуюкі Кава называлі чалавекам з блізкага атачэння Сіндза Абэ, на той момант прэм'ер-міністра краіны; Пра іх ведалі ўсе, але не казалі пра гэта ўслых, каб не выносіць смецце з хаты.

Конструкции с нереферентными субъектами, которые являются маркерами введения чужой речи, мысли, оценки или восприятия тех или иных событий, используются автором статьи на протяжении всего текста в качестве ссылок, что смещает фокус ответственности за сообщаемое с журналиста-повествователя на некий круг лиц. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что все употребленные в газетном тексте ссылки носят специфичный характер и не могут быть распознаны адресатом.

При одновременной представленности в медиатексте двух комплементарных категорий – авторизации и деавторизации – деавторизованность ниже в зависимости от текстового соотношения ссылочных конструкций с референтными и нереферентными субъектами. При подобной смешанной подаче материала деавторизованные части медиатекста, которые могут быть разными по протяженности и привлекать различное количество конструкций деавторизации, прерываются там, где вводятся высказывания со ссылками на референтные, идентифицируемые читателем источники информации, которые выступают в качестве авторизационного ключа. Примерами текстов с более низким коэффициентом деавторизованности могут служить статьи «EU's Brexit vision plan likely to be delayed over doubts at No 10» 'План ЕС по Брекситу вероятно будет отложен из-за сомнений английского правительства' (The Guardian, 8.10.2018) и «Закрыццё Амерыкі. Чаму ЗША вычарпалі

кредит даверу?» (Звезда, 24.07.2022), каждая из которых содержит два относительно независимых деавторизованных текстовых блока, которые разделяются авторизационным ключом.

А. Первый деавторизованный блок: *Sources said that the ongoing dispute would mean negotiators would face the “mother of all weekends” at the end of this week* ‘Источники сообщили, что продолжающийся спор означает, что в конце этой недели стороны переговоров ждут «чрезмерно напряженные выходные»»; *The UK’s insistence ... is also said to be a contentious issue* ‘Говорят, что упорство Великобритании ... является спорным вопросом’; *The two sides are understood to be working on the criteria that would be used to judge at what point this customs union would come to an end* ‘Предполагается, что две стороны работают над критериями, которые будут использованы для расчета той точки, когда этот таможенный союз прекратит свое существование’;

Як зауважали експерти яшчэ напярэдадні візіту, малаверагодна, што прэзідэнту ЗША ўдасца аб’яднаць Ізраіль і краіны Персідскага заліва... Заходнія аналітыкі з сумам канстатуюць той факт, што Саудаўская Аравія і эміраты Персідскага заліва больш не з’яўляюцца надзейнымі саюзнікамі Захаду. Па словах крыніцы ў адміністрацыі Байдэна, ЗША спадзяюцца інтэграваць абаронны патэнцыял краін рэгіёна ў агульную сістэму. Эксперты заявілі, што гэтае падлашчванне да краін Блізкага Усходу, калі ЗША знаходзяцца ў нафтавым крызісе, яшчэ больш выкрыла іх эгаізм і крывадушнасць у адносінах да гэтых краін рэгіёна...

Б. Авторизационный ключ: *Mujtaba Rahman, a former Treasury and commission official, said...* ‘Муйтаба Рахман, бывший сотрудник Казначейства и комиссии Казначейства, сообщил...’; *Тым не менш, тлумачыць Reuters, ушэрагу арабскіх краін дагэтуль няма дыпламатычных адносін з Тэль-Авівам...*

В. Второй деавторизованный блок: *The commission may wait until the eve of the summit to publish the future relationship document, alongside the Brexit withdrawal agreement, suggested one EU diplomat...* ‘Комиссия может подождать и опубликовать документ о будущих взаимоотношениях накануне саммита вместе с договором по списанию средств за Брексит, предположил один дипломат ЕС’; *One of the new suggestions on the table in Brussels is that the scale of checks could be reduced from 100 % to 30 % if trade talks go well...* ‘Одним из новых предложений за столом в Брюсселе является то, что количество проверок может быть снижено со 100 % до 30 %, если торговые переговоры пройдут успешно...’; *It is understood the proposals for checks “away from the Irish border” envisage controls as near as possible to the source rather than the destination of the goods...* ‘Предполагается, что предложения проводить проверки «подальше от границы с Ирландией» предусматривают проведение контроля как можно ближе к месту происхождения, нежели месту назначения товаров...’; *Up to now, it has been reported that these checks*

would take place in British ports such as Holyhead and Liverpool, but **it is understood** that under the EU proposals, the checks would be done on premises, distribution centres and ports across the UK ‘До настоящего времени сообщалось, что такие проверки будут проводиться в портах Холихед и Ливерпуль, но предполагается, что в рамках предложений ЕС проверки будут проходить на заводах, дистрибьюторских центрах и портах всего Соединенного Королевства’;

*Тым часам усё больш амерыканскіх інвестараў з песімізмам ацэньвае перспектывы сусветнай эканомікі і карпарацыйных прыбыткаў; Сярод найбуйнейшых рызык **фондавыя кіраўнікі адзначаюць** высокую інфляцыю, глабальную рэцэсію, а таксама «ястрабіны» настрой цэнтрабанкаў.*

В результате «разбавления» ссылочных конструкций с неидентифицируемыми субъектами авторизационными ключами фактологичность медиа-текста становится выше благодаря наличию верифицируемых источников сведений. При этом чем больше в тексте ссылочных конструкций с референтными субъектами сведений по отношению к нереферентным, тем ниже его деавторизованность. Наибольшей фактологичностью и низкой деавторизованностью обладают тексты, в которых нереферентные субъекты либо отсутствуют, либо их количество минимально.

Учет соотношения ссылочных конструкций с нереферентными субъектами ко всем ссылочным конструкциям в газетном тексте с опорой на субъектную навигацию текста⁴¹ позволяет определить *коэффициент деавторизованности* (от 0 % до 100 %), который рассчитывается по следующей формуле:

$$k_d = \frac{CKS_{\text{нн}} + CKS_{\text{но}}}{CKS_t} * 100 \%,$$

где k_d – коэффициент деавторизованности газетного текста, $CKS_{\text{нн}}$ – количество ссылочных конструкций с нереферентным неопределенным субъектом, $CKS_{\text{но}}$ – количество ссылочных конструкций с нереферентным обобщенным субъектом, CKS_t – общее количество ссылочных конструкций с референтными и нереферентными субъектами в тексте.

На основе расчетов устанавливается диапазон значений для присвоения тексту коэффициентов деавторизованности, выраженных в процентах: при коэффициенте до 20 % устанавливается минимальный коэффициент деавторизованности; 21 %–40 % – низкий; 41 %–60 % – средний; 61 %–80 % – высокий; 81 %–100 % – максимальный. Расчет коэффициентов произведен для каждого текста количественной выборки. Приведем полученные данные в сравнительной диаграмме ниже.

⁴¹ Подробнее о субъектной навигации текста [Степанов, Варфоломеева 2021, с. 64] как способе ориентации в когнитивной сфере говорящего эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов с помощью прагматических локализаторов речевой интенции см. в статье В. Н. Степанова и Ю. Н. Варфоломеевой [Степанов, Варфоломеева 2021].

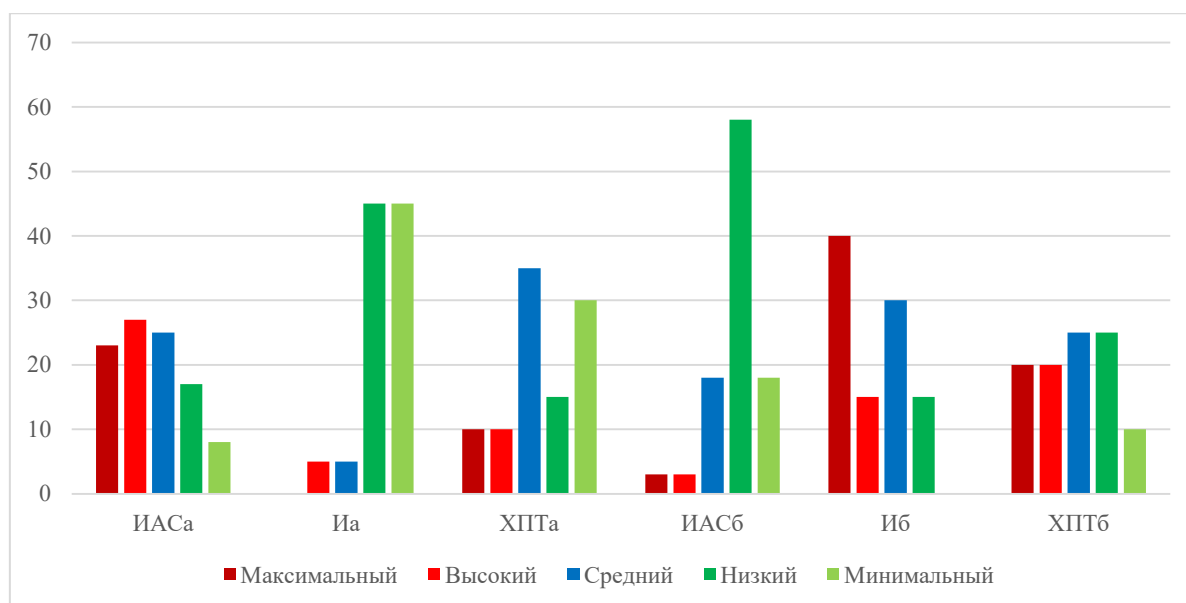

Диаграмма 4. Коэффициенты деавторизованности англо- и белорусскоязычных газетных текстов, %

Количественный анализ позволяет констатировать следующие специфические черты для сопоставляемых газетных текстов.

1. Англоязычные информационно-аналитические статьи гораздо более деавторизованы, чем белорусскоязычные: в англоязычных информационно-аналитических статьях максимальный коэффициент деавторизованности примерно в восемь раз превышает аналогичный показатель в белорусскоязычных статьях, а максимальный и высокий коэффициенты суммарно составляют 50 % в англо- и 6 % в белорусскоязычных статьях, демонстрируя расхождение более чем в восемь раз. Выявленная тенденция в англоязычных газетных текстах детерминирована субъектно-референциальной стратегией вуалирования и прагматической функцией сокрытия источников, что не характерно для белорусскоязычных текстов данного жанра, в которых сокрытие источников информации в таких масштабах не встречается.

2. Среди белорусскоязычных интервью не выявлен минимальный коэффициент, а для англоязычных интервью не характерен максимальный коэффициент деавторизованности. Кроме того, в белорусскоязычных интервью суммарные показатели максимального и высокого коэффициентов деавторизованности превышают те же показатели в англоязычных интервью в одиннадцать раз (55 % vs 5 %). Многократное превышение деавторизационных показателей в белорусскоязычных интервью по сравнению с англоязычными обусловлено стремлением отечественных интервьюируемых к плюрализации собственного мнения путем употребления нереферентного инклюзивного «мы» в ссылочных конструкциях. Англоязычным же интервью присуща высокая концентрация авторизационных «я»-показателей. Эти особенности подачи информации в интервью и объясняют высокую деавторизованность белорусскоязычных интервью и низкую – англоязычных.

3. Белорусскоязычные художественно-публицистические тексты являются более деавторизованными, чем англоязычные: доля текстов с максимальным и высоким коэффициентами деавторизованности (40 %) в два раза больше аналогичного показателя в англоязычных газетных текстах (20 %), что обусловлено более интенсивной представленностью конструкций деавторизации с гипотетическим и псевдонеопределенным субъектом в рамках стратегий вуалирования и конструирования.

Средние коэффициенты деавторизованности $k_{дср}$ для сопоставляемых текстов разных медиажанров приведены в таблице ниже.

Т а б л и ц а 3

Средние коэффициенты деавторизованности разножанровых газетных текстов на английском и белорусском языках

Жанр	$k_{дср}$ в англоязычных газетных текстах, %	$k_{дср}$ в белорусскоязычных газетных текстах, %
Информационно-аналитические статьи	60 (средний)	33 (низкий)
Интервью	26 (низкий)	66 (высокий)
Художественно-публицистические тексты	43 (средний)	55 (средний)

Сопоставление средних показателей демонстрирует следующие тенденции: низкий коэффициент деавторизованности характерен для белорусскоязычных информационно-аналитических статей и англоязычных интервью, у информационно-аналитических статей на английском языке выявляется средний коэффициент (в пограничном значении близком к высокому), а высокий коэффициент свойственен интервью на белорусском языке. Художественно-публицистическим текстам на английском и белорусском языках присущ средний коэффициент. Наиболее существенное расхождение демонстрируют тексты интервью, для которых характерно расхождение среднего показателя почти в три раза.

4.2. Субъектные модели текстовой деавторизации

Функционирование деавторизованных высказываний в пространстве целого газетного текста демонстрирует не только их роль в развитии повествования, различную представленность, характер текстового расположения и разные выполняемые ими прагматические функции, но и системные связи. Как в англо-, так и в белорусскоязычных газетных текстах используется

несколько основных субъектных моделей текстовой деавторизации, в соответствии с которыми материал предъявляется читателю от имени неререферентных повествующих субъектов.

В процессе моделирования⁴² приняты те же символичные обозначения, что и на с. 77⁴³, дополнительно используются следующие: $S_{\text{нои}}$ – неререферентный обобщенный инклюзивный (включающий говорящего) субъект, T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения. Кроме того, при указании субъектов разных типов в моделях могут использоваться нижние индексы, например: $S_{\text{ин1}}$. В таких случаях первое число, указанное в нижних индексах, обозначает порядковый номер субъектной группы, которая представлена в тексте; второе число в нижних индексах указывает на порядок субъекта-представителя в референциальной цепочке в рамках одной субъектной группы либо порядок упоминания субъекта в тексте (при отсутствии субъектных групп).

Поскольку архитектура моделей в газетных текстах может демонстрировать индивидуальные особенности, целесообразно в начале описания выстроить наиболее общие, прототипичные модели, а в дальнейшем иллюстрировать их на примерах из конкретных текстов. Для построения прототипичных моделей используются сплошные и пунктирные линии, а также многоточия. Сплошные линии обозначают обязательные конструктивные элементы; пунктирные линии показывают возможность вариации количества и характера распределения в текстовой плоскости; многоточия предполагают наличие дополнительных конструктивных элементов модели.

Субъектные модели строятся на основании определенных принципов и могут быть систематизированы по а) наличию / отсутствию субъектных центров, б) наличию (и характеру) / отсутствию уровней, в) равновесности / неравновесности представления позиций субъектных центров или компонентов разных групп. Субъектные модели обладают постоянными и переменными признаками, которые будут рассмотрены подробнее по каждой модели.

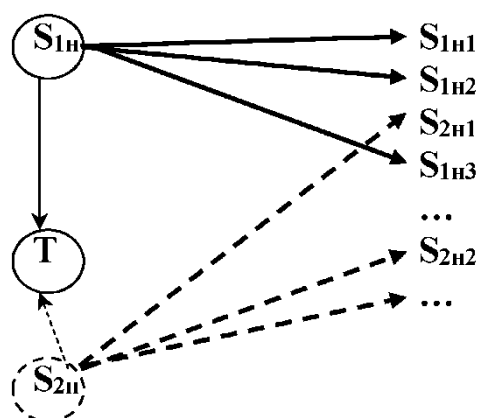
4.2.1. Кустовая модель

Одной из наиболее распространенных в исследуемых текстах является кустовая субъектная модель текстовой деавторизации. Кустовая модель предполагает наличие ядра – субъектного центра, вокруг которого группируются отдельные неререферентные субъекты на основании принадлежности к определенной группе по критерию семантической близости. Такая модель

⁴² Подчеркнем, что для именования субъектных моделей (их названий) использовался терминологический аппарат теории графов (например, [Карпов 2022]).

⁴³ Напомним: S_p – референтный субъект, S_n – неререферентный субъект, $S_{\text{но}}$ – неререферентный обобщенный субъект, $S_{\text{нн}}$ – неререферентный неопределенный субъект.

может быть одно-, двух- или полиядерной. Независимо от количества субъектных центров в кустовой модели с разным расположением конструктивных элементов при освещении обсуждаемой проблемы различные точки зрения неидентифицируемых представителей субъектных групп предъявляются читателю либо как противопоставленные, либо как взаимодополняющие. В любом случае, как правило, фиксируется коммуникативный перевес в сторону одного из субъектных центров или – в случае одноядерной модели – одного представителя субъектного центра (возможно того, мнение которого разделяет журналист).

В одноядерной кустовой модели с эксплицитными различающимися позициями для кодирования субъектных компонентов могут использоваться редуцированные референциальные выражения, включающие контрастивные пары или цепочки местоимений типа *many (most)* ‘многие’ – *others* ‘другие’ или *some* ‘некоторые’ (*a number of* ‘ряд’) – *others* ‘другие’; *адны* – *другія*, *адны* – *іншыя*, *адны* – *другія (іншыя)* – *трэція (многія)*, *хтосьці* – *а хтосьці* или иные компоненты конструкций деавторизации, которые маркируют введение разных точек зрения.

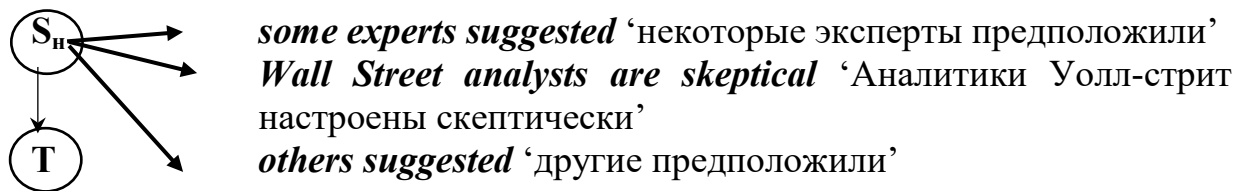

Рис. 4. Одноядерная кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычном газетном тексте

Рис. 5. Одноядерная кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычном газетном тексте

Одной из наиболее типичных для англо- и белорусскоязычных газетных текстов является двухъядерная кустовая модель, включающая такие неиндивидуализированные субъектные группы, как «эксперты» – «простые люди» («специалисты» – «неспециалисты»). В этом случае дихотомия мнений, слов, оценок «специалистов» / «неспециалистов», как правило, имеет в газетном тексте неравновесную представленность. Неравновесность относится как к разному количеству соответствующих субъектных компонентов каждой группы в тексте, так и к степени релевантности: мнение экспертной субъектной группы подается как релевантное, весомое, носит констатирующий характер, а мнение простых людей может выражаться более развернуто, но иметь менее релевантный характер. Кроме того, двухъядерная модель, выражающая мнения специалистов и неспециалистов, может выстраиваться по принципу «сторонники» – «противники» с очевидной эксплицитно-контрастной подачей материала и дискурсивным перевесом в сторону релевантной экспертной позиции (как, к примеру, в статье «Ці не складана перанесці дзіцячаму арганізму прышчэпкі адразу ад шасці інфекцый?» (Звязда, 29.01.2023), в которой мнение врачей по вопросу детской вакцинации противопоставлено бытовому представлению простых людей и является более весомым: *лор-урачы і ўрачы-педыятры кажуць vs шырока распаўсюджана думка, лічыцца, некаторыя бацькі адмаўляюцца*). Дискурсивный перевес в сторону релевантной экспертной позиции обусловлен салиентным различием в том, что «специалисты» и «неспециалисты» не являются «эпистемически равными (англ. *epistemic peers* ‘эпистемические ровесники’) по интеллекту, способности к рассуждению, накопленными знаниями и фоновой информации» [Dentith 2017, p. 69–70].

Рассмотрим функционирование двухъядерной кустовой модели на примере статьи «How MI5 agent used Celtic tickets to infiltrate ‘New IRA’» ‘Как агент МИ5 использовал билеты в приложении Celtic для проникновения в «Новую ИРА»’ (The Times, December 28, 2022), которая демонстрирует чередование конструкций с разнореференциальными субъектными номинациями.

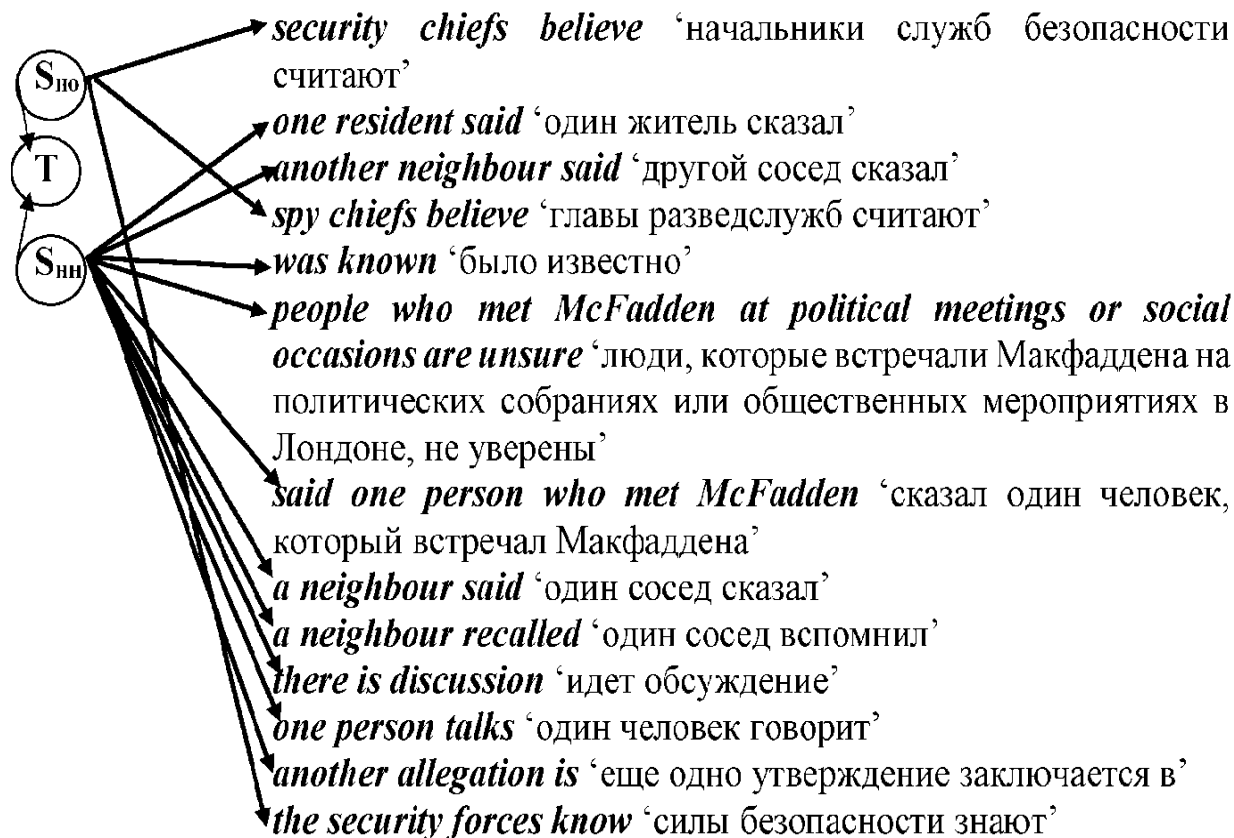

Рис. 6. Двухъядерная кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

В рассматриваемой статье деавторизованные высказывания демонстрируют чередование утверждений, подаваемых от имени нереферентных субъектов двух групп: «сил безопасности», которые представлены обобщенными номинациями, и простых граждан, соседей, которые кодируются средствами категории неопределенности.

В статье присутствует параллелизм конструкций деавторизации как в отношении структурного, так и референциально-семантического наполнения: в конструкциях с обобщенными субъектами ($S_{но}$), репрезентирующими органы безопасности, представлены субъекты мысли, вербализованные схожей именной группой с идентичным или синонимичным глагольным компонентом (*believe* (2), *know* (1)), в субъектно-предикатных конструкциях с

неопределенными субъектами (S_{nn}), репрезентирующими простых людей, представлены преимущественно субъекты речи с идентичным глагольным компонентом (*said*).

Интерпретация предмета обсуждения (агента MI5) у обобщенных субъектов мысли («сил безопасности»), которые «считают/знают», и неопределенных субъектов речи (соседей, простых людей), которые «говорят», различается и противопоставляется. Такое предъявление материала ориентировано на выделение положительных и отрицательных характеристик предмета обсуждения, а основным прагматическим вектором статьи является его разносторонняя характеристика.

Покажем строение двухъядерной кустовой модели с последовательным расположением субъектных компонентов на примере белорусскоязычной статьи «Хабар для Евы. Колькі каштуе Еўрапарламент?» (Звязда, 23.12.2022).

Рис. 7. Двухъядерная кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

В субъектно-предикатных конструкциях с обобщенными субъектами ($S_{но}$), репрезентирующими экспертов, представлены субъекты речи, вербализованные именными группами (*эксперты*, *еўрапейскія СМІ*) и локативным детерминантом (*у Еўрапарламенце*), в то время как в конструкциях с неопределенными субъектами ($S_{нн}$), представляющими не экспертов, подразумеваются субъекты речи/мысли в составе редуцированных референциальных выражений с третьеличным нулем (безличных, пассивных, номинализованных и неопределенно-личных конструкций), которые, однако, не соотносятся с упомянутыми ранее обобщенными номинациями, поскольку подразуме-

вают более широкий неидентифицируемый круг лиц, сравним: *Урсулу фон дер Ляен (як яе называюць, «мадам УФДЛ») падазраюць у лабіраванні інтарэсаў фармгіганта Pfizer з ЗША і «адсутнасці празрыстасці».*

Очевидное преобладание в рассматриваемой статье бессубъектных конструкций, реализующих прагматическую функцию ухода от ответственности за сообщаемое, объясняется самим новостным поводом – взяткой высокопоставленного чиновника Европарламента, в отношении которого выдвигаются разные версии и достоверных сведений пока не получено, однако при этом существует необходимость информирования читателей. В подобных текстах в дополнение к прагматической функции снятия ответственности за сообщаемое конструкции деавторизации выполняют «медийную функцию удовлетворения информационной потребности» [Осетрова 2010, с. 30]. Рассматриваемое явление, по утверждению Е.В. Осетровой, прочно включено в контекст современного пространства СМИ и не должно оцениваться только как наступление на достоверность факта или как манипуляция мнением массовой аудитории, поскольку существуют объективные причины, повлекшие его возникновение, например, освещение актуальных проблем [там же, с. 31]. В отличие от рассмотренной выше англоязычной статьи, где фиксируется оппозиция подходов «специалистов» – «неспециалистов», в анализируемой белорусскоязычной статье взгляды обобщенных и неопределенных субъектов не противопоставляются, а дополняют друг друга и «выполняют единую задачу развития текста», поскольку в данном случае «неавторизованные экспертный и слуховой субъект работают сообща» [Осетрова 2010, с. 25].

Разновидностью кустовой субъектной модели текстовой деавторизации, характерной для текстов интервью, является модель, в основе строения которой лежит бинарная оппозиция «свои» – «чужие». В соответствии с бинарной оппозицией интервьюируемый субъект выражает приверженность определенной коллективной точке зрения «своих», маркируемой конструкциями с обобщенно-собирательным инклюзивным «мы», которая противопоставлена мнению «чужого» обобщенного субъекта, маркируемого при редуцированном кодировании местоимением «они». При этом, как правило, как в англо-, так и в белорусскоязычных интервью эта оппозиция конституируется как «противопоставление “своей” (правильной) и “чужой” (ошибочной) точек зрения, т. е. как диалог неравноправных в эпистемическом отношении мнений» [Задворная 2001, с. 24].

Рассмотрим строение модели с контрастивными позициями обобщенных субъектов на примере англоязычного интервью с лидером лейбористской партии «*An interview with Sir Keir Starmer*» ‘Интервью с сэром Киrom Стармером’ (The Economist, April 26, 2023).

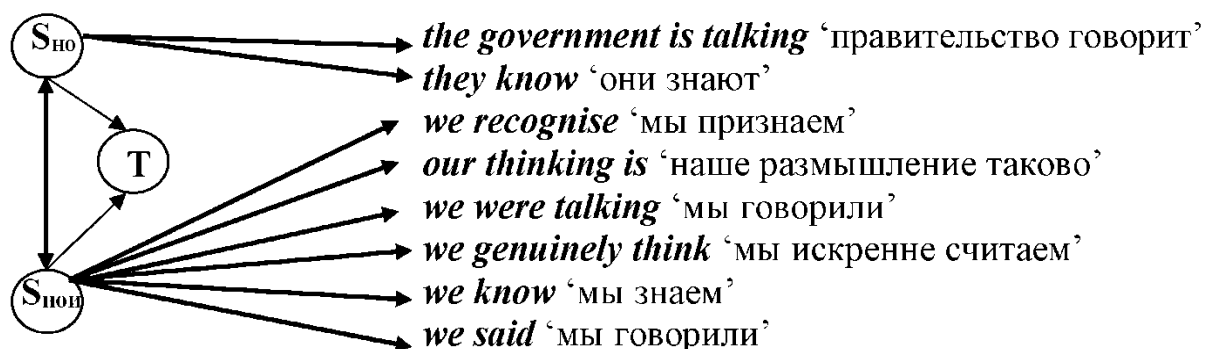

Рис. 8. Кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычном интервью

Рисунок иллюстрирует противопоставление коллективного мнения «своих», за которым стоит сам интервьюируемый и его сторонники-однопартийцы и которое маркируется конструкциями с инклюзивным собирательным личным местоимением первого лица множественного числа, и мнения «чужих», т.е. представителей правящей партии, которое маркируется двусоставными глагольно-именными конструкциями с метонимичным существительным и дейктическим местоимением третьего лица множественного числа. При этом выражение своей позиции помещено в дискурсивный фокус, что отражается не только в численном превосходстве соответствующих конструкций, но и в наличии ряда интенсифицирующих дискурсивных сигналов, работающих на усиление позиции «своих». Усиление конституируется за счет аргументированного развития и обоснования высказанной точки зрения, а в качестве интенсифицирующих сигналов выступают:

а) авторизующие конструкции с коммуникативным акцентом на экспертности, предыдущем опыте адресанта: *I know this first hand, because I ran a public service for five years* ‘Я знаю это из личного опыта, потому что пять лет руководил государственной службой’; *I think that it’s very important for me to say that as Leader of the Opposition wanting to be the Labour Prime Minister, heading a Labour government* ‘Я думаю, что для меня очень важно сказать это как для лидера оппозиции, желающего стать премьер-министром Лейбористской партии, возглавляющим лейбористское правительство’;

б) автоинтертекстуальные вкрапления, акцентирующие неоднократность экспликации определенных утверждений в дискурсе говорящего: *I previously said* ‘я ранее говорил’; *I’ve said many, many times* ‘я говорил много, много раз’; *I was saying* ‘я говорил’;

в) конструкции авторизации квалифицирующего типа с интенсификаторами: *I’m well aware* ‘я прекрасно знаю’; *I do know* ‘я действительно знаю’; *I do think* ‘я действительно полагаю’; *I do acknowledge* ‘я действительно подтверждаю’.

В белорусскоязычных интервью используется аналогичный принцип построения данной разновидности кустовой модели на основе бинарной оппозиции «свои» – «чужие», который можно продемонстрировать на при-

мере белорусскоязычного текста беседы с председателем Белорусской федерации легкой атлетики Иваном Тихоном (Звязда, 29.09.2023), где имеет место редкий случай равновесной представленности субъектных центров.

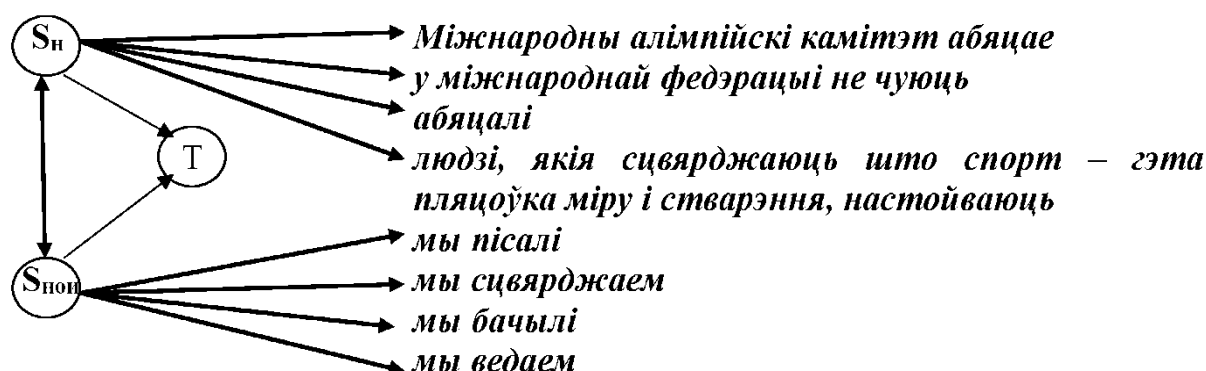

Рис. 9. Кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычном интервью

Для кодирования позиции представителей международного олимпийского комитета, т.е. мнения «чужих», используются полные именные группы, локативный детерминант или третьеличный нуль в неопределенно-личной конструкции, например: *Абяцалі разгледзець пытанне яшчэ падчас леташняга чэмпіянату свету ў Арэжоне, але тады яго так і не разгледзелі*. Для выражения позиции «своих», с которой отождествляет себя интервьюируемый субъект, используются выражения с инклюзивным собирательным «мы», что позволяет акцентировать коллективность высказанной позиции: *Мы бачылі, што лёгкаатлеты знаходзяцца ў добрай форме; Мы сцвярджаем, што не згодныя з рашэннем аб нашым адхіленні, заклікаем выконваць прынцыпы алімпізму, найважнейшыя з якіх – спорт па-за палітыкай*.

Несмотря на паритетную количественную представленность конструкций деавторизации, репрезентирующих два противопоставленных субъектных центра, позиция «своих» подается в более сильном коммуникативном ключе благодаря более весомой представленности и интенсифицирующим дискурсивным сигналам. Как и в англоязычном интервью, в интервью на белорусском языке мнение «своих» подкрепляется вкраплением по всему тексту конструкций авторизации с личным местоимением первого лица единственного числа типа *я перакананы; я думаю; я разумею; я лічу* для выражения собственных мировоззренческих позиций, а также употребляются дискурсивные сигналы типа *я як спартсмен, як старшыня федэрацыі лічу*, которые подчеркивают компетенцию говорящего, что является основанием для квалификации его мнения как экспертного и релевантного в своей области. Подобного рода конструкции авторизации с акцентом на экспертной роли говорящего приносят прагматическое обогащение *мы*-высказываниям и позволяют выразить мнение «своих» в более весомом ключе.

4.2.2. Центрическая модель

Еще одной субъектной моделью текстовой деавторизации, выявленной нами в сопоставляемых жанрах обеих медиакультур, является центрическая. Центрическая субъектная модель строится по принципу «стимул» – «реакция» и включает центральный компонент – референтный субъект – как связующий элемент модели, с одной стороны, и одну или несколько относительно самостоятельных нереферентных субъектных групп, с другой стороны. В данной модели стимулом являются коммуникативные действия (к примеру, публичные заявления) центрального элемента (например, конкретного политика, известной личности, общественного деятеля и т. п.), которые представляют собой новостной повод, а реакции на стимул конституируются периферийными элементами (неидентифицируемыми субъектными группами). Как и для кустовой, для центрической модели можно выделить постоянные и переменные признаки. К постоянным признакам относятся облигаторные компоненты: центральный референтный субъект и периферийный нереферентный субъект (субъекты), которые связаны между собой характером коммуникативного взаимодействия их утверждений по принципу «стимул» – «реакция». Переменные характеристики модели распространяются на количество периферийных субъектных групп и представителей внутри группы, их последовательное или чередующееся текстовое расположение, структурно-семантическое наполнение конструкций и наличие / отсутствие эксплицитно-оценочной журналистской позиции в отношении инкорпорированных «реакций». Изобразим строение центрической субъектной модели при помощи рисунка.

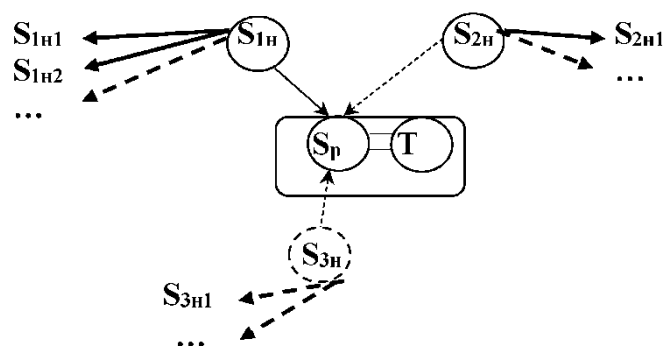

Рис. 10. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации

Функционирование центрической субъектной модели покажем на примере англоязычной статьи «Starmer sells himself on stability – but does that benefit the country, or just business and elites?» ‘Стармер торгует стабильностью – но приносит ли это пользу стране или только бизнесу и элитам?’ (The Guardian, 13.10.2023).

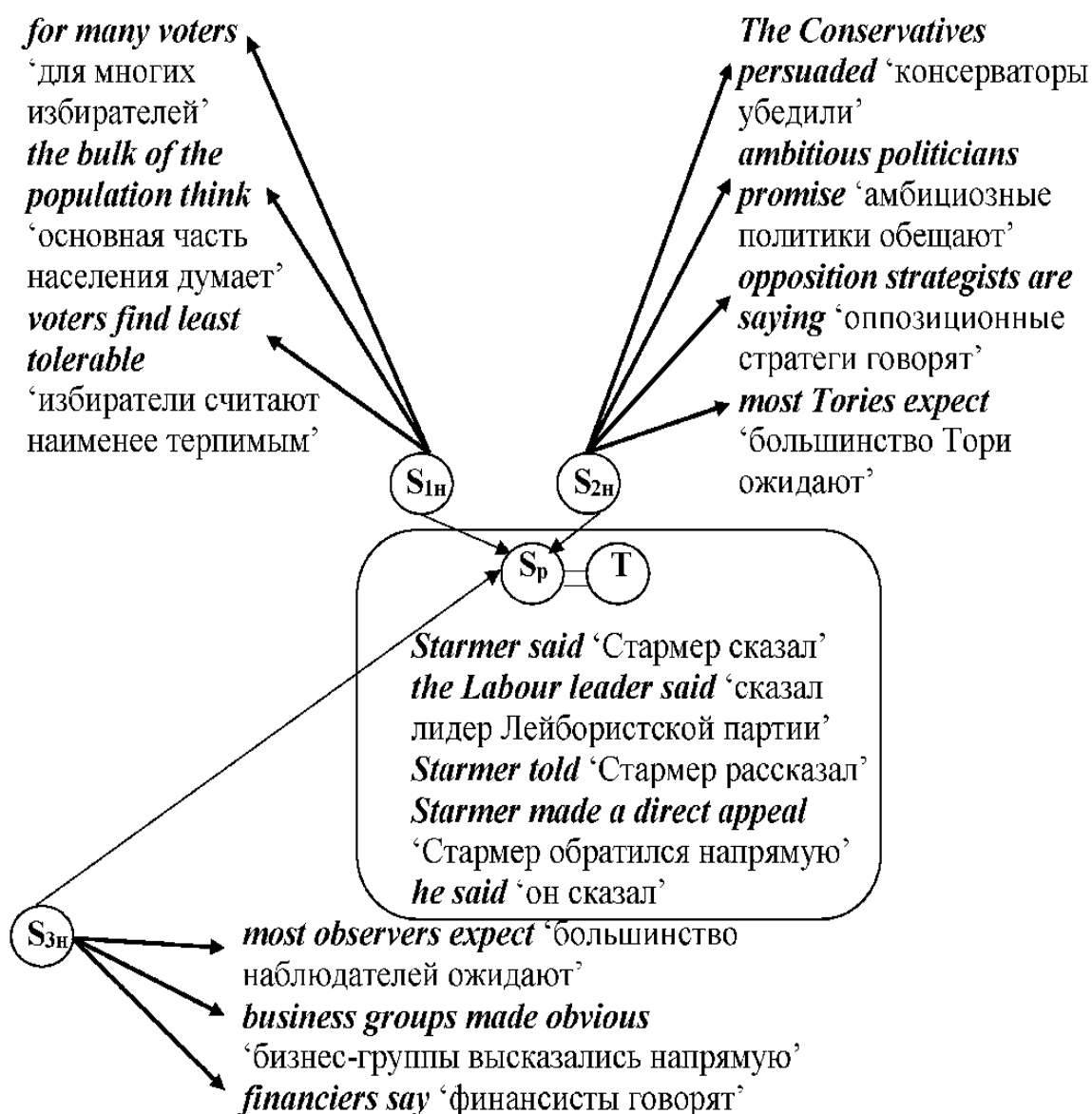

Рис. 11. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Центральный компонент рассматриваемой модели представлен конструкциями с референтным субъектом – лидером Лейбористской партии, вокруг которого сгруппированы периферийные компоненты модели, которые включают нереферентные субъекты, принадлежащие к одной из следующих групп лиц, упомянутых в статье: избиратели, бизнесмены, политические противники. Высказывания референтного субъекта как центрального элемента влекут за собой вербальные реакции представителей периферийной области. Характер таких реакций в отношении высказанного референтным субъектом варьируется: от критических замечаний со стороны представителей политических противников до поддержки со стороны избирателей или высказанных ожиданий со стороны бизнес-кругов.

Сопоставление функционирования центрической субъектной модели текстовой деавторизации в белорусскоязычных газетных текстах позволяет

обнаружить сходные черты, которые мы проиллюстрируем на примере статьи «Брудны Гары. Чым шакіравалі скандальныя мемуары брытанскага прынца» (Звязда, 15.01.2023).

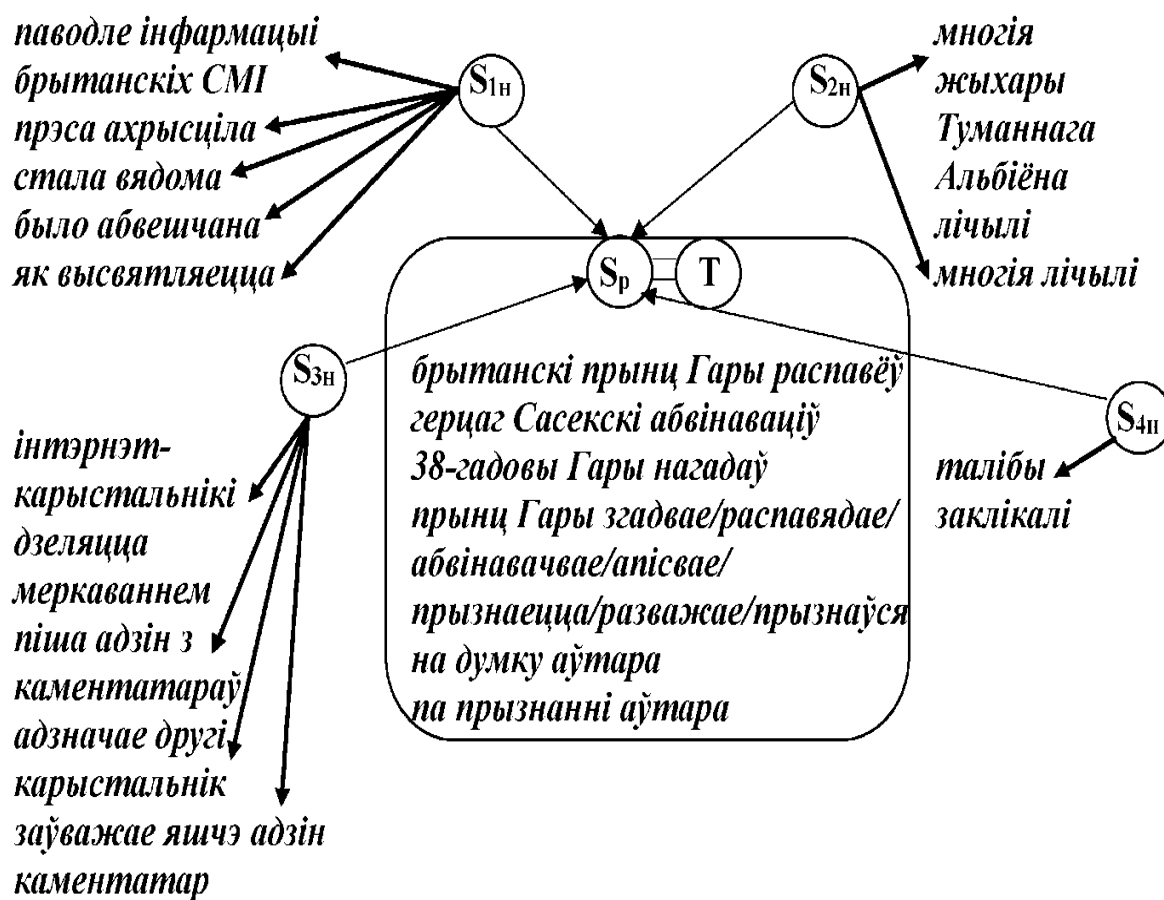

Рис. 12. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Количество относительно самостоятельных периферийных компонентов модели соответствует числу представленных в статье маркированных вербальных реакцией нереферентных субъектов – представителей разных групп общества, а именно: прессы, жителей Великобритании, интернет-пользователей и участников военного конфликта в Афганистане на высказывания референтного субъекта – британского принца Гарри. Отобранные вербальные реакции из всего многообразия существующих альтернатив и дальнейшая экспликация мыслительной операции выбора журналиста-автора имеет последовательное текстовое воплощение, отражает динамику авторского замысла и не включает мнения тех, кто поддерживает британского принца. Последовательно презентованные в тексте реакции обобщенных или неопределенных субъектов на сказанное конкретным субъектом носят исключитель-

но критический характер, что и определяет общий прагматический вектор статьи – осветить разностороннюю критику на новостной повод, которая подается конструкциями деавторизации.

4.2.3. Дисперсная модель

Если в предыдущих субъектных моделях наблюдались субъектная когерентность и четкая структурная организация компонентов, то в дисперсной субъектной модели эти признаки отсутствуют: здесь в относительно свободном порядке в разных частях текста точно расположены различные по наполнению конструкции деавторизации, субъектные компоненты которых не демонстрируют регламентированной структурной организации и не предполагают объединения в группы по семантическому критерию.

Строение анализируемой модели отличают два постоянных признака: субъектные компоненты кодируются преимущественно редуцированными референциальными выражениями; нереферентные субъекты рассредоточены по всему тексту в составе отдельных высказываний, которые можно графически представить в форме точек. Вариативность, как и в случаях с рассмотренными ранее моделями, распространяется на количество субъектов, наполнение конструкций и сопровождающую оценочную позицию журналиста. Последовательное или чередующееся расположение точечных субъектных компонентов для данной модели не релевантно. Покажем относительно свободное расположение тематически связанных субъектных элементов, рассредоточенных по тексту, при помощи рисунка.

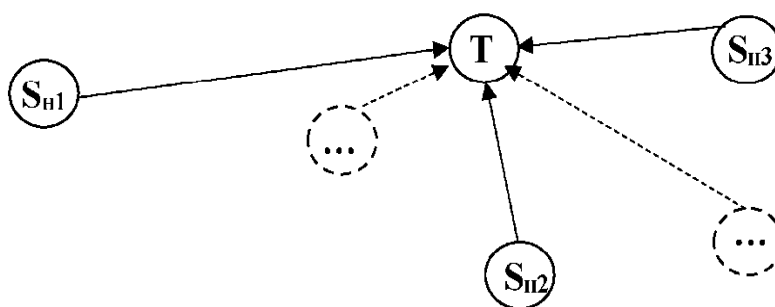

Рис. 13. Дисперсная субъектная модель текстовой деавторизации

Функционирование дисперсной модели продемонстрируем на примере статьи на английском языке «How should you fight inflation? (Spoiler alert: not with interest rate rises)» ‘Как бороться с инфляцией? (Спойлер: не с помощью повышения процентных ставок)’ (The Guardian, 27.01.2023).

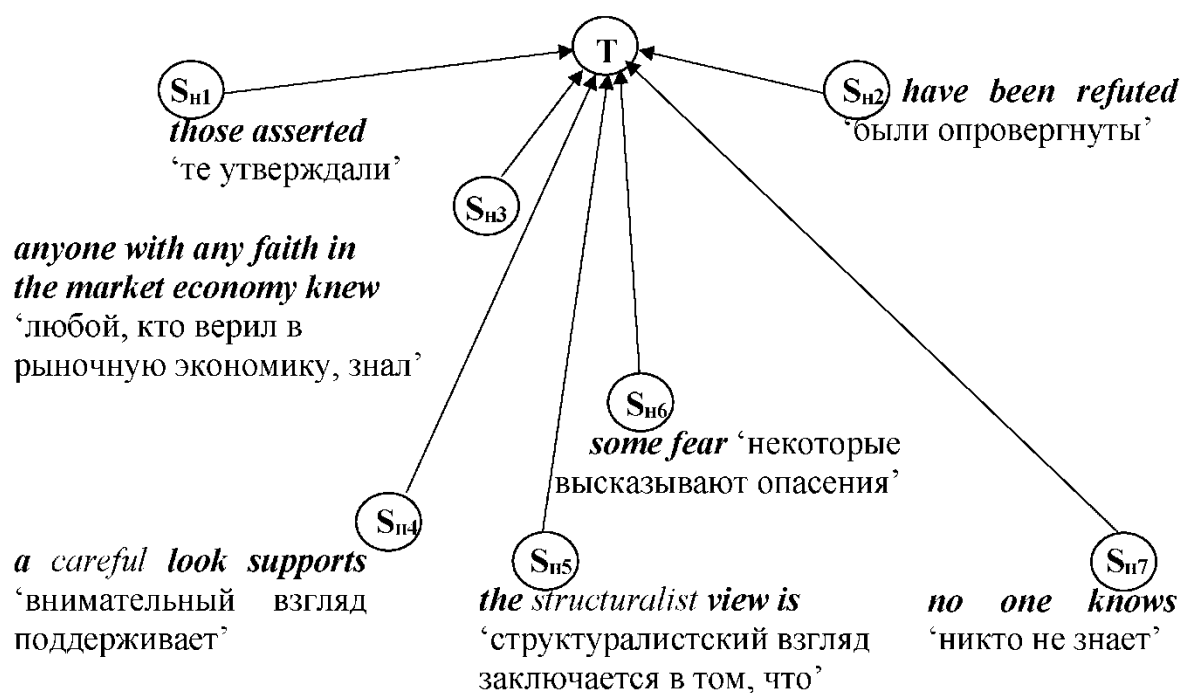

Рис. 14. Дисперсная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Выражения, экстериоризирующие референциальный выбор говорящего в отношении субъектной номинации, содержат только редуцированные формы, включая указательное местоимение *those* 'те'; неопределенные местоимения *some* 'некоторые', *anyone* 'любой', *no one* 'никто', третьеличные нули в пассивной и номинализированных конструкциях. При этом редуцированные референциальные выражения с третьеличным нулем и указательным местоимением *those* 'те', которое не используется в анафорической функции, не только демонстрируют референциальную неопределенность, но и допускают референциальную альтернативу при попытке декодирования их читателем. На фоне доминантного прагматического вектора (в рассматриваемой статье, к примеру, таковым является убеждение в неэффективности повышения процентных ставок по кредитам для борьбы с инфляцией) конструкции деавторизации с нереферентными субъектами, расположенные в относительно свободном порядке в тексте, могут выполнять широкий комплекс дополнительных прагматических задач: от подачи утверждения как общеизвестного в случае с конструкцией с определительным местоимением со значением всеобщности, снижения ответственности за сообщаемое в случае с номинализированными и пассивными конструкциями до сокрытия субъекта в случае с конструкциями с неопределенными местоимениями.

В сопоставляемых газетных текстах данная модель представлена сходным образом как в отношении свободного расположения в текстовой плоскости, так и в части реализации широкой палитры прагматических функций

в рамках единой коммуникативной интенции. Продемонстрируем функционирование дисперсной субъектной модели текстовой деавторизации в белорусскоязычном медиаполе на примере статьи «Фунт ліха. Куды рушыць Вялікабрытанія?» (Звязда, 15.05.2022).

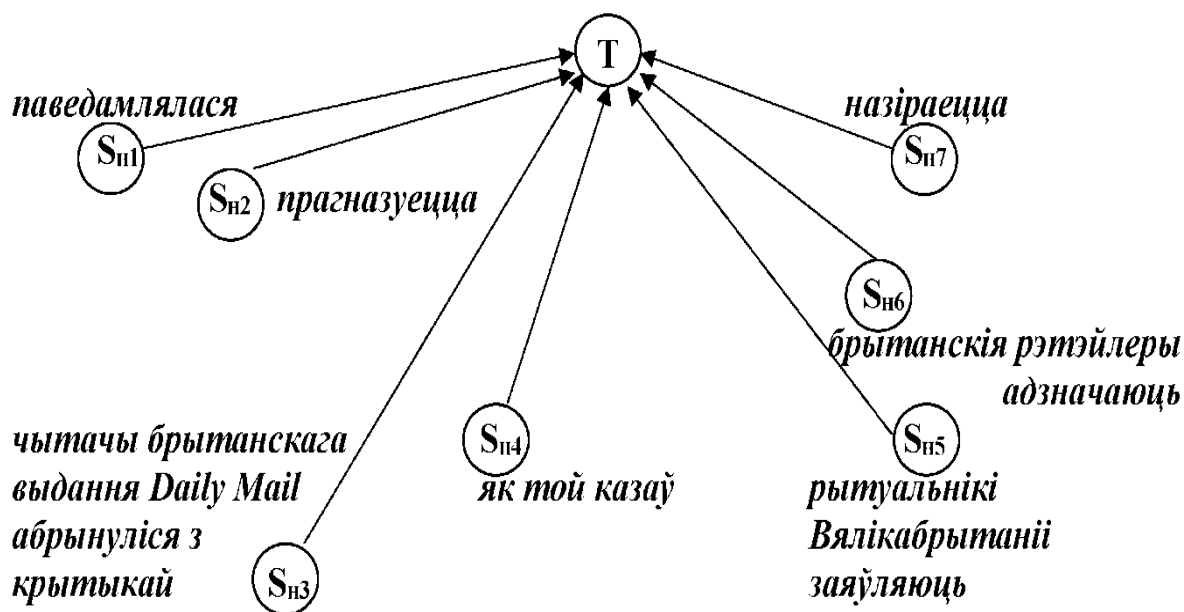

Рис. 15. Дисперсная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

В анализируемой статье редуцированные референциальные выражения, включающие третьеличные нули в безличных конструкциях и неопределенное местоимение в субъектно-предикатной конструкции, количественно преобладают. Вариативность проявляется в отношении наполнения конструкций средствами субъектного кодирования, где наряду с редуцированными референциальными выражениями для номинации нереферентных субъектов употребляются и полные именные группы.

Для реализации основной коммуникативной интенции (критически осветить существующее положение дел в стране из-за проблем в разных сферах, в частности в отношении проводимой в Великобритании фискальной политики) журналист прибегает к использованию интенсифицирующих дискурсивных сигналов в форме авторизующих конструкций, маркирующих собственное мнение журналиста. Экстериоризация авторской позиции осуществляется, во-первых, в форме собирательного инклюзивного наблюдения в сопровождении негативно-оценочных единиц: *Мы назіраем відавочнае абясцэньванне фунта стэрлінгаў на працягу 2022 года*; и, во-вторых, индивидуального, маркируемого вводной конструкцией, мнения: *Па-мойму, каментарыі тут залішнія*.

4.2.4. Иерархическая модель

Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации строится в соответствии со ступенчатым представлением данных от имени неререферентных субъектов различных уровней, связанных отношениями включения, или по принципу «часть» – «целое», при этом субъект верхнего уровня может включать в себя один или несколько субъектов более низкого уровня, т.е. иерархия строится по вертикальной оси, а ее конструктивные элементы могут получать развертывание по горизонтальной оси.

Иерархической модели свойственны а) специфичные языковые средства кодирования неререферентных субъектов: преимущественно существительные в метонимичном употреблении; б) структурно-семантический параллелизм конструкций деавторизации: в основном употребляются субъектно-предикатные конструкции (редко бессубъектные конструкции – в таком случае семантический субъект выступает в качестве локативного детерминанта); в) прагматический эффект весомости сообщаемого благодаря семантике субъектных компонентов (к примеру, сведения подаются от имени страны или важнейших государственных органов).

Переменными составляющими рассматриваемой модели может выступать количество компонентов каждого уровня и структура иерархии (строго вертикальная однокомпонентная или древовидная многокомпонентная). Схематично модель можно изобразить следующим образом.

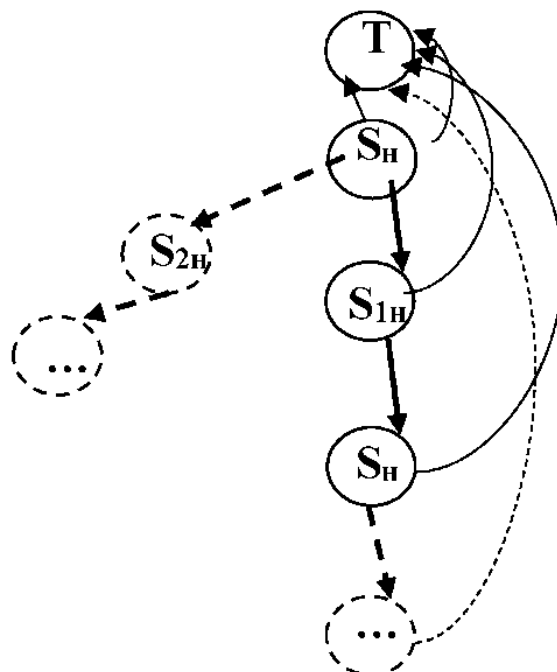

Рис. 16. Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации

Рассмотрим строение иерархической модели на примере англоязычной статьи «As war looms Israel calls for 1.1m people to evacuate northern Gaza» ‘На фоне приближения войны Израиль призывает 1,1 млн человек эвакуировать север Газы’ (The Economist, October 13, 2023).

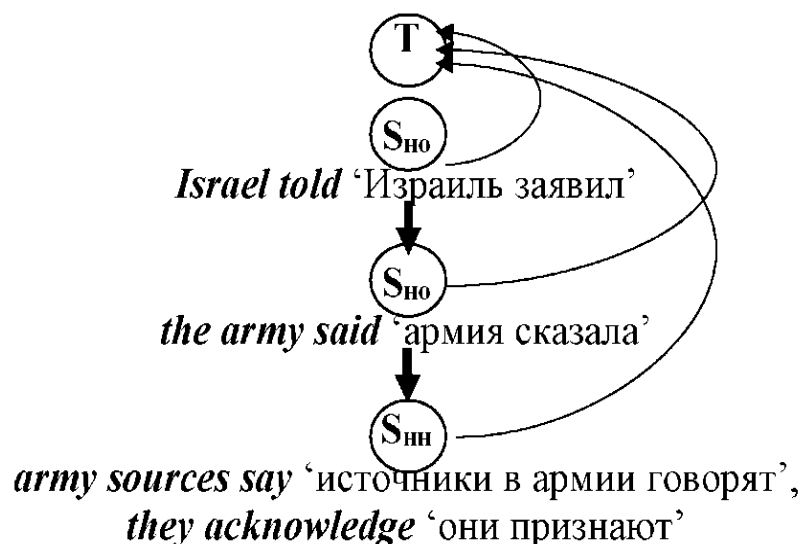

Рис. 17. Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Как видно из представленного схематического отображения, иерархия в рассматриваемой статье имеет трехступенчатую, вертикальную структуру и выстраивается путем сужения референциального объема субъектов: страна → ее армия → неидентифицируемые источники из этой армии. Субъектные компоненты представлены номинациями метонимичного характера на всех уровнях иерархии, при этом компоненты нижнего уровня, репрезентирующие неизвестные источники в армии, кодируются посредством полного (именной группы) и редуцированного референциального (личного местоимения в анафорической функции) выражения: *But **army sources say** it may be several more days before Israel goes ahead with its attack plan* ‘Но источники в армии говорят, что может пройти еще несколько дней, прежде чем Израиль приступит к осуществлению своего плана нападения’; ***They also acknowledge** the exodus will take longer than a day* ‘Они также признают, что массовая эвакуация займет больше одного дня’.

Структура иерархической модели может иметь древовидный характер, что можно продемонстрировать на примере белорусскоязычной статьи «Калапс падкраўся непрыкметна. Чаму на Еўропу абрынуўся «ідэальны шторм»? (Звязда, 10.04.2022).

Еўрасаюз меркаваў, у Бруселі прызнавалі

улады Нідэрландаў прапанавалі

транспортныя ўлады паведамлілі

Францыя абвясціла

В рассматриваемой статье нереферентный обобщенный субъект верхнего уровня, который занимает позицию «прародителя» и представлен субъектными номинациями *Еўрасаюз* и *Брусель*, расположен в начале статьи и служит отправной точкой для развертывания повествования: *Еўрасаюз меркаваў, што сёлета ён канчаткова адновіцца пасля пандэміі, узніме эканоміку і ўступіць у новую эру працвітання; У Бруселі ... прызнавалі неабходнасць сярэднеэрміновых мер, каб пазбегнуць дэфіцыту*. В данном контексте номинации *Еўрасаюз* и *Брусель* трактуются как кореферентные, поскольку, по всей видимости, репрезентируют представителей органов управления Евросоюза, основные институты которого находятся в Брюсселе. Одноуровневыми номинациями являются метонимичные существительные в составе конструкций *улады Нідэрландаў прапанавалі, Францыя абвясціла*, поскольку кодируют представителей власти или ответственных лиц двух стран-членов Евросоюза, что по ранговым отношениям позволяет трактовать их как равностатусные по отношению друг к другу и как разностатусные, подчиненные по отношению к «прародителю». Далее в рамках одной из ветвей древовидной структуры обнаруживается компонент нижнего уровня по отношению к *уладам Нідэрландаў – транспартныя ўлады*, который демонстрирует сужение границ референтной области субъектов до профессиональной сферы деятельности.

4.2.5. Гибридная модель

В медиатекстах обеих линвокультур субъектные модели могут встречаться не в чистом виде, а представлять собой комбинацию разных моделей, образуя тем самым гибридную субъектную модель текстовой деавторизации. При этом комбинирование, как правило, происходит благодаря иерархической субъектной модели, для которой автономная реализация не характерна. В нашем материале обнаружено комбинирование иерархической модели с кустовой, центрической и дисперсной. Отличительными постоянными чертами гибридной модели являются 1) наличие двух и более субъектных центров, демонстрирующих разные структурно-логические связи с разноразностной подачей данных в одном из условных ответвлений; 2) использование именных групп с постепенным сужением референциального объема для выстраивания отношений ранжирования в одном из субъектных центров; 3) неравновесность репрезентации субъектных центров. Продемонстрируем схематичное строение модели при помощи рисунка.

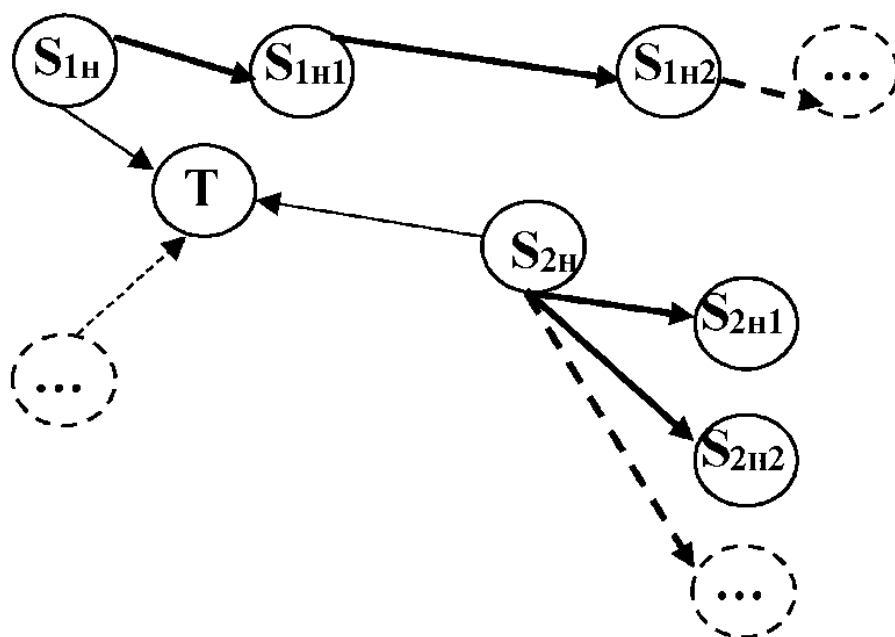

Рис. 19. Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации

Для иллюстрации функционирования гибридной субъектной модели текстовой деавторизации используем статью «Will America pull the plug on Israel's invasion of Gaza?» 'Сможет ли Америка прекратить вторжение Израиля в сектор Газа?' (The Economist, 7.11.2023).

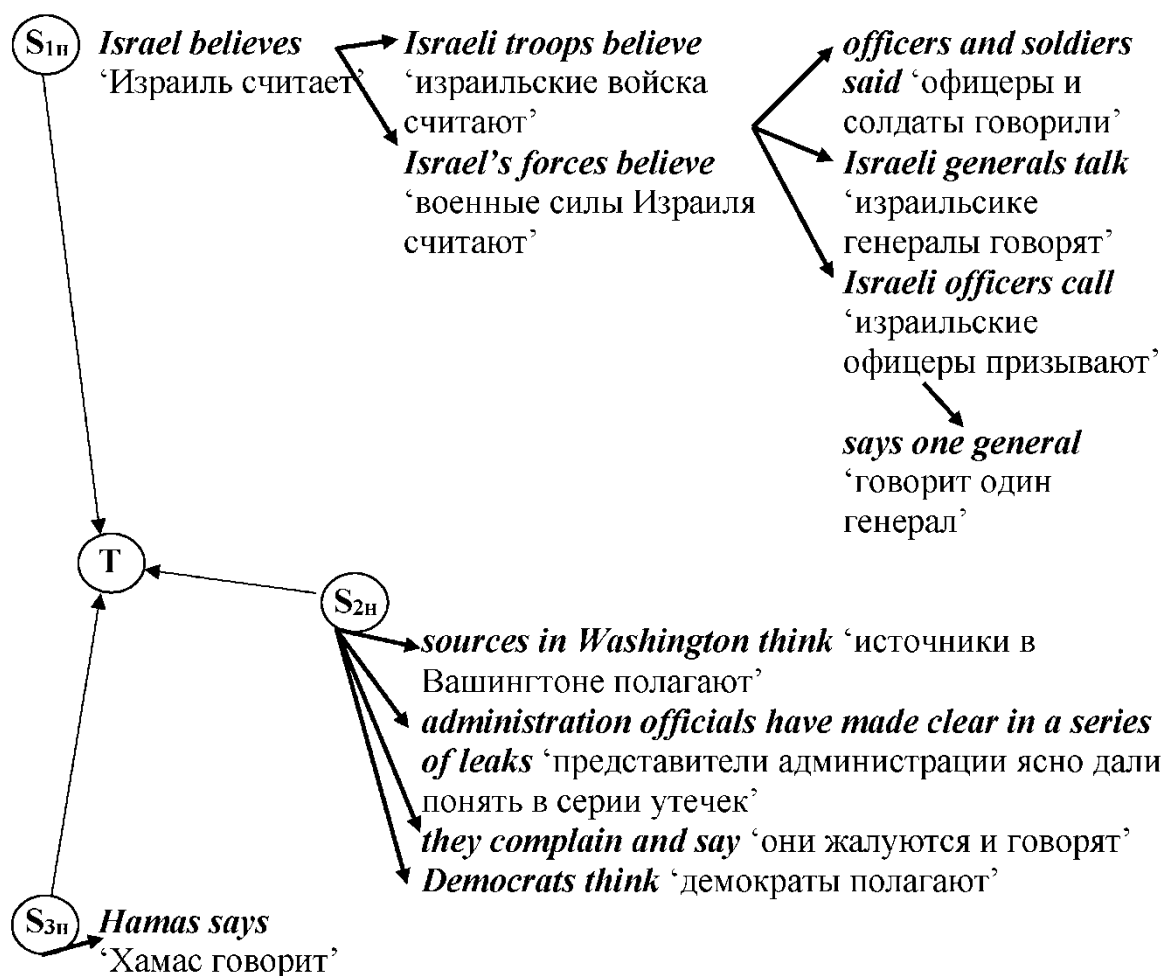

Рис. 20. Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

На схеме обнаруживаются признаки трехъядерной кустовой модели с субъектными центрами, в которые повествующие субъекты объединены по критерию территориальной или социально-политической принадлежности.

В случае с первым, самым многочисленным субъектным центром обнаруживается четырехступенчатая иерархия, которая выстраивается путем сужения границ референтной области субъектов от верхнего до нижнего элемента по следующей схеме: страна → ее военные войска → источники из этих войск (солдаты, офицеры, генералы) → один генерал.

При этом нереферентные субъекты верхних уровней иерархии кодируются метонимичными существительными *Israel* 'Израиль', *Israeli troops* 'израильские войска' и *Israel's forces* 'военные силы Израиля', субъекты среднего иерархического уровня – собирательными существительными *officers and soldiers* 'офицеры и солдаты', *Israeli generals* 'израильские генералы', *Israeli officers* 'израильские офицеры', а субъект нижнего уровня, который кодирует неизвестный источник в армии, вербализован существительным с маркером категории неопределенности *one general* 'один генерал'.

Представители второго субъектного центра (американские источники) количественно в два раза уступают первой группе и представлены как полными, так и редуцированными референциальными выражениями: *sources in Washington* ‘источники в Вашингтоне’; *administration officials* ‘представители администрации’; *they* ‘они’; *democrats* ‘демократы’.

Третий субъектный центр оказывается минимально представленным: он репрезентирован лишь одним метонимичным субъектом *Hamas* ‘Хамас’.

Доминантный прагматический вектор гибридной субъектной модели направлен на освещение контрастивных позиций субъектов разных центров с дискурсивным перевесом в сторону наиболее представленных в количественном и содержательном отношениях первых двух.

В белорусскоязычных медиатекстах гибридная субъектная модель текстовой деавторизации демонстрирует аналогичные комбинаторные возможности иерархической модели с другими моделями. Рассмотрим ее на примере статьи «Чаму скандынаўскую краіну захліснула крывакая хваля гвалту?» (Звязда, 1.12.2023).

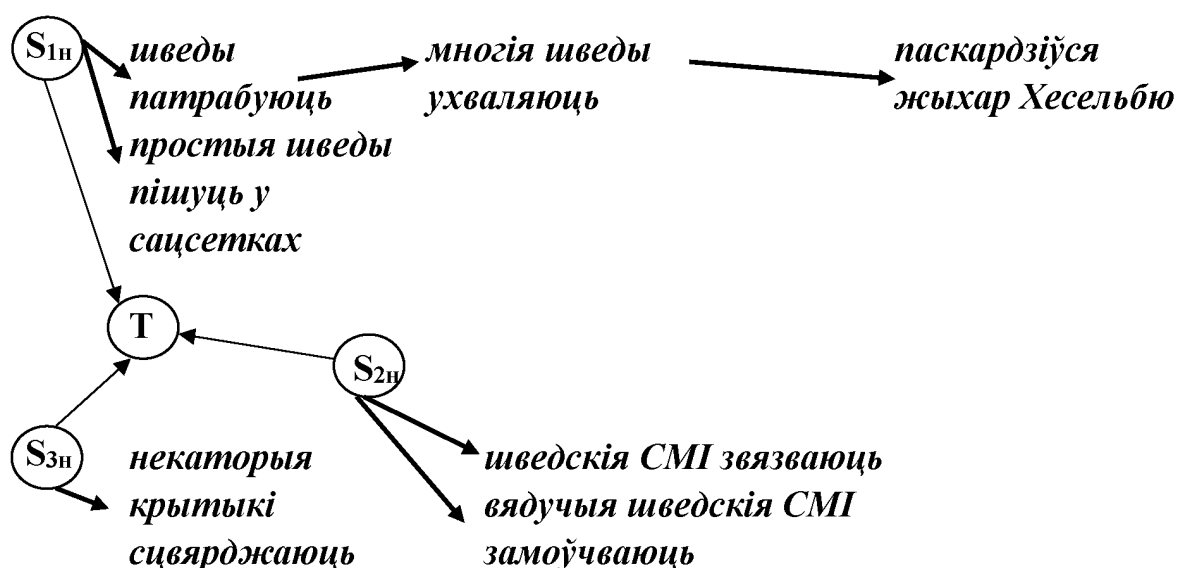

Рис. 21. Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Как и в англоязычной статье, иерархия выстраивается в первом упомянутом субъектном центре путем сужения референтной области от верхнего до нижнего элемента: *шведы*, *простыя шведы* → *многія шведы* → *жыхар Хесельбу*. Элементы верхнего уровня демонстрируют вариативность именования собирательного субъекта, на среднем уровне иерархии сужение осуществляется благодаря определительному местоимению *многія*, а субъектная номинация нижнего уровня соответствует англоязычному употреблению с неопределенным артиклем в значении ‘некий’. Будучи частью гибридной модели, кустовая трехъядерная модель репрезентирована следующими субъектными центрами с последовательным размещением элементов

в первых двух: *шведы, шведскія СМІ, крытыкі*. При этом субъектные центры не равновесны: первый субъектный блок количественно преобладает и наиболее детализирован, в то время как третий субъектный центр представлен фрагментарно. Прагматическая организация гибридной субъектной модели в белорусскоязычной статье также ориентирована на освещение контрастивных позиций субъектных групп в отношении чувствительной для общества проблемы насилия.

4.2.6. Рекуррентная модель

Рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации демонстрирует такой вид связи между конструктивными элементами, которая образует повторяющуюся последовательность субъектных компонентов референциальной цепочки, реализующих единую прагматическую функцию сокрытия источника / источников информации.

Отличительными постоянными признаками рекуррентной субъектной модели являются: а) особый способ субъектного кодирования посредством единиц, намеренно маскирующих источник(и) сведений, используемых автономно или в сопровождении распространителей; б) привлечение только одной разновидности нереферентного субъекта – неопределенной; в) повторяющееся упоминание сокрытых субъектов в линейном или чередующемся с другими скрытыми источниками порядке.

Типичным средством субъектного кодирования для данной модели служат существительные *source* ‘источник’, *person* ‘лицо’, с неопределенным артиклем в значении ‘некий’ или местоимением *one* в том же значении, а также их формы множественного числа *sources* ‘источники’, *people* ‘люди’. Эти номинации могут быть взаимозаменяемы в медиатексте при неоднократном упоминании и использованы с распространителями, выраженными единицами *close to...* ‘близкий к...’ + одушевленный конкретный субъект, *familiar with...* ‘знакомый с...’ или *with knowledge of...* ‘осведомленный...’ + неодушевленный предмет, которые могут иметь контекстуальный синоним *insider(s)* ‘осведомленное лицо / осведомленные лица’. Переменные характеристики рекуррентной модели затрагивают количество конструктивных элементов и степень их детализации. Изобразим ее строение при помощи рисунка.

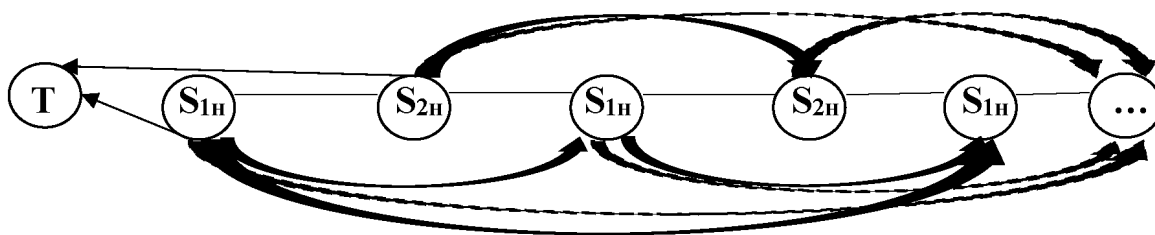

Рис. 22. Рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации

Важно подчеркнуть, что рекуррентной субъектной модели текстовой деавторизации свойственна не только лингвокультурная, но и жанровая избирательность: модель выявлена лишь в англоязычных информационно-аналитических статьях; в иных исследуемых нами газетных текстах данная модель не встречается.

Функционирование рекуррентной модели с четырьмя конструктивными элементами покажем на примере англоязычной статьи «DoJ seeks to question Trump team that found more classified documents» ‘Министерство юстиции пытается допросить команду Трампа в отношении новых обнаруженных секретных документов’ (The Guardian, January 10, 2023).

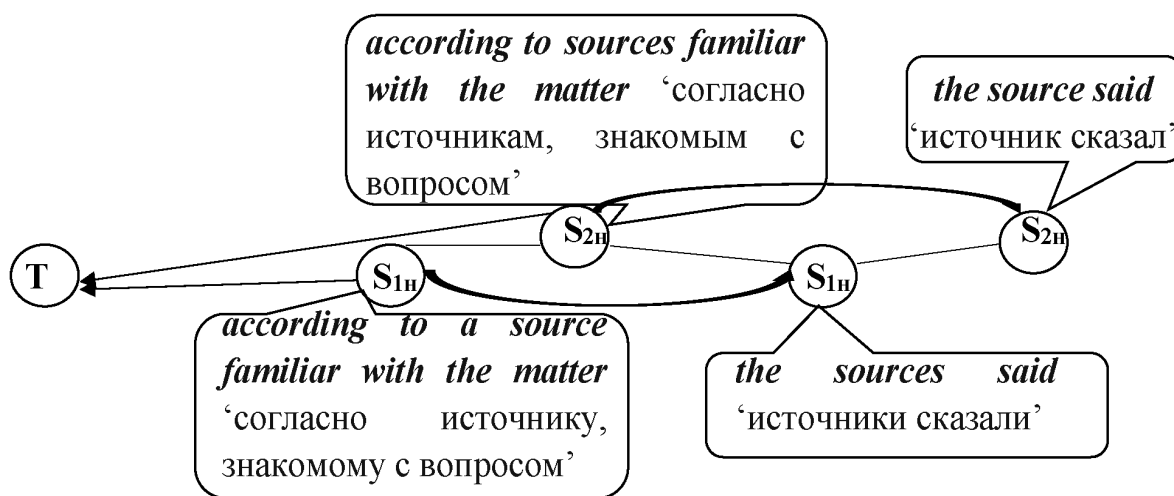

Рис. 23. Поликомпонентная (четырёхкомпонентная) рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

На схеме показана модель с чередующимися субъектными компонентами в конструкциях, демонстрирующих структурно-семантический параллелизм (одинаковые глагольные компоненты в субъектно-предикатных, а также идентичные предлоги и распространители в предложно-падежных конструкциях), которые вводят следующие деавторизованные высказывания: *But the department, unsatisfied with that accounting, last week convinced a federal judge in a sealed hearing to force Trump’s lawyers to give the names of the people who retrieved the documents with an intent to question them directly, according to sources familiar with the matter* ‘Но департамент, неудовлетворенный этой отчетностью, на прошлой неделе убедил федерального судью на закрытом слушании заставить адвокатов Трампа назвать имена людей, которые получили документы, с намерением допросить их напрямую, согласно источникам, знакомым с вопросом’; *Trump’s legal team initially demurred and disputed that prosecutors needed to know the names, according to a source familiar with the matter...* ‘Согласно источнику, знакомому с вопросом, команда юристов Трампа первоначально возражала и оспаривала, что прокурорам необходимо

знать имена...'; *The order was issued on Thursday, **the source said*** 'Приказ был издан в четверг, сказал источник'; *The department's interest in Patel centered on his claims that the documents found at Mar-a-Lago were declassified, ..., **the sources said*** 'Интерес ведомства к Пателю был сосредоточен на его утверждениях о том, что документы, найденные в Мар-а-Лаго, не были секретными, ..., сказали источники'.

Для демонстрации вариативности в отношении количества конструктивных элементов модели рассмотрим статью «Top Dems threatened to forcibly remove Biden from office unless he dropped out, set him up to fail at Trump debate» 'Высокопоставленные демократы пригрозили силой отстранить Байдена от должности, если он не выйдет из гонки, что подставило его под удар на дебатах с Трампом' (New York Post, 22.07.2024), в которой обнаруживается шестнадцать субъектных компонентов. Изобразим их расположение при помощи рисунка.

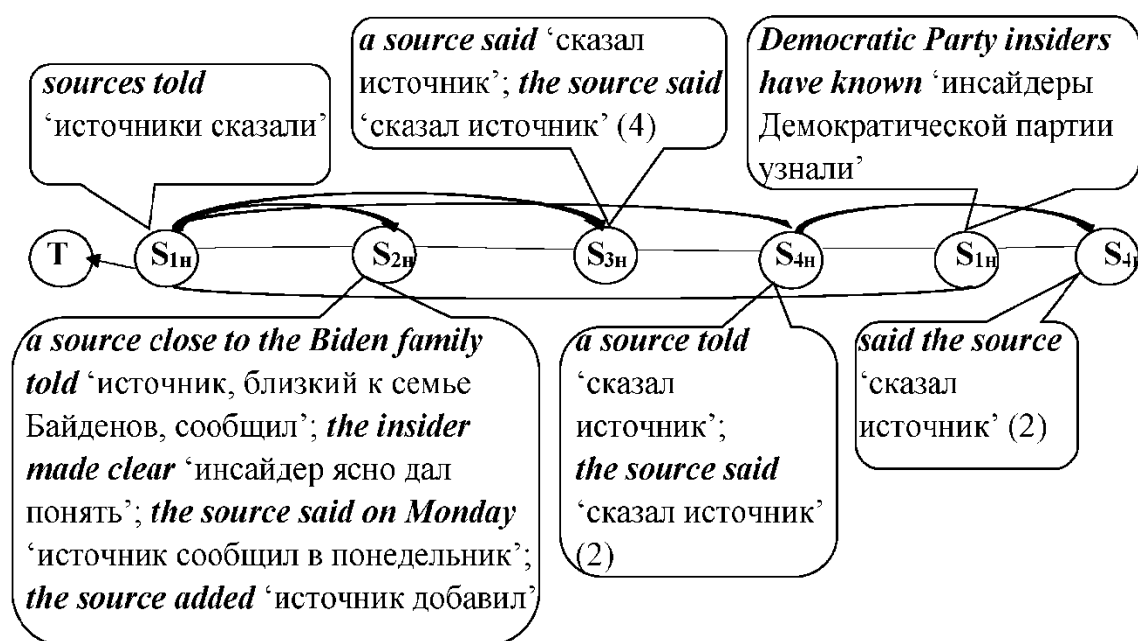

Рис. 24. Поликомпонентная (шестнадцатикомпонентная) рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Вариативность модели может относиться не только к числу компонентов, но и к степени детализации конструктивных элементов. Детализация обнаруживается, если упомянутые в тексте неизвестные источники получают уточнение по каким-либо признакам, оставаясь при этом не идентифицируемыми адресатом. Уточнение без перехода в референтный статус реализуется путем ограничения референтной области субъекта до сферы профессиональной деятельности или посредством акцентирования официального статуса повествующих субъектов при помощи распространителей или кореферентных номинаций. К примеру, кореферентным к номинации *sources (people) familiar with the matter* 'источники (люди), знакомые с этим вопросом'

в медиатекстах может выступать субъект *military sources* ‘военные источники’, либо *government sources* ‘правительственные источники’, либо *senior officials* ‘высокопоставленные официальные лица’ и т. п. Наибольшая детализация без возможности идентификации субъекта читателем встречается в текстах с источником, выраженным существительным в единственном числе, где наряду с конструкцией типа *according to a source familiar with the matter* ‘согласно источнику, знакомому с вопросом’ используются конструкции типа *a senior Japanese military commander said* ‘один высокопоставленный командир японских военных войск сказал’, *another Republican operative familiar with the DeSantis campaign operation tells* ‘другой функционер Республиканской партии, знакомый с операцией кампании ДеСантиса, рассказывает’, *a Foreign Office source dismissed* ‘(некий) источник в Министерстве иностранных дел опроверг’ и т. п.

Проиллюстрируем эти тенденции на примере англоязычной статьи «Tory mayor Andy Street ‘considering quitting’ over Rishi Sunak HS2 U-turn» ‘Мэр-консерватор Энди Стрит «подумывает об уходе» из-за смены курса Риши Сунака по скоростной магистрали HS2’ (The Guardian, 4.10.2023), которая демонстрирует субъектную детализацию по признаку принадлежности источников к политической партии и приближенности к должностному лицу. Сравним: *West Midlands mayor was hoping for last-minute reprieve for northern leg of high-speed line, say sources* ‘По словам источников, мэр Уэст-Мидленда надеялся на предоставление в последнюю минуту отсрочки строительства северного участка высокоскоростной магистрали’; *Andy Street has met the prime minister on multiple occasions over the past few weeks as he pushes for a last-minute reprieve for the northern leg of HS2, according to Conservative sources* ‘Энди Стрит неоднократно встречался с премьер-министром за последние несколько недель, настаивая на предоставлении в последнюю минуту отсрочки для северного участка магистрали, согласно источникам в Консервативной партии’; *A source close to Street said: “He is very disappointed. He wants to see what today brings but it is certainly possible that he will resign immediately after the prime minister’s speech”* ‘Источник, близкий к Стриту, сказал: «Он очень разочарован. Он хочет посмотреть, что принесет сегодняшний день, но вполне возможно, что он уйдет в отставку сразу после выступления премьер-министра»’; *One person close to Street said he was continuing to negotiate with Downing Street on Wednesday morning, just hours before the prime minister was due to speak, in an attempt to extract some form of concession* ‘Один человек, близкий к Стриту, сказал, что он продолжит переговоры с Даунинг-стрит в среду утром, всего за несколько часов до выступления премьер-министра, в попытке добиться какой-то формы уступок’.

В дополнение к субъектной детализации статья может содержать точное указание числа повествующих сокрытых субъектов рекуррентной модели посредством количественных или порядковых числительных в конструкциях типа *two sources familiar with the situation told* ‘два источника, знакомых

с ситуацией, сообщили’, *two sources with knowledge of the case confirmed* ‘два источника, осведомленных о деле, подтвердили’, *a second source said* ‘второй источник сказал’, *a third SDF (Self Defense Forces) source told* ‘третий источник в силах самообороны сказал’, *said a fourth SDF source* ‘сказал четвертый источник в силах самообороны’ и др.

Следует отметить, что специфичные субъекты конструкций деавторизации в рамках стратегии вуалирования и функции сокрытия источника могут употребляться не только в составе модели для построения всей статьи, но и быть точечно использованы в виде вкраплений в разные фрагменты текста. В таких случаях они участвуют в построении иных моделей текстовой деавторизации, как, например, в случае с однократным инкорпорированием деавторизованного высказывания, субъектный компонент которого стал частью центрической модели: *A source familiar with the prime minister’s thinking said: “The pandemic has changed the nature of travel. Regional connectivity is more important”* ‘Источник, знакомый с мышлением премьер-министра, сказал: «Пандемия изменила характер путешествий. Региональная связь важнее»’ (The Times, 2.10.2023).

Что касается белорусскоязычных изданий, то аналогичного рекуррентного строения субъектных компонентов конструкций деавторизации в функции сокрытия субъекта в пространстве всего текста не обнаружено. Вместе с тем следует отметить, что единичные вкрапления схожих по структурно-семантическому наполнению и прагматическим характеристикам конструкций в белорусскоязычных газетных текстах встречаются в разделе о международных событиях, могут сопровождаться квалифицирующими прилагательными «*дасведчаныя, неафіцыйныя, ананімныя*» и представлять собой опосредованную ссылку через другое издание, например: *У сваю чаргу, ананімныя крыніцы ў брытанскім урадзе, на якія спасылаецца BBC News, пацвердзілі факт перамоў з ЗША на гэту тэму...* (Звязда, 27.02.2007); *Выданне Wall Street Journal раней са спасылкай на дасведчаныя крыніцы адзначала, што Сі Цзіньпін можа прыняць удзел у саміце* (Звязда, 29.10.2023); *Апошні, як наведваюць неафіцыйныя крыніцы, застаўся незадаволены мерамі па забеспячэнні бяспекі гасцей, хоць за некалькі дзён да COP26 Турцыя ўсё ж ратыфікавала Парыжскае кліматычнае пагадненне* (Звязда, 06.11.2021). Учитывая единичные и бессистемные вкрапления подобных конструкций в белорусскоязычные информационно-аналитические статьи, построить взаимосвязанную модель их текстового расположения не представляется возможным. Следует подчеркнуть, что другим жанрам исследуемых газетных текстов подобное сокрытие источников не свойственно даже в качестве единичных.

Для иллюстрации количественных данных в отношении субъектных моделей в анализируемых газетных текстах составим диаграмму их автономного употребления с учетом жанровой специфики и указанием процентного показателя текстов, в которых субъектная модель отсутствует.

Диаграмма 5. Представленность субъектных моделей текстовой деавторизации в медиатекстах на английском и белорусском языках, %

Отметим наиболее заметные сходства и различия в количественной представленности субъектных моделей текстовой деавторизации в сопоставляемых газетных текстах.

Сходства обнаруживаются в отношении используемых моделей в текстах интервью на английском и белорусском языках: а) наибольшую представленность демонстрирует кустовая модель с примерно одинаковым распределением долей: в англоязычных интервью на ее долю приходится 45 %, в белорусскоязычных – 50 %; доля дисперсной модели одинакова (35 %), доли центрической модели сопоставимы: 15 % в англо- и 10 % в белорусскоязычных интервью, одинаковое процентное отношение фиксируется для текстов, в которых субъектная модель отсутствует (5 %). В текстах интервью отсутствуют иерархическая, гибридная и рекуррентная модели. Отсутствие иерархической и гибридной моделей, которые связаны с сужением референциального объема повествующих субъектов, что сопровождается сложной подчиненной структурой дискурсивных голосов, объясняется нерелевантностью выстраивания иерархии в автономном виде или в составе гибридной модели и нецелесообразностью такого многослойного информирования.

Ближкие показатели по характеру распределения моделей демонстрируют художественно-публицистические газетные тексты на английском и белорусском языках, в которых отсутствуют иерархическая и рекуррентная модели. Кроме того, схожая процентная представленность фиксируется для кустовой (25 % и 30 %) и идентичные для центрической (15 %) моделей.

В отношении гибридной (10% и 5%), дисперсной (10 % и 25 %) моделей и текстов, в которых модель отсутствует (40 % и 25 %), отмечаются различия примерно в два раза. На наш взгляд, такое количественное распределение обусловлено наличием в белорусскоязычных художественно-публицистических текстах большей представленности дисперсной модели, для которой характерны субъектно-референциальная стратегия конструирования и преимущественно редуцированные референциальные средства, в том числе третьеличные нули в бессубъектных (безличных, неопределенно-личных) конструкциях, которые представлены в меньшем количестве в англоязычных текстах, что влечет за собой перераспределение количественных показателей между другими моделями в художественно-публицистических текстах на английском языке.

Больше всего различий обнаруживается при сопоставлении информационно-аналитических статей на английском и белорусском языках, для которых схожие количественные данные устанавливаются только в отношении иерархической модели (она представлена в автономном виде в 2 % англо- и 3 % белорусскоязычных статей) и текстов, где модель отсутствует (7 % vs 8 % соответственно). Различия же касаются доминантной субъектной модели текстовой деавторизации: в англоязычных информационно-аналитических статьях самой распространенной и свойственной только статьям на английском языке является рекуррентная, в белорусскоязычных текстах той же жанровой разновидности преобладающей моделью является кустовая; а также показателей представленности кустовой, центрической, дисперсной и гибридной моделей в сравниваемых текстах данного жанра. Представляется, что отсутствие в белорусскоязычных текстах рекуррентной модели объясняет увеличенные показатели по дисперсной и гибридной моделям, которые своего рода компенсируют отсутствующие показатели по рекуррентной модели в информационно-аналитических статьях на белорусском языке. Превышение доли центрической модели в статьях на английском языке по сравнению со статьями на белорусском языке более, чем в два раза, по нашему мнению, объясняется тем, что в англоязычном коммуникативном медиапространстве высказывания референтных субъектов (известных личностей) чаще (чем в белорусскоязычной медиасреде) создают информационный повод и выступают в качестве стимула для коммуникативных реакций разных субъектных групп. Почти двукратное превышение показателей кустовой модели в белорусскоязычных информационно-аналитических статьях по сравнению с англоязычными может быть обусловлено ориентацией текстов на белорусском языке на аналитику текущих событий с вербализацией точек зрения разных дискурсивных голосов или субъектных групп, в то время как англоязычные тексты данной жанровой разновидности больше нацелены на информирование с учетом широкой сети источников (о чем свидетельствует и значительная доля текстов с рекуррентной моделью).

Выводы по главе 4

Субъектная референция является основой для квалификации деавторизации как коммуникативно-прагматической текстовой категории, которая предполагает интегрирование неидентифицируемых дискурсивных голосов в медиатекст для создания разных прагматических эффектов. Деавторизация как текстовая категория обладает следующими признаками: имеет единицы реализации в форме деавторизованных высказываний и категориальную оппозицию в виде авторизации; может иметь различную выраженность, измеряемую коэффициентом деавторизации, и демонстрировать разную «текстовую архитектуру», воплощенную в субъектных моделях.

Коэффициент деавторизованности медиатекста определяется на основании соотношения ссылочных конструкций с нереферентными субъектами к общему числу ссылочных конструкций (с референтными и нереферентными субъектами суммарно). На основе установленных коэффициентов выстраивается шкала деавторизованности с шагом в 20 %, состоящая из пяти делений, присваивающих медиатекстам минимальный, низкий, средний, высокий и максимальный коэффициенты соответственно.

Проведенный индексный анализ газетных текстов на английском и белорусском языках позволяет констатировать, что а) англоязычные информационно-аналитические статьи гораздо более деавторизованы, чем белорусскоязычные, что обусловлено субъектно-референциальной стратегией вуалирования и прагматической функцией сокрытия источников; б) белорусскоязычным интервью характерен высокий коэффициент деавторизованности в результате плюрализации при выражении мнения путем употребления нереферентного инклюзивного «мы» в ссылочных конструкциях, а англоязычным интервью свойственен высокий коэффициент авторизованности, что является следствием интенсивного использования авторизационных «я»-показателей; в) белорусскоязычные художественно-публицистические тексты являются более деавторизованными по сравнению с англоязычными в связи с более активным привлечением конструкций деавторизации с гипотетическим и псевдонеопределенным субъектами.

Рефлексия журналиста-повествователя в отношении освещаемого вопроса находит воплощение в разновидности используемой в конкретном медиатексте субъектной модели текстовой деавторизации и предопределяет архитектуру модели. В исследуемых газетных текстах выделены кустовая, центрическая, иерархическая, гибридная и дисперсная субъектные модели, а также только англоязычным информационно-аналитическим статьям свойственна рекуррентная субъектная модель.

Субъектные модели характеризуются постоянными и переменными признаками. К постоянным признакам относятся принцип построения, тематическая связность, наличие субъектных центров или субъектных компонентов с определенными структурно-логическими и семантико-прагматическими связями конструктивных элементов. Переменные признаки субъектных

моделей включают те свойства, которые варьируются в изучаемых текстах: количество субъектных центров и их представителей, порядок выстраивания представителей субъектных групп или отдельных субъектных компонентов, чередующееся или последовательное расположение высказываний субъектов разных групп в тексте; эксплицитная журналистская позиция в отношении точки зрения субъекта или субъектной группы при помощи оценочного языкового средства; наличие / отсутствие интенсифицирующих дискурсивных сигналов на укрепление позиции определенной субъектной группы или субъекта; наличие / отсутствие распространителей для разной степени детализации субъектных компонентов; наличие / отсутствие структурного параллелизма конструкций деавторизации.

В кустовой субъектной модели текстовой деавторизации на основании критерия семантической общности субъектные компоненты принадлежат к определенной субъектной группе, структура которой может варьироваться от одно- до полиядерной. Наиболее типичной является двухъядерная субъектная модель, в которой субъектные элементы принадлежат к соответствующим полюсам бинарной оппозиции «специалисты» – «неспециалисты», при этом позиция специалистов представлена в более весомом ключе. В жанре интервью обнаруживается разновидность кустовой субъектной модели, в которой противопоставляются две коллективные точки зрения в рамках оппозиции «свои» – «чужие» с дискурсивным перевесом в сторону позиции «своих», для усиления которой могут использоваться интенсифицирующие дискурсивные сигналы.

Строение центрической модели текстовой деавторизации отличается смешанными референциальными характеристиками субъектов (центральный элемент представлен референтным субъектом, а относительно самостоятельные периферийные элементы репрезентированы нереферентными субъектами) и предопределяется спецификой их коммуникативного взаимодействия по принципу «стимул» – «реакция».

Для дисперсной субъектной модели свойственна рассредоточенность разноструктурных (преимущественно бессубъектных) конструкций деавторизации по тексту без возможности объединения вербализованных или подразумеваемых субъектов в группы.

Иерархическая субъектная модель организована на основе отношений включения нереферентных субъектов нижнего уровня в субъекты верхних уровней по принципу «часть» – «целое», может иметь неразвернутую или развернутую структуру и способна комбинироваться с другими моделями, образуя гибридную субъектную модель.

В гибридной модели, которой свойственно сочетание признаков разных моделей, как правило, субъектные центры представлены неравновесно, при этом в одном из них выстраивается субъектная иерархия с постепенным сужением референциального объема.

Основанием построения рекуррентной субъектной модели является специфичный субъектный компонент конструкций деавторизации в функции сокрытия, что белорусскоязычным медиатекстам не свойственно (единичные вкрапления конструкций деавторизации в функции сокрытия источника встречаются бессистемно или в виде опосредованной ссылки через другое издание).

В количественном отношении в англоязычных информационно-аналитических статьях самой распространенной является рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации, в белорусскоязычных текстах той же жанровой разновидности преобладающей является кустовая; в интервью на двух языках и белорусскоязычных художественно-публицистических текстах лидирующие позиции принадлежат кустовой модели; в англоязычных художественно-публицистических текстах наибольшую представленность имеют тексты, в которых субъектная модель отсутствует. Наименее представленной субъектной моделью в информационно-аналитических статьях на английском и белорусском языках является иерархическая, которая к тому же не используется в интервью и художественно-публицистических текстах на двух языках как текстообразующая. У медиатекстов с минимальным коэффициентом деавторизованности субъектные модели отсутствуют, при этом больше всего текстов с отсутствующими моделями фиксируется в художественно-публицистическом жанре обеих лингвокультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В англо- и белорусскоязычных газетных текстах *субъектная референция* играет важную роль в манифестации ряда категорий, связанных с экспликацией дискурсивных голосов, а именно: категорий авторизации, деавторизации, эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности. При этом, с одной стороны, субъектная референция является *салиентным параметром* для разграничения категорий авторизации и деавторизации; с другой стороны, является *релевантным актуализатором* эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности.

2. В ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных газетных текстов разных жанров доминирует *референтный определенный* субъект, выраженный именами собственными или нарицательными с детерминативами или семантическими уточнителями и личным местоимением первого лица единственного числа. *Нереферентный неопределенный* субъект является вторым по представленности во всех жанрах, кроме англоязычных интервью и белорусскоязычных информационно-аналитических статей, и кодируется неопределенными местоимениями в автономном или совместном с нарицательными существительными употреблении, третьеличными нулями без уточнителей (и в английском языке неопределенным артиклем в значении 'некий'). Наименее употребительным во всех жанрах является *нереферентный обобщенный* субъект, который эксплицируется существительными в единственном или множественном числе в родовом значении, местоимениями или местоименными выражениями со значением всеобщности или собирательности, третьеличными нулями с локативными детерминантами и личным местоимением первого лица множественного числа в обобщенно-собирательном значении.

3. *Третьеличные дискурсивные голоса в референтном статусе* осуществляют междискурсивное взаимодействие в форме передачи сообщений государственных или общественных деятелей (включая глав государств, должностных лиц органов управления страны), трансферизации знаний (при помощи ссылок на ученых или результаты исследований), аргументативно-эстетического обогащения (в случаях цитирования фрагментов художественных произведений или высказываний писателей / поэтов), стилизации разговорной речи (в ходе передачи слов идентифицируемых неэкспертных субъектов, очевидцев событий), обеспечивая конвергенцию медиадискурса с официально-деловым, научным, художественным и разговорным дискурсами. При передаче сведений от имени авторитетных референтных субъектов создается эффект весомости сообщаемого и может обеспечиваться институциональная поддержка. *Референтный перволичный дискурсивный голос* может вводить как субъективное, так и объективное (экспертное) мнение.

Третьеличные дискурсивные голоса в нереферентном статусе также могут демонстрировать взаимодействие медийного и научного дискурсов посредством ссылок на документальные источники (при отсутствии необ-

ходимости их точной экспликации) и способны порождать эффект авторитетности (вследствие использования для субъектного кодирования языковой единицы со значением экспертности). Нереперентные субъекты могут участвовать во взаимодействии медийного и художественного (вследствие употребления псевдонеопределенных и гипотетических субъектов – авторов или героев художественных произведений) и медийного и разговорного (в случаях с неэкспертными субъектами, которые отражают бытовое, стереотипное, представление об обсуждаемой проблеме) дискурсов. При противопоставлении научного и бытового представлений субъектная референция демонстрирует, как правило, реперентное употребление для экспертного мнения и нереперентное – для неэкспертного. *Нереперентный перволичный дискурсивный голос* позволяет создавать совместную с читателем реальность и коллективную ответственность за сообщаемое.

4. Кореферентные субъекты способны образовывать *референциальные цепочки* с привлечением *основных* (полных и редуцированных) и *дополнительных* средств кодирования, что (в случаях неоднозначности при установлении анафорических связей из-за наличия субъектной альтернативы) может приводить к *референциальному конфликту*. Референциальный конфликт в англо- и белорусскоязычных газетных текстах возникает в результате возможного соотнесения местоименного средства с несколькими одготипными реперентами одного грамматического рода; различий в категории числа у антецедента и анафорического местоимения и потенциалным соотнесением с иным антецедентом, совпадающим в категории числа с редуцированным средством; употребления контекстуального гиперонима, который соотносится одновременно с несколькими активированными гипонимами; вкрапления единиц, обладающих семантико-референциальной неоднозначностью. Референциальные конфликты могут быть постоянными, т.е. оставаться неразрешенными, или временными, т.е. могут разрешаться в медиатексте при помощи когнитивных-дискурсивных факторов.

5. В исследуемых газетных текстах референциальный выбор субъектной номинации осуществляется в соответствии с *четырьмя субъектно-референциальными стратегиями*, которые различаются по соотнесенности с *эмпирическими* или *гипотетическими* субъектами, степени самостоятельности и функциональным особенностям и показывают *нежесткие корреляции с прагматическими функциями*. Самостоятельными являются соотнесенные с эмпирическими субъектами стратегии *сохранения тождественности референциального статуса* (связанная с передачей ответственности за сообщаемое, точностью маркирования источника для реперентного субъекта и ссылкой на авторитет при употреблении единиц со значением экспертности) и *вуалирования субъекта* (ориентированная на маскировку признания, акцент на сообщаемом, соккрытие субъекта, апелляцию к осведомленности

адресата). Стратегия *перехода от нереферентного к референтному статусу*, в основе которой также лежит эмпирический субъект, согласуется с масштабностью или односторонностью сообщаемого, и стратегия *конструирования*, опирающаяся на гипотетический или псевдореферентный субъект, употребляются лишь совместно с другими стратегиями. Наличие у стратегии конструирования самой широкой функционально-прагматической палитры фиксируется благодаря определенной содержательной свободе в процессе додумывания чужой речи, что может способствовать полемичности медиатекста, усиливать аргументацию, служить фоном для введения собственной (авторской) точки зрения, реализовать манипулятивные тактики, усиливать эстетическое воздействие, апеллировать к общему кльтурному фонду знаний.

6. Медиатексты демонстрируют следующие *субъектно-референциальные и текстово-категориальные корреляции*:

1) *референтный субъект* ссылочных конструкций (благодаря его идентифицируемости, активации субкатегории точности и возможности верификации сказанного) реализует категории *авторизации* (квалифицирующей, обнаружения и восприятия), *эвиденциальности* (всех разновидностей, кроме слухов), *интертекстуальности* (в ее цитатной и автоинтертекстуальной разновидностях с возможностью установления связи с текстом-донором), а также фактической и коммуникативной *достоверности* (при ссылках на экспертные дискурсивные голоса);

2) *нереферентный субъект* ссылочных конструкций реализует категории *деавторизации*, *интертекстуальности* (в цитатной разновидности без возможности обращения к тексту-донору), *эвиденциальности всех типов*, фактической и коммуникативной *достоверности* (только при ссылках на исследования и общественно-историческую практику), *коммуникативной достоверности* (при кодировании субъекта сведений языковой единицей со значением экспертности) и не обеспечивает ни одну из разновидностей достоверности, если субъекты являются источниками с неизвестной репутацией (анонимными пользователями социальных сетей, субъектами слухов).

В отношении конструкций с *нереферентным гипотетическим субъектом* и при введении пропозиций нефактивного характера фиксируется только категория *деавторизации* (без реализации эвиденциальных, интертекстуальных значений и достоверности). При аналогичных коммуникативных обстоятельствах, но с *референтными* дискурсивными голосами манифестируется категория *авторизации*. Синкретизм значений *квалифицирующей авторизации* и *инференциальной эвиденциальности* осуществляется в результате использования конструкций с *перволичными дискурсивными голосами в референтном статусе*, которые могут вводить собственный вывод говорящего или журналиста на основании мнений, предположений, фактов или личных знаний / опыта; либо *автоинтертекстуальности* в результате ин-

корпорирования неосложненных автоцитат. Использование в ссылочных конструкциях *перволичного дискурсивного голоса в нереферентном статусе* конституирует наряду с *инференциальной эвиденциальностью* и категорию *деавторизации*.

7. *Деавторизация как текстовая категория* коммуникативно-прагматического типа имеет следующие признаки: логико-понятийное единство (основанное на интегрировании неидентифицируемых дискурсивных голосов в текст в составе ссылочных конструкций), общую текстовую функцию (делегирующая ответственности за сообщаемое в сопровождении различных прагматических эффектов), однотипную лингвистическую манифестацию (реализуемую структурными единицами – деавторизованными высказываниями). Процентное соотношение ссылочных конструкций с нереферентными субъектами ко всем ссылочным конструкциям текста позволяет определить *коэффициент деавторизованности* газетных текстов. Кроме того, текстовая деавторизация характеризуется разной *текстовой архитектурой* в форме *субъектных моделей*, которые выстраиваются на основании структурно-логических и семантико-прагматических связей конструктивных элементов.

8. В исследованных медиатекстах на английском и белорусском языках выделены шесть субъектных моделей текстовой деавторизации: кустовая, центрическая, иерархическая, гибридная, дисперсная и рекуррентная (последняя свойственна только англоязычным информационно-аналитическим статьям). Субъектные модели обладают постоянными (наличие принципа построения, тематическая связность, наличие субъектных центров или субъектных компонентов) и переменными (количество субъектных центров и их представителей, порядок представления субъектных компонентов, наличие оценочных и/или интенсифицирующих дискурсивных сигналов, степени детализации субъектных компонентов и др.) признаками.

Кустовая модель, которая может быть одно-, двух- или полиядерной, предполагает наличие одной или нескольких групп нереферентных субъектов, объединенных по критерию семантической общности (и в случае с двухъядерной моделью принадлежащих к полюсам бинарных оппозиций «специалисты» – «неспециалисты» или «свой» – «чужие» с дискурсивным перевесом в сторону специалистов или «своих»). *Центрическая* субъектная модель основана на принципе «стимул» – «реакция» и включает, с одной стороны, центральный референтный субъект, вербальные действия которого являются стимулом, и периферийные нереферентные субъектные группы, маркирующие введение вербальных реакций на стимул, с другой стороны. *Дисперсная* субъектная модель характеризуется рассредоточением по тексту нереферентных субъектов, которые связаны только тематически, не имеют оснований для объединения в субъектные группы и кодируются преиму-

щественно редуцированными референциальными выражениями. В *иерархической* субъектной модели нереферентные субъекты имеют уровневую организацию по принципу «часть» – «целое», которые, как правило, выражены метонимичными существительными и могут демонстрировать или вертикальную неразвернутую, или древовидную развернутую структуру. Иерархическая модель может служить основой для комбинирования с другими моделями, образуя *гибридную* субъектную модель, которая характеризуется наличием двух и более неравновесно представленных субъектных центров, в одном из которых выстраивается субъектная иерархия с постепенным сужением референциального объема. *Рекуррентная* модель представляет собой повторяющуюся в одной референциальной цепочке последовательность нереферентных субъектов, реализующих единую функцию сокрытия источников информации. Наиболее распространенной в информационно-аналитических статьях является рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычных текстах и кустовая в белорусскоязычных текстах; в интервью на двух языках и художественно-публицистических текстах на белорусском языке доминирует кустовая модель; для художественно-публицистических текстов на английском языке характерно преобладание текстов с отсутствием модели. Наименее представленной в информационно-аналитических статьях на двух языках является иерархическая субъектная модель, которая не встречается в интервью и художественно-публицистических текстах как самостоятельная.

7. Субъектная референция в газетных текстах на английском и белорусском языках демонстрирует *ряд специфических черт*. Англоязычным газетным текстам свойственны следующие черты: а) в информационно-аналитических статьях используются широкая палитра языковых средств для передачи сведений из анонимных источников и распространения слухов, эксплицитная квалификация информации журналистом в отношении ее достоверности в целях опровержения или назначения виновника в порождении слухов, рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации и специфичное употребление субъектно-референциальной стратегии вуалирования при несовпадении фонда знаний журналиста и читателя в отношении сокрытых субъектов сведений, ссылки на неverified документа в результате утечки данных, квалификация источника информации журналистом посредством оценочных (как правило, негативно-оценочных) единиц; б) в жанре интервью представлены высокие авторизационные показатели; в) для художественно-публицистических текстов и интервью характерна стратегия вуалирования при желании косвенно высказаться о себе или близком человеке.

У белорусскоязычных газетных текстов также обнаружены специфические черты: а) для информационно-аналитических статей не характерно использование анонимных, сокрытых источников и субъектов слухов;

б) текстам интервью на белорусском языке свойственны высокие показатели употребления ссылочных конструкций с нереферентным перволичным субъектом; в) в белорусскоязычных художественно-публицистических текстах стратегия вуалирования субъектной референции используется при изменении имен повествующих субъектов. В белорусскоязычных газетных текстах исследуемых жанров псевдореферентный субъект может осуществлять апелляцию к общему культурному фонду знаний в полном или редуцированном (и реконструируемом) виде. Расчет коэффициентов деавторизованности для изучаемых газетных текстов показал меньшую деавторизованность белорусскоязычных информационно-аналитических статей по сравнению с англоязычными; и обратную тенденцию в отношении интервью: белорусскоязычные тексты являются более деавторизованными по сравнению с англоязычными.

Результаты проведенного исследования, на наш взгляд, позволяют не только осмыслить коммуникативно-прагматические эффекты деавторизованной информации, но и могут содействовать формированию медиаинформационной грамотности в обществе, способствовать осознанию ответственного информирования в отношении репрезентации субъектов сведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Е. И. Медiateксты современности: аксиологические приоритеты и коммуникативные вызовы / Е. И. Абрамова // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы VI Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г. – СПб., 2022. – Вып. 9. – С. 183–186.
2. Авторитетность и коммуникация : коллективная монография / отв. ред. В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. – 216 с.
3. Акай, О. М. Феномен грамматической лакуарности : когнитивный и лингвопрагматический аспекты : монография / О. М. Акай. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – 288 с.
4. Алексеева, М. В. Типологические особенности научного текста : гипертекстовая типология языка науки : монография / М. В. Алексеева. – М. : Изд. Дом МИСиС, 2015. – 100 с.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. яз. рус. культуры, 1995. – 767 с.
6. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 443 с.
7. Артёмова, О. А. Семантика и прагматика дейксиса в белорусском и английском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Артёмова Ольга Александровна ; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2022. – 40 с.
8. Артемьева, Ю. В. Влияние интерференции и референции на перевод / Ю. В. Артемьева // Вестник Военного университета. – 2010. – № 3 (23). – С. 129–132.
9. Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : проблемы референции. – С. 5–40.
10. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 384 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
12. Асеев, В. Г. О соотношении субъективного и объективного / В. Г. Асеев // Акмеология. – 2014. – № 1. – С. 16–24.
13. Ассуирова, Л. В. Публицистический стиль. Стилистическая обусловленность текстов газеты // Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты : учеб. пособие / Л. В. Ассуирова, З. С. Смелкова [и др.]. – М., 2002. – С. 65–75.
14. Астахова, Т. Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Астахова Татьяна Николаевна ; ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова». – Архангельск, 2015. – 25 с.

15. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.
16. Бабенко, Н. С. Категория косвенности в информационной структуре немецкоязычного публицистического дискурса / Н. С. Бабенко // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2016. – С. 194–202.
17. Бабёр, Н. В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бабёр Нина Владимировна ; ФГБОУ ВПО «Московский пед. гос. ун-т». – М., 2012. – 26 с.
18. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
19. Басовец, И. М. Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном тексте (на материале белорус. и англ. яз.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. М. Басовец ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2013. – 135 л.
20. Баташева, А. А. Лингвостилистические способы интерпретации медиасобытия в современном российском медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Баташева ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – М., 2021. – 178 л.
21. Белоедова, А. В. Типы источников информации в современном медиадискурсе и проблемы их достоверности / А. В. Белоедова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 7(256). Вып. 33. – С. 87–94.
22. Беляевская, Е. Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3(044). – С. 5–13.
23. Биюмена, А. А. Языковая экспликация прагматических категорий печатного медиадискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Биюмена Анна Александровна ; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2023. – 47 с.
24. Богатырев, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Богатырев Александр Валерьевич ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2016. – 168 л.
25. Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В. В. Богданов. – СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2007. – 280 с.
26. Болдырева, А. А. Категория авторитетности в научном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. / Болдырева Анна Александровна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 182 л.
27. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: история и современность / Н. С. Болотнова // Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы : материалы Всероссийского науч. семинара (Томск, 20 января 2023 г.) ; Том. гос. пед. ун-т. – Томск, 2023. – С. 11–19.

28. Бородина, С. Н. Прагматический механизм реализации слухов в современном английском, французском и русском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Бородина Софья Николаевна; Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2015. – 27 с.

29. Боуфал, З. Р. Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании : авторизация и персуазивность : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Боуфал Зульфия Раифовна ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2017. – 23 с.

30. Бразговская, Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография / Е. Е. Бразговская ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 196 с.

31. Будённая, Е. В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Будённая Евгения Владимировна ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2018. – 221 л.

32. Бурцев, В. А. Референция говорящего в аспекте построения высказываний и восприятия информации в дискурсе русской православной проповеди : монография / В. А. Бурцев. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 223 с.

33. Быстрова, Е. А. Коммуникативно-прагматическая категория эвиденциальности в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Быстрова Елена Алексеевна ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2009. – 136 л.

34. Вдовиченко, А. В. Коммуникативная референция: к знаку и обратно / А. В. Вдовиченко // Язык. Человек. Культура : сб. науч. тр., посвященный юбилею М. Л. Ковшовой. – М., 2022. – С. 22–31.

35. Виноградов, С. И. Информационное поле и информационная норма в СМИ / С. И. Виноградов, О. В. Платонова // Культура русской речи : учеб. для вузов ; под ред. проф. Л. К. Граудиной, проф. Е. Н. Ширяева. – М., 1999. – С. 240–252.

36. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур ; предисл. Л. П. Крысина. – 3-е изд., доп. – М. : КомКнига, 2006. – 352 с.

37. Власенко, С. В. Текст как объект референции / С. В. Власенко // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 1 (11). – С. 115–132.

38. Волков, А. А. Композиция текстов массовой информации / А. А. Волков // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982. – С. 75–101.

39. Волков, А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов. – М., 2008. – С. 118–132.

40. Волков, Ю. В. Информационное право. Информация как правовая категория : учеб. пособие для вузов / Ю. В. Волков. – 3-е изд., стер. – М. : Юрайт, 2024. – 109 с.

41. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. стер. – М. : URSS, 2020. – 278 с.

42. Воробьева, О. П. Текстовые категории и фактор адресата : монография / О. П. Воробьева. – Киев : Вища шк., 1993. – 220 с.
43. Воронец, М. В. Теория текста : учеб. пособие / М. В. Воронец. – Барнаул : АлтГПУ, 2021. – 139 с.
44. Вохрышева, Е. В. Категориально-текстовой подход к анализу рекламного дискурса / Е. В. Вохрышева, А. М. Кочерган // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 3(24). – С. 48–51.
45. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
46. Выровцева, Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа / Е. В. Выровцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5(360). – С. 207–213.
47. Гаврилова, Е. Н. Универсальные высказывания как особая коммуникативная единица (на примере публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Гаврилова Евгения Николаевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1983. – 23 с.
48. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стер. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
49. Гапанович, Е. А. Референциальные возможности номинаций коллективного субъекта в белорусском и французском языках / Е. А. Гапанович // Универсальное и национальное в языковой картине мира : сб. науч. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф., Минск, 24-26 окт. 2019 г. : в 2 т. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол. : Р. Ф. Сахарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – Т. 2. – С. 71–78.
50. Гладко, М. А. Коммуникативное пространство теле- и радиовещания Беларуси: структура, функции, языковая репрезентация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Гладко Марина Александровна ; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2024. – 48 с.
51. Глазков, А. В. Семантика : от слова к тексту : учеб. и практикум для вузов / А. В. Глазков. – М. : Юрайт, 2024. – 492 с.
52. Голиков, В. Д. Феномен референции : монография / В. Д. Голиков, Э. Р. Касимова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 204 с.
53. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 6-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 448 с.
54. Григоренко, М. Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Григоренко Марина Юрьевна ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2011. – 23 с.
55. Гричин, С. В. Авторизационная модель научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2017. – 347 л.

56. Гричин, С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович ; Томск. политех. ун-т. – Томск, 2003. – 19 с.

57. Гричин, С. В. Текстостроительная функция авторизации / С. В. Гричин // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 4(12). – С. 5–14.

58. Гусева, С. С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гусева Софья Сергеевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2017. – 174 л.

59. Деминова, М. А. Вербализация интертекстуальности в публицистическом дискурсе / М. А. Деминова // Litera. – 2016. – № 4. – С. 24–31.

60. Деминова, М. А. Тенденции развития современного медиатекста : учеб. пособие / М. А. Деминова. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. – 59 с.

61. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : монография / Е. В. Денисюк. – Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2013. – 200 с.

62. Дзюбенко, А. И. Семиозис в художественном тексте : достоверность и ирреальность / А. И. Дзюбенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2023. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 1229–1235.

63. Дзялошинский, И. М. Медиатекст : особенности создания и функционирования / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – М. : НИУ-ВШЭ, 2011. – 377 с.

64. Добровольский, Д. О. Эвиденциальность и эпистемическая оценка в значении немецких глаголов *sollen* и *wollen* (по данным немецко-русского параллельного корпуса) / Д. О. Добровольский, А. А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам междунар. конф. «Диалог 2022». Москва, 15–18 июня 2022 г. – URL: [https:// www.dialog-21.ru/media/5757/dobrovolskijdopluszalizniakannaa019. pdf](https://www.dialog-21.ru/media/5757/dobrovolskijdopluszalizniakannaa019.pdf). (дата обращения: 15.06.2022).

65. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – Изд. 3-е. – М. : Красанд, 2010. – 288 с.

66. Добросклонская, Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 85–94.

67. Долгина, Е. А. Структура «определённый артикль + существительное» в англоязычном дискурсе и ее индивидуализирующая роль в составе не прямой анафорической референции : монография / Е. А. Долгина, С. А. Макарова. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 272 с.

68. Драчева, Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Драчева Юлия Николаевна ; Северный (Арктический) федер. ун-т. им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2020. – 575 л.
69. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой ; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. – Изд. 3-е, стер. – М. : КомКнига : URSS, 2006. – 404 с.
70. Етко, А. Г. Инференциальный аспект семантики в контексте авторизации предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Етко Анна Геннадиевна ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
71. Ефанова, Л. П. Субъект – базовый компонент семантической структуры предложения : учеб. пос. к спецкурсу / Л. П. Ефанова. – М. : Прометей, 1991. – 94 с.
72. Желтухина, М. Р. Специфика масс-медиального дискурса / М. Р. Желтухина // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. – М., 2001. – С. 156–159.
73. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО Пилигрим, 2010. – 486 с.
74. Жолнерович, П. П. Информационная строка на телевизионном экране / П. П. Жолнерович // Медиалингвистика. – 2017. – № 2(17). – С. 65–74.
75. Задворная, Е. Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02, 10.02.19 / Задворная Елена Геннадиевна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 36 с.
76. Задворная, Е. Г. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий / Е. Г. Задворная. – Минск : БГУ, 2000. – 201 с.
77. Земляная, А. С. Полифония голосов как средство реализации когезии художественного текста : монография / А. С. Земляная, М. В. Ласкова ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2017. – 166 с.
78. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.
79. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
80. Золотухина, Е. Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Золотухина Елена Николаевна ; Калужский гос. пед. ун-т им. К. Э. Циолковского. – Киров, 2009. – 26 с.
81. Иванова, Г. Н. Авторизация и способы ее выражения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иванова Гулиза Наумовна ; Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1981. – 18 с.
82. Ивченков, В. И. Стилистика : язык, речь и текст / В. И. Ивченков // Медиалингвистика. – 2017. – № 2(17). – С. 127–133.
83. Ильенко, С. Г. Русистика : избр. тр. / С. Г. Ильенко. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 674 с.

84. Ильичева, Н. В. Предложения с генерализованным субъектом : формальный и функциональный аспекты (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ильичева Наталья Васильевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 19 с.

85. Имеретинская, Н. Д. Неопределенные субъекты в семантической структуре текста (на материале нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Имеретинская Наталья Дмитриевна ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2002. – 17 с.

86. Информационное право : учебник для вузов / М. А. Федотов [и др.] ; под редакцией М. А. Федотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 868 с.

87. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Яз. славян. Культуры, 2014. – 320 с.

88. Казак, М. Ю. Разнотипные интертекстемы в журналистском тексте: опыт функционального описания / М. Ю. Казак, А. А. Махова // Медиалингвистика. – 2015. – № 2 (8). – С. 93–103.

89. Казак, М. Ю. Современные медиатексты : проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1(4). – С. 65–76.

90. Казаковская, В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казаковская Виктория Виладиевна ; Моск. пед. ун-т. – М., 1996. – 21 с.

91. Кайда, Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция / Л. Г. Кайда // Язык современной публицистики : сб. ст. ; сост. Г. Я. Солганик. – 2-е изд., испр. – М., 2007. – С. 58–66.

92. Канюшкевіч, М. І. Хто такі ТОЙ і што ён казаў? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні) / М. І. Канюшкевіч // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 2(2). – С. 79–94.

93. Карасик, В. И. Языковая пластика общения : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2021. – 536 с.

94. Карпов, Д. В. Теория графов / Д. В. Карпов. – М. : МЦНМО, 2022. – 555 с.

95. Кашкин, В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б. Кашкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 5 (23). – С. 12–18.

96. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2003. – 90 л.

97. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.

98. Ким, И. Е. Теория референции : учеб. пособие / И. Е. Ким ; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.

99. Когнитивно-прагматическое моделирование достоверной информации в репортажном суждении: интродуктивные предикаты, эвиденциальность, эпистемическая модальность : монография / И. А. Кудряшов, Е. В. Постевая, Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : ООО НПКП МАВР, 2023. – 190 с.

100. Козинцева, Н. А. Косвенный источник информации в высказывании (на мат-ле русск. яз.) / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. пам. Н. А. Козинцевой ; Ин-т лингвист. исслед. РАН ; отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2007. – С. 85–103.

101. Козловская, А. Б. Информативность как основная категория газетных сообщений / А. Б. Козловская // Вісник СумДу. – 2006. – Т. 1, № 11(95). – С. 40–47.

102. Козловский, Д. В. Актуализация категории «эвиденциальность» в дискурсе массмедиа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8 / Козловский Дмитрий Валентинович ; Моск. гор. пед. ун-т. – Москва, 2024. – 32 с.

103. Козловский, Д. В. Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе / Д. В. Козловский // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск, 2024. – Вып. 10(1). – С. 71–85.

104. Козловский, Д. В. Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве масс-медиа / Д. В. Козловский // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 122–130.

105. Козловский, Д. В. Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе / Д. В. Козловский // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – Т. 41, № 4. – С. 733–746.

106. Кокорина, С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке / С. И. Кокорина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 79 с.

107. Конефал, Э. Прагма- и метаинформация в медиатексте / Э. Конефал // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2016. – С. 585–594.

108. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 21.09.2024).

109. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 21.09.2024).

110. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г. А. Копнина. – 2-е изд. – М. : Флинта, 2008. – 176 с.

111. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста : монография / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.
112. Копытов, О. Н. О тексте современных СМИ: взгляд со стороны модуса / О. Н. Копытов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1(27). – С. 16–27.
113. Копытов, О. Н. О фундаментальных категориях текста / О. Н. Копытов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3(15). – С. 159–167.
114. Кормилицына, М. А. Осложнение семантической структуры высказываний / М. А. Кормилицына // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика ; под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., стер. – М., 2003. – С. 260–276.
115. Кормилицына, М. А. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.
116. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
117. Котюрова, М. П. Эластичность в ряду коммуникативных свойств научного текста / М. П. Котюрова // Коммуникативная стилистика текста : итоги и перспективы : материалы Всерос. науч. семинара (Томск, 20 января 2023 г.) ; Томский гос. пед. ун-т. – Томск, 2023. – С. 153–160.
118. Красавина, О. Н. Корпусно-ориентированное исследование референции (принципы аннотации и анализ данных) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.21 / Красавина Ольга Николаевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 259 л.
119. Крылова, Э. Б. Порядок и способы косвенной передачи информации в датском языке / Э. Б. Крылова // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2016. – С. 210–220.
120. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
121. Кудрявцева, А. С. Активация референтов и вероятностная оценка референциального выбора (исследование англоязычных газетных текстов) / А. С. Кудрявцева. – 2015. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3466/kudryavtseva.pdf>. (дата обращения: 16.08.2020).
122. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. – М., 2011. – Вып. № 1. – С. 1–13.
123. Кузьмина, Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте (на материале нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузьмина Татьяна Анатольевна ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2004. – 20 с.

124. Кулакова, Ю. В. Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кулакова Юлия Владимировна ; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 28 с.

125. Курьянович, А. В. Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – Вып. 11(176). – С. 9–16.

126. Лебедева, Е. А. Вводные модусные показатели в англоязычных аналитических медиатекстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Лебедева Елена Анатольевна ; Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 26 с.

127. Левицкий, А. Э. Трансфер знаний в аспекте поликодовости / А. Э. Левицкий, П. С. Доброва // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 35. – С. 136–143.

128. Лилова, Г. Г. Авторизация и способы ее выражения посредством глагольных предикатов в предложениях русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лилова Галина Георгиевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1989. – 19 с.

129. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 622 с.

130. Линева, Е. А. Структура и семантика неопределенно-личных предложений с локативным детерминантом : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Линева Елена Александровна ; Моск. гос. обл. пед. ин-т. – М., 2007. – 22 с.

131. Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Гнозис, 2016. – 632 с.

132. Луканина, М. В. Газетный текст через призму теории коммуникации / М. В. Луканина // Вестник Московского университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 123–133.

133. Лунина, Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке / Т. П. Лунина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2020. – № 5. – С. 92–97.

134. Луцинская, О. В. Дискурс конвергентных средств массовой коммуникации: теория, методология и современное моделирование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Луцинская Ольга Владимировна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2021. – 45 с.

135. Луцинская, О. В. Медиатекст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса / О. В. Луцинская // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – 2019. – № 2. – С. 32–39.

136. Маквейл, Д. Журналистское произведение как творческий феномен / Д. Маквейл // Медиа-дискурс : Теория и практика массовых коммуникаций. – Екатеринбург, 2007. – С. 2–3.

137. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативный, прагматический, лингвокогнитивный и психолого-педагогический аспекты : коллективная монография / О. В. Маруневич, Т. Е. Исаева, М. Н. Черкасова [и др.] ; под науч. ред. О. В. Маруневич, М. Н. Черкасовой ; ФГБОУ ВО РГУПС. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2023. – 122 с.

138. Матвеева, Г. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк / Г. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

139. Махова, А. А. Типы и функции интертекстем в журналистском тексте / А. А. Махова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. – № 20(191). Вып. 23. – С. 142–149.

140. Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. – 250 с.

141. Менджерицкая, Е. О. Language and the media : учеб. пособие по языку современных англоязычных СМИ / Е. О. Менджерицкая, О. А. Ксензенко, В. А. Скакунова. – М. : МАКС Пресс, 2020. – 240 с.

142. Милостивая, А. И. Прагмасинергетика кооперативной смыслопорождающей деятельности субъектов газетного нарратива : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Милостивая Александра Ивановна ; Северо-Кавказский фед. ун-т. – Нальчик, 2019. – 42 с.

143. Минкин, Л. М. Номинация и референция как аргументы иллокуции в высказывании / Л. М. Минкин, И. С. Шевченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 2. – С. 9–18.

144. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе : на материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Михайлова Елена Владимировна ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 206 л.

145. Москвин, В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 164 с.

146. Негрышев, А. А. Достоверность новостного медиатекста: опыт макроструктурного анализа / А. А. Негрышев // Медиалингвистика. – 2021. – № 8(1). – С. 4–22.

147. Негрышев, А. А. Прагматика интертекстуальности в новостном дискурсе СМИ (на материале информационных заметок) / А. А. Негрышев // Inter-Cultural-Net : Международный (электронный) научно-практический журнал. – Владимир, 2005. – Вып. 4. – С. 25–36.

148. Негрышев, А. А. Референтное событие и референтная база новостного медиатекста / А. А. Негрышев // Медиалингвистика. – 2015. – № 2(8). – С. 78–90.

149. Никонова, Е. А. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы / Е. А. Никонова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 67–83.

150. Новоселов, В. Г. «Традиционная» и «новая» теории референции: сходства и различия / В. Г. Новоселов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 12(26) : в 3-х ч. – Ч. I. – С. 176–179.

151. Олешко, Е. В. Конвергентная журналистика: профессиональная культура как фактор оптимизации информационно-коммуникативных процессов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Олешко Евгений Владимирович ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2018. – 461 л.

152. Онипенко, Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса / Н. К. Онипенко // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. – С. 107–121.

153. Осадчий, М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Осадчий Михаил Андреевич ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 73 с.

154. Осетрова, Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Осетрова Елена Валерьевна ; ФГОАУ «Сибир. федер. ун-т». – Красноярск, 2010. – 42 с.

155. Основы журналистики : учебник для среднего проф. образования / С. Г. Корконосенко [и др.] ; под ред. С. Г. Корконосенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 293 с.

156. Основы теории коммуникации : учебник и практикум для вузов / Т. Д. Венедиктова [и др.] ; под ред. Т. Д. Венедиктовой, Д. Б. Гудкова. – М. : Юрайт, 2024. – 193 с.

157. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

158. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – Изд. 5-е, испр. – М. : ЛКИ, 2008. – 296 с.

159. Падучева, Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – № 1. – С. 27–41.

160. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса : материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : КомКнига, 2007. – 296 с.

161. Падучева, Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения / Е. В. Падучева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1984. – Т. 43, № 4. – С. 291–303.

162. Пантелеев, Б. Н. Свобода слова в рамках закона. Пособие для журналистов / Б. Н. Пантелеев, Р. Д. Карымсакова, С. Г. Уткин. – Алматы : Адил соз, 2014. – 96 с.
163. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Панченко Надежда Николаевна ; Волгоград. пед. ун-т. – Волгоград, 2010. – 44 с.
164. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 367 с.
165. Папченко, М. Ю. Достоверность рекламного текста в лингвопрагматическом аспекте (на материале немецкой печатной коммерческой рекламы) : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.6 / Папченко Мария Юрьевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2022. – 181 л.
166. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 464 с.
167. Петрова, Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Петрова Наталья Юрьевна ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2017. – 528 л.
168. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 8-е, доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 544 с.
169. Поплавская, Н. В. Новостной медиадискурс в современном онлайн-пространстве : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10 / Поплавская Наталия Владимировна ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2016. – 170 л.
170. Почепцов, Г. Г. Информация & дезинформация / Г. Г. Почепцов. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2001. – 256 с.
171. Работкин, Ю. В. Субъектная организация текста немецкой политической статьи (на материале журнала «Der Spiegel») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Работкин Юрий Викторович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 22 с.
172. Рамантова, О. В. Языковая репрезентация информационного источника в ситуации слухов (на материале англоязычных медиатекстов) / О. В. Рамантова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2020. – Т. 13, вып. 5. – С. 219–224.
173. Распопова, С. С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте / С. С. Распопова // Вопросы теории и практики журналистики. – Иркутск : ФГБОУ ВО Байкал. гос. ун-т, 2015. – Т. 4(2). – С. 149–158.
174. Рахматуллина, Д. Э. Референциальные особенности именных средств в выражении темпорального значения следования (на материале английского и русского языков) : монография / Д. Э. Рахматуллина. – Казань : Казан. гос. энерг. ун-т, 2019. – 172 с.
175. Руженцева, Н. Б. Авторизация дискурса СМИ : к проблеме прагматической и стилевой свободы журналиста / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2(98). – С. 12–21.

176. Русский язык и культура речи : учебник для вузов / Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова, Г. Я. Солганик ; под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Юрайт, 2024. – 239 с.

177. Рыбакова, Л. В. Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Рыбакова Лариса Владимировна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 192 л.

178. Рябова, Е. С. Информативность англоязычного медиатекста в лингвокогнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Рябова Елена Сергеевна ; Поволж. гос. соц.-гуманитарная акад. – Самара, 2012. – 20 с.

179. Рябуха, О. В. Проблема типологии интертекстуальных включений и их роль в структуре интертекста (на материале журнальных и газетных статей) / О. В. Рябуха, А. В. Трошина // Научный диалог. – 2018. – № 4. – С. 134-146.

180. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

181. Сабитова, З. К. Категория определенности/неопределенности предложения (сравнительно-историческое исследование) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Сабитова Зинаида Какбаевна ; Казах. гос. нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы, 1999. – 51 с.

182. Сажина, Е. В. Полемический дискурс печатных СМИ Беларуси и Великобритании / Е. В. Сажина ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – 209 с.

183. Сальникова, Ю. А. Об одном из видов референциального манипулирования в англоязычном медиадискурсе (на материале текстов о российско-украинских отношениях) : в 2 ч. / Ю. А. Сальникова, А. А. Мишко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 3(57). – Ч. 2. – С. 144–147.

184. Сивенкова, Н. В. Категория эвиденциальности в языке СМИ (на примере болгарских, английских и русских текстов из новостных источников) / Н. В. Сивенкова // Магия ИННО : новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. тр. в 2 т. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – Т. 1. – С. 338–342.

185. Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова : монография / К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 253 с.

186. Сидоров, Е. В. Когнитивная прагматика дискурса : монография / Е. В. Сидоров. – М. : РГСУ, 2013. – 166 с.

187. Сковородников, А. П. Языковое насилие в современной российской прессе / А. П. Сковородников // Речевое манипулирование : учеб. пособие. – 2-е изд. – М., 2008. – С. 158–168.

188. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 382 с.
189. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
190. Солганик, Г. Я. К определению понятий текст и медиатекст / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.
191. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса : монография / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, 2010. – 132 с.
192. Степанов, В. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста / В. Н. Степанов, Ю. Н. Варфоломеева // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2(25). – С. 64–70.
193. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов ; под ред. Ю. Н. Караулова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.
194. Стилистика научной речи : учеб. пособие / А. А. Евтюгина, И. Г. Гончаренко, А. В. Щетинина, М. В. Стурикова ; под ред. А. А. Евтюгиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2021. – 501 с.
195. Стральцоў, Б. В. Метад і жанр : асновы творчага майстэрства журналіста : вучэбны дапаможнік для студэнтаў спецыяльнасці «Журналістыка» / Б. В. Стральцоў. – Мінск : БДУ, 2002. – 118 с.
196. Супоницкая, Н. С. Категория авторизации в лингвистике научной речи / Н. С. Супоницкая // Университетский научный журнал. – 2016. – № 18. – С. 209–218.
197. Сусская, О. А. Видоизменение исследований медиадискурса в фокусе междисциплинарности / О. А. Сусская // Коммуникативные исследования. – Омск, 2019. – Т. 6(2). – С. 420–434.
198. Сыресина, И. О. Дискурсивные маркеры категории достоверности англоязычных новостных медиатекстов / И. О. Сыресина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2023. – Т. 16, вып. 11. – С. 3659–3664.
199. Сыроватская, Н. С. Риторическая авторизация и формы ее выражения в журналистских текстах аналитического типа (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сыроватская Надежда Сергеевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб, 2009. – 18 с.
200. Сытько, А. В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале немецкого и русского языков) : монография / А. В. Сытько. – Минск : МГЛУ, 2023. – 238 с.
201. Тertyчный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тertyчный. – М. : АспектПресс, 2000. – 312 с.

202. Трофимова, О. В. Лингвистический анализ публицистического текста : учеб. пособие / О. В. Трофимова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2006. – 244 с.

203. Туманова, А. Б. Языковые средства выражения авторизации в художественном произведении (на материале исторических романов Ануара Алимжанова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Туманова Айгуль Бектасовна ; Казах. гос. нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы, 1994. – 25 с.

204. Ульбашев, А. Х. Правовые и этические основы журналистики : учебник для вузов / А. Х. Ульбашев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 231 с.

205. Урунова, Р. Д. О способах авторизации современного газетного текста / Р. Д. Урунова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 3/2 (33/2). – С. 263–266.

206. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

207. Фёдорова, О. В. Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта (экспериментальное исследование на материале русского языка) / О. В. Фёдорова, А. М. Успенская // Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор. – М., 2010. – С. 196–206.

208. Фёдорова, О. В. Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Фёдорова Ольга Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 45 с.

209. Федоровская, Т. Н. Категория неопределенности и ее реализация в неопределенно-личном предложении с «one» (на материале современного англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Федоровская Татьяна Николаевна ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1983. – 16 с.

210. Федосеева, Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Федосеева Елена Викторовна ; Сибир. федер. ун-т. – Иркутск, 2016. – 190 л.

211. Федотова, Л. Н. Социология массовых коммуникаций. Теория и практика : учебник для вузов / Л. Н. Федотова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 603 с.

212. Федотова, О. С. Вариативность описания категорий текста в контексте выделения метадискурса : в 3 ч. / О. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 11(77). – Тамбов, 2017. – Ч. 3. – С. 175–177.

213. Филатова, В. В. Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Филатова Валентина Вячеславовна ; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Н. Новгород, 2000. – 194 л.

214. Филиппова, А. К. Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя (на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Филиппова Анна Кирилловна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2013. – 17 с.

215. Филичкина, Т. П. Идеологическая модальность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе / Т. П. Филичкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 38(20). – С. 244–252.

216. Фролова, О. Е. Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Фролова Ольга Евгеньевна ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2008. – 47 с.

217. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. – 2-е изд., перераб. – М. : ЛКИ, 2007. – 296 с.

218. Чернявская, В. Е. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы: учебник для студентов лингвистических направлений подготовки / В. Е. Чернявская, М. В. Хохлова. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 224 с.

219. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – Изд. 4-е, стереотип. – М. : URSS, 2007. – 128 с.

220. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.

221. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал ; Ин-т языкознания РАН ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

222. Шестухина, И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте : коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шестухина Ирина Юрьевна ; Алтай. гос. ун-т. – Барнаул, 2009. – 18 с.

223. Шилихина, К. М. Ироническая референция в дискурсе / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 134–139.

224. Шмелёва, Т. В. Медийное речеведение : электронный сб. ст. за 2010-2012 гг. / Т. В. Шмелёва. – Медиалингвистика XXI века. – URL: <https://medialing.spbu.ru/lib/29-28.html>. (дата обращения: 21.09.2024).

225. Шунейко, А. А. Лингвистическая экспертиза : учебник и практикум для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – М. : Юрайт, 2024. – 333 с.

226. Щелкунова, Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Щелкунова Екатерина Сергеевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 26 с.

227. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
228. Юрченко, А. Н. Восприятие референциально неоднозначных выражений русского языка: данные связанных с событиями потенциалов мозга : дис. ... канд. филол. наук / Юрченко Анна Николаевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2017. – 142 л.
229. Ягубова, М. А. Речь в средствах массовой информации / М. А. Ягубова // Хорошая речь ; под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Изд. 2-е, стер. – М., 2007. – С. 84–103.
230. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – 685 с.
231. Яковлева, Е. В. Теория референции и теория психосистематики / Е. В. Яковлева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 226–233.
232. Ясницкий, Ю. Г. Лексико-грамматические средства авторизации в научной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ясницкий Юрий Григорьевич ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1984. – 21 с.
233. Abbott, B. Reference / B. Abbott. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 308 p.
234. Aikhenvald, A. Y. Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2004. – 452 p.
235. Aikhenvald, A. Y. Studies in Evidentiality / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. – 365 p.
236. Allan, K. Natural language semantics / K. Allan. – Oxford, Malden : Blackwell Publishers, 2001. – 529 p.
237. Allen, G. Intertextuality / G. Allen. – London, N.Y. : Routledge, 2021. – 3rd ed. – 270 p.
238. Amaral, P. M. Contrast and the (Non-) Occurrence of Subject Pronouns / P. M. Amaral, S. A. Schwenter // Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium. – Somerville : Cascadilla Press, 2005. – P. 116–127.
239. Angelopoulos, N. Exploring syntactically encoded evidentiality / N. Angelopoulos, D.-V. Bagioka, A. Terzi // Language Acquisition. – Philadelphia : Routledge, 2022. – P. 1–26.
240. Bach, K. On referring and not referring / K. Bach // Reference: interdisciplinary perspectives ; ed. by J.K. Gundel and N. Hedberg. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2008. – P. 13–58.
241. Bazerman, C. Intertextuality : How Texts Rely on Other Texts / C. Bazerman // What Writing Does and How It Does It ; ed. by C. Bazerman, P. Prior. – Mahwah : Erlbaum, 2004. – P. 83–96.
242. Beaugrande, R. A. Introduction to text linguistics / R. A. Beaugrande, W. Dressler. – Wien : Longman, 1981. – 243 p.
243. Berk, L. M. English syntax: from word to discourse / L. M. Berk. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 1999. – 315 p.

244. Biagi, Sh. Media impact : an introduction to mass media / Sh. Biagi. – 5th ed. – Toronto : Wadsworth, 2000. – 425 p.

245. Black, E. Pragmatic stylistics / E. Black. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2006. – 166 p.

246. Bondi, M. Polyphony in academic discourse: a cross-cultural perspective on historical discourse / M. Bondi // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse ; ed. by E. Suomela-Salmi, F. Dervin. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 83–108.

247. Botha, J. Fake News and Deepfakes: A Dangerous Threat for 21st Century Information Security / J. Botha, H. Pieterse. – 2020. – URL: https://researchspace.csir.co.za/dspace/bitstream/handle/10204/11946/Botha_2020.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (date of access: 01.11.2023).

248. Bredel, U. Polyphonic constructions in everyday speech / U. Bredel // Framing and perspectivising in discourse ; ed. by T. Ensink and Ch. Sauer. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2003. – P. 147–170.

249. Breivik, L. E. Existential It Revisited / L. E. Breivik ; ed. by G. Bergh, J. Herriman and M. Möbärg // An international master of syntax and semantics. – Göteborg : Acta Univ. Gothoburgensis, 2004. – P. 51–58.

250. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (date of access: 21.06.2023).

251. Chilton, P. Manipulation / P. Chilton // Discursive pragmatics ; ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren. – Amsterdam : Philadelphia : John Benjamins, 2011. – P. 176–189.

252. Cohen, A. M. Think generic!: the meaning and use of generic sentences / A. M. Cohen. – Stanford : CSLI Publications, 1999. – 224 p.

253. Cowper, J. Footing, framing and the format sketch: strategies in political satire / J. Cowper // Framing and perspectivising in discourse ; ed. by T. Ensink and Ch. Sauer. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2003. – P. 109–145.

254. Cowper, J. Footing, framing and the format sketch: strategies in political satire / J. Cowper // Framing and perspectivising in discourse ; ed. by T. Ensink and Ch. Sauer. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2003. – P. 109–145.

255. Cresswell, M. J. How do we know what Galileo said? / M. J. Cresswell // The pragmatics of propositional attitude reports ; ed. by K. M. Jaszczolt. – Amsterdam : Elsevier, 2000. – P. 77–98.

256. Crystal, D. A dictionary of linguistics and phonetics / D. Crystal. – 6th ed. revised. – Oxford : Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.

257. Davies, C. Reference and informativeness: How context shapes referential choice / C. Davis, J. Arnold // The Oxford Handbook of Experimental Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. – P. 474–493.

258. Deemter, K. van. Not exactly: in praise of vagueness / K. van Deemter. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 341 p.

259. Dentith, M R.X. The problem of fake news / M R.X. Dentith // Public Reason. – Bucharest : ECPR & CSRB, 2017. – Vol. 8(1-2). – P. 65–79.

260. Devitt, A. Intertextuality in Tax Accounting Generic, Referential, and Functional / A. Devitt // *Textual Dynamics of the Professions – Historical and Contemporary Studies of Writing in Professional Communities* ; ed. by C. Bazerman & J. Paradis. – Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 1991. – P. 336–357.
261. Diewald, G. Evidentiality in German : linguistic realization and regularities in grammaticalization / G. Diewald, E. Smirnova. – Berlin, N.Y. : De Gruyter Mouton, 2010. – 366 p.
262. Donka, F. F. Stability and variation in article choice : generic and non-generic contexts / F. F. Donka, H. de Swart // *Quantification, definiteness, and nominalization* ; ed. by A. Giannakidou, M. Rathert. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2009. – P. 188–213.
263. Downing, A. Nominalisation and topic management in leads and headlines / A. Downing // *Discourse and community: doing functional linguistics* ; ed. by E. Ventola. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2000. – P. 355–378.
264. Duenas, P. M. Citation in business management research articles: a contrastive (English-Spanish) corpus-based analysis / P. M. Duenas // *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse* ; ed. by E. Suomela-Salmi, F. Dervin. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 49–60.
265. Echendu, A. J. Combatting Chemical Weapon Disinformation / A. J. Echendu // *Academia Letters*. – N.Y. : Academia, 2021. – P. 1–6.
266. Falk, Y. N. Subjects and universal grammar / Y. N. Falk. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 237 p.
267. Faller, M. Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface / M. Faller // *Workshop on Philosophy and Linguistics, University of Michigan*. – Manchester : The Univ. of Manchester, 2006. – P. 1–32.
268. Figueira, A. The current state of fake news: challenges and opportunities / A. Figueira, L. Oliveira // *Procedia Computer Science*. – Barcelona : Elsevier, 2017. – № 121. – P. 817–825.
269. Flanagin, A. J. Making sense of credibility in complex information environments: the role of message sidedness, information source, and thinking styles in credibility evaluation online / A. J. Flanagin, S. Winter, M. J. Metzger // *Information, Communication & Society*. – London, N.Y. : Routledge, 2018. – P. 1–19.
270. Forceville, Ch. Metonymy in visual and audiovisual discourse / Ch. Forceville // *The world told and the world shown: multisemiotic issues*. – Hampshire : Palgrave and Macmillan, 2009. – P. 56–74.
271. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press / R. Fowler. – London, N.Y. : Routledge, 1991. – 254 p.
272. Froehlich, Th. J. The role of pseudo-cognitive authorities and self-deception in the dissemination of fake news / Th. J. Froehlich // *Open Information Science*. – Berlin : De Gruyter, 2019. – № 3. – P. 115–136.

273. Frosh, P. Telling presences: witnessing, mass media, and the imagined lives of strangers / P. Frosh // *Media witnessing: testimony in the age of mass communication* ; ed. by P. Frosh, A. Pinchevski. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 49–72.

274. Gauker, Ch. Indirect discourse, relativism, and contexts that point to other contexts / Ch. Gauker // *Context-dependence, perspective and reality* ; ed. by F. Recanati, I. Stojanovic, N. Villanueva. – Berlin, N.Y. : De Gruyter Mouton, 2010. – P. 283–313.

275. Genette, G. Paratexts : Thresholds of interpretation / G. Genette. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. – 427 p.

276. Gibson, C. Habits of Mind in an Uncertain Information World / C. Gibson, T. E. Jacobson // *Reference and User Services Quarterly*. – Chicago : American Library Association, 2018. – Vol. 57(3). – P. 183–192.

277. Gisborne, N. The event structure of perception verbs / N. Gisborne. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 317 p.

278. Glock, H.-J. Quine and Davidson on language, thought and reality / H.-J. Glock. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 311 p.

279. Goatly, A. Explorations in stylistics / A. Goatly. – London, Oakville : Equinox, 2008. – 233 p.

280. Green, G. M. Ambiguity resolution and discourse interpretation / G. M. Green // *Semantic ambiguity and underspecification* ; ed. by K. van Deemter and S. Peters. – Stanford : 2004, CSLI Publications. – P. 1–26.

281. Grice, H. P. Studies in the way of words / H. P. Grice. – Harvard : Harvard Univ. Press; 1991. – 406 p.

282. Gripsrud, J. Understanding media culture / J. Gripsrud. – London : Arnold, 2002. – 330 p.

283. Haider, J. Paradoxes of media and information literacy: The crisis of information / J. Haider, O. Sundin. – London, N.Y. : Routledge, 2022. – 159 p.

284. Hall, S. B. The Discourse of Protest: Using discourse analysis to identify speech acts in UK broadsheet newspapers : MSc Dissertation at Media@LSE / S. B. Hall. – London : Media@LSE, 2012. – P. 1–55.

285. Hallet, G. L. Language and truth / G. L. Hallet. – New Haven, London : Yale Univ. Press, 1988. – 234 p.

286. Halliday, M. A. K. Construing experience through meaning: a language-based approach to cognition / M. A. K. Halliday and Ch. M. I. M. Matthiessen. – London, N.Y. : Continuum, 2000. – 657 p.

287. Hiramoto, M. Media intertextualities: Semiotic mediation across time and space / M. Hiramoto, J. S.-Y. Park // *Pragmatics and Society*. – N.Y. : John Benjamins, 2010. – P. 179–188.

288. Hjarvard, S. Mediated encounters: an essay on the role of communication media in the creation of trust in the 'global metropolis' / S. Hjarvard // *Global encounters: media and cultural transformation* ; ed. by G. Stald. – Luton : Univ. of Luton Press, 2002. – P. 69–84.

289. Honig, B. Political theory and the displacement of politics / B. Honig. – N.Y. : Cornell Univ. Press, 1993. – 269 p.
290. Horn, Ch. Using Factual Density to Measure Informativeness of Web Documents / Ch. Horn, A. Zhila, A. Gelbukh, R. Kern, E. Lex URL: <https://www.gelbukh.com/CV/Publications/2013/Using%20Factual%20Density%20to%20Measure%20Informativeness.pdf>. – 2013 (date of access: 20.09.2024).
291. Huang, C.-T. J. On the distribution and reference of empty pronouns / C.-T. J. Huang // Comparative grammar (critical concepts in linguistics) ; ed. by I. Roberts. – London, N.Y. : Routledge, 2007. – P. 160–210.
292. Hyland, K. Metadiscourse / K. Hyland. – London, N.Y. : Continuum, 2005. – 230 p.
293. Iqani, M. Megatextuality: Re-enunciating Media Intertextuality in the Age of Global Media Discourse / M. Iqani. – London : Media@LSE, 2009. – 27 p.
294. Israil, M. Conceptual, genre-style and pragmalinguistic characteristics of media texts / M. Israil // International Scientific Journal “Science and Innovation”. Series C. – Tashkent : LLC “Science and innovation”, 2023. – Vol. 2, № 8. – P. 5–8.
295. Janik, Ch. Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles / Ch. Janik // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse ; ed. by E. Suomela-Salmi, F. Dervin. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 19–32.
296. Jary, M. Assertion / M. Jary. – Hampshire, N.Y. : Palgrave Macmillan, Aspen Publishers Jaszczolt, K. M. Propositional Attitude Reports: Pragmatic Aspects / K. M. Jaszczolt // The Cambridge Handbook of Pragmatics ; ed. by K. Allan & K. M. Jaszczolt. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 305–327.
297. Johnson, S. Language Ideologies and Media Discourse : Texts, Practices, Politics / S. Johnson, T. Milani. – London, N.Y. : Continuum, 2010. – 296 p.
298. Kaltenböck, G. It-extraposition and non-extraposition in English (a study of syntax in spoken and written texts) / G. Kaltenböck. – Wien : Braumüller, 2004. – 324 p.
299. Klein, D. O. Fake news: a legal perspective / D. O. Klein, J. R. Wueller // Journal of Internet Law. – N.Y. : Aspen Publishers, 2017. – Vol. 20(10). – P. 5–13.
300. Kohring, M. Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale / M. Kohring, J. Matthes // Communication Research. – N.Y. : SAGE Publishing, 2007. – Vol. 34(2). – P. 231–252.
301. Kranich, S. Epistemic modality in English popular scientific texts and their German translations / S. Kranich // Trans-kom. – Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – P. 26–41.
302. Kratzer, A. Deconstructing information structure / A. Kratzer, E. Selkirk // A journal of general linguistics. – London : Open Library of Humanities, 2020. – № 5(1). – P. 1–53.

303. Kryachkov, D. Intertextuality in media texts. In *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow* / D. Kryachkov // The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. – Trnava : Univ. of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2023. – Special issue VIII(1). – P. 62–78.
304. Langacker, R. W. *Investigations in cognitive grammar* / R. W. Langacker. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
305. Langacker, R. W. *Metonymic grammar* / R. W. Langacker // *Metonymy and metaphor in grammar* ; ed. by K.-U. Panther, L. L. Thornburg, A. Barcelona. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 45–71.
306. Leach, J. *Scientific witness, testimony, and mediation* / J. Leach // *Media witnessing: testimony in the age of mass communication* ; ed. by P. Frosh, A. Pinchevski. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 182–197.
307. Lee, Ch. *Generic sentences are topic constructions* / Ch. Lee // *Reference and referent accessibility* ; ed. by Th. Fretheim, J. K. Gundel. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1996. – P. 213–222.
308. Lehmann, Ch. *Linguistic concepts and categories in language description and comparison* / Ch. Lehmann // *Typology, acquisition, grammaticalization studies*. – Milano : Franco Angeli, 2018. – P. 27–50.
309. Levi, O. *Identifying Nuances in Fake News vs. Satire: Using Semantic and Linguistic Cues* / O. Levi, P. Hosseini, M. Diab, D. Broniatowski // *Proceedings of the Second Workshop on Natural Language Processing for Internet Freedom: Censorship, Disinformation, and Propaganda*. – Hong Kong : Association for Computational Linguistics, 2019. – P. 31–35.
310. Lewis, C. *Learning as Social Interaction: Interdiscursivity* / C. Lewis, J. Ketter // *An introduction to critical discourse analysis in education* ; ed. by R. Rogers. – London : Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2004. – P. 117–146.
311. Low, R. M.-H. *The hidden path of semantic content within pragmatic context: a frequency study of the definite article the* / R. M.-H. Low // *Where semantics meets pragmatics* ; ed. by K. von Heusinger and K. Turner. – Amsterdam [etc.] : Elsevier, 2006. – P. 129–155.
312. Macdonald, M. *Exploring media discourse* / M. Macdonald. – London : Arnold, 2003. – 213 p.
313. Mahyoob, M. *Linguistic-Based Detection of Fake News in Social Media* / M. Mahyoob, J. Algaraady, M. Alrahaili // *International Journal of English Linguistics*. – Ontario : Canadian Center of Science and Education, 2021. – Vol. 11(1). – P. 99–109.
314. Martinez, J. M. A. *Evidentiality in Spoken Catalan. The Evidential Marker “diu que”* / J. M. A. Martinez, A. Senti // *Anuari de Filologia Estudis de Lingüística*. – Valencia : ResearchGate, 2020. – P. 123–161.
315. Matheson, D. *What’s wrong with narrative models of the news?* / D. Matheson // *Journalism & meaning-making: reading the newspaper* ; ed. by V. Rupar. – Cresskill : Hampton Press, 2010. – P. 37–54.
316. McCarthy, T. *Radical interpretation and indeterminacy* / T. McCarthy. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – 253 p.
317. McKenzie, A. *Subject domain restriction and reference-tracking* / A. McKenzie // *Proceedings of SALT*. – Ithaca, N.Y. : CLC Publications, 2010. – P. 269–288.

318. Miola, R. S. Seven Types of Intertextuality. – URL: <https://loyolanot-redamelib.org/Chaired/docs/SevenTypesIntertextuality-04.pdf>. (date of access: 28.11.2022).
319. Moxey, L. M. Communicating quantities: a psychological perspective / L. M. Moxey, A. J. Sanford. – London : Routledge, 1993. – 144 p.
320. Mukherjee, S. Leveraging Joint Interactions for Credibility Analysis in News Communities / S. Mukherjee, G. Weikum // Proceedings of the 24th ACM International on Conference on Information and Knowledge Management. – N.Y. : Association for Computing Machinery, 2015. – P. 353–362.
321. Noh, E.-J. Metarepresentation: a relevance-theory approach / E.-J. Noh. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2000. – 242 p.
322. Östman, J. O. Discursive Pragmatics / J. O. Östman, J. Verschueren. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2011. – 324 p.
323. Ott, B. Intertextuality : Interpretive Practice and Textual Strategy / B. Ott, C. Walter // Critical Studies in Media Communication. – Abingdon : Taylor & Francis Ltd., 2000. – Vol. 17, № 4. – P. 429–446.
324. Panagiotidou, M. E. Intertextuality and the Pragmatics of Literary Reading / M. E. Panagiotidou // Pragmatic Literary Stylistics. Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition ; ed. by S. Chapman, B. Clark. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 132–151.
325. Pelletier, F. J. Generics: a philosophical introduction / F. J. Pelletier // Kinds, things, and stuff ; ed. by F.J. Pelletier. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – P. 3–15.
326. Peters, J. D. Witnessing / J. D. Peters // Media witnessing: testimony in the age of mass communication ; ed. by P. Frosh, A. Pinchevski. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 23–41.
327. Peterson, P. L. Intermediate Quantities: logic, linguistics, and Aristotelian semantics / P. L. Peterson. – Aldershot, Burlington, Singapore, Sydney : Ashgate, 2000. – 282 p.
328. Porter, J. Intertextuality and the Discourse Community / J. Porter // Rhetoric Review. – Abingdon : Tailor & Francis Ltd., 1986. – Vol. 5, № 1. – P. 34–47.
329. Powell, G. Language, thought and reference / G. Powell. – Hampshire : Palgrave and Macmillan, 2010. – 217 p.
330. Radden, G. Generic reference in English: a metonymic and conceptual blending analysis / G. Radden // Metonymy and metaphor in grammar ; ed. by K.-U. Panther, L. L. Thornburg, A. Barcelona. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 199–228.
331. Ramat, P. Linguistic categories and linguists' categorizations / P. Ramat // Linguistics. – № 37/1. – Berlin : Mouton De Gruyter, 1999. – P. 157–180.
332. Rashkin, H. Truth of Varying Shades: Analyzing Language in Fake News and Political Fact-Checking / H. Rashkin, E. Choi, J. Y. Jang, S. Volkova, Y. Choi // Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Copenhagen : Association for Computational Linguistics, 2017. – P. 2931–2937.
333. Recanati, F. Direct reference: from language to thought / F. Recanati. – Oxford, Cambridge : Blackwell, 1993. – 420 p.

334. Sakita, T. I. Reporting discourse, tense, and cognition / T. I. Sakita. – Oxford : Elsevier, 2002. – 290 p.
335. Sandt, Rob A. van der. Context and presupposition / R. A. van der Sandt. – London, N.Y., Sydney : Croom Helm, 1988. – 249 p.
336. Savollainen, R. Cognitive Authority as an Instance of Informational and Expert Power / R. Savollainen // Libri. – Berlin : De Gruyter, 2021. – Vol. 72(1). – P. 1–12.
337. Schiffrin, D. Discourse / D. Schiffrin // An introduction to language and linguistics / ed. by R. Fasold and J. Connor-Linton. – N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2013. – P. 169–204.
338. Shams, R. Identification of informativeness in text using natural language stylometry / R. Shams. – Ontario : IEEE, 2014. – 195 p.
339. Shido, M. Semantic extension, subjectification, and verbalization / M. Shido. – Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, Plymouth : Univ. Press of America, 2009. – 284 p.
340. Skarnik Dictionary. – URL: <https://www.skarnik.by>. (date of access: 21.06.2023).
341. Slier, Sh. Levels of information: a framing hierarchy / Sh. Slier, C. R. M. McKenzie // Perspectives on framing ; ed. by G. Keren. – N.Y., Hove : Psychology Press, 2011. – P. 35–64.
342. Smith, M. Pragmatic functions and lexical categories / M. Smith // Linguistics. – Berlin : Walter de Gruyter, 2010. – № 48 (3). – P. 717–777.
343. Sorea, D. Pragmatics. Some Cognitive Perspectives / D. Sorea. – Bucharest : Contemporary Literature Press, 2012. – 341 p.
344. Stefanowitsch, A. Corpus linguistics: a guide to the methodology (textbooks in language sciences) / A. Stefanowitsch. – Berlin : Language Science Press, 2020. – 510 p.
345. Sulikowski, P. R. Textualitätskriterien eines literarischen Textes und die Intertextualität / P. R. Sulikowski // Sprache und Meer/und mehr: linguistische Studien und Anwendungsfelder. – Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2015. – P. 323–342.
346. Thompson, P. Aspects of identification and position in intertextual reference in PhD theses / P. Thompson // Strategies in academic discourse. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 31–50.
347. Vater, H. Einführung in die Textlinguistik : Struktur, Thema und Referenz in Texten / H. Vater. – München : Grin Verlag, 2001. – 207 p.
348. Velykoroda, Y. Intertextuality in media discourse : A reader's perspective / Y. Velykoroda, O. Moroz // Explorations in English Language and Linguistics. N.Y. : Walter de Gruyter GmbH, 2021. – P. 56–79.
349. Vestergaard, T. Studying newspaper discourse / T. Vestergaard // Culture, media, theory, practice: perspectives ; ed. by B. Dorfman. – Aalborg : Aalborg Univ. Press, 2004. – P. 308–326.
350. Walton, D. Methods of Argumentation / D. Walton. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2013. – 320 p.

351. Westerstahl, D. Determiners and Context Sets / D. Westerstahl // Generalized quantifiers in natural language ; ed. by J. van Benthem and A. ter Meulen. – Dordrecht : Foris Publications, 1984. – P. 45–72.
352. White, P. R. Media objectivity and the rhetoric of news story structure / P. R. White // Discourse and community: doing functional linguistics ; ed. by E. Ventola. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2000. – P. 379–397.
353. Wierzbicka, A. The semantics of grammar / A. Wierzbicka. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1988. – 618 p.
354. Willet, Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality / Th. Willet // Studies in Language. – Amsterdam : John Benjamins, 1988. – P. 51–100.
355. Wu, Zh. and Measuring Term Informativeness in Context / Zh. Wu, C. L. Giles // Proceedings of the 2013 Conference of the North American for Computational Linguistics : Human Language Technologies. – Atlanta : Georgia : Association for Computational Linguistics, 2013. – P. 259–269.
356. Xu, Zh. Pragmatic functions of evidentiality in diplomatic discourse: Toward a new analytical framework / Zh. Xu // Frontiers in Psychology. – Lausanne : Frontiers, 2022. – P. 1–14.
357. Yamamoto, M. Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations / M. Yamamoto. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2006. – 151 p.
358. Zelinsky-Wibbelt, C. Discourse and the continuity of reference / C. Zelinsky-Wibbelt. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – 354 p.
359. Zeman, D. Knowledge attributions and relevant epistemic standards / D. Zeman // Context-dependence, perspective and reality ; ed. by F. Recanati, I. Stojanovic, N. Villanueva. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2010. – P. 225–250.
360. Zengin, M. An Introduction to Intertextuality as a Literary Theory: Definitions, Axioms and the Originators / M. Zengin // Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute. – Istanbul : Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2016. – № 50. – P. 299–327.
361. Zettersten, M. Finding categories through words : More nameable features improve category learning / M. Zettersten, G. Lupyan // Cognition. – № 196. – Wisconsin : Elsevier, 2020. – P. 1–22.
362. Zhou, X. Fake News Early Detection : An Interdisciplinary Study / X. Zhou, A. Jain, V. V. Phoha, R. Zafarani // Computation and Language. – N.Y. : Cornell Univ. Press, 2020. – Vol. 1(1). – P. 1–25.
363. Zimmerling, A. Zero subjects and transitive impersonals / A. Zimmerling // Wiener Slawistischer Almanach. – München : Peter Lang Verlag, 2013. – P. 1–11.
364. Zufferey, S. Lexical pragmatics and theory of mind / S. Zufferey. – Philadelphia : John Benjamins, 2010. – 192 p.

Научное издание

Басовец Ирина Михайловна

**СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ
И МЕДИАТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ**

Ответственный за выпуск *И. М. Басовец*

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*
Оформление обложки *Т. С. Соловьева*

Подписано в печать 04.08.2025 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Ризография. Усл.-печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 13,32. Тираж 50 экз. Заказ 25.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.